

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
16 февраля 2017 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 1 (2017)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По уголовным делам

1. Правила ч. 3 ст. 62 УК РФ о неприменении положений ч. 1 ст. 62 УК РФ не распространяются на лиц, которым в силу закона не назначается пожизненное лишение свободы, в том числе на лиц, совершивших неоконченное преступление.

По приговору М. осужден к лишению свободы по ч. 2 ст. 209 УК РФ на 9 лет со штрафом в размере 100 000 рублей и по ч. 1 ст. 30, ст. 317 УК РФ на 9 лет. В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений назначено 12 лет лишения свободы со штрафом в размере 100 000 руб.

Апелляционным определением приговор оставлен без изменения.

В надзорной жалобе осужденный просил об изменении судебных решений и о смягчении назначенного наказания, указывая, что с учетом положений ч. 1 ст. 62 и ч. 2 ст. 66 УК РФ за приготовление к преступлению ему не могло быть назначено наказание, превышающее 6 лет 8 месяцев лишения свободы.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ) при наличии смягчающих обстоятельств,

предусмотренных пп. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Судом первой инстанции в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, признано, что осужденный «активно способствовал раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию руководителя и членов банды», то есть суд установил наличие обстоятельств, указанных в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Обстоятельств, отягчающих наказание осужденного, не имеется.

Однако при назначении наказания по ч. 1 ст. 30, ст. 317 УК РФ положения ч. 1 ст. 62 УК РФ судом не были применены и осужденному назначено наказание, превышающее пределы, установленные указанной нормой уголовного закона.

При этом судом не было учтено, что правила ч. 3 ст. 62 УК РФ о неприменении положений ч. 1 ст. 62 УК РФ не распространяются на лиц, которым в силу закона не назначается пожизненное лишение свободы, в том числе на лиц, совершивших неоконченное преступление.

При таких обстоятельствах Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор и апелляционное определение: смягчил наказание по ч. 1 ст. 30, ст. 317 УК РФ до 6 лет лишения свободы; в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 209, ч. 1 ст. 30, ст. 317 УК РФ, путем частичного сложения наказаний назначил М. наказание в виде лишения свободы сроком на 11 лет 6 месяцев со штрафом в размере 100 000 руб.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 135П16*

2. В соответствии с ч. 4 ст. 65 УК РФ при назначении наказания лицу, признанному вердиктом коллегии присяжных заседателей виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, обстоятельства, отягчающие наказание, не учитываются.

По приговору, постановленному с участием присяжных заседателей, П. осужден к лишению свободы по ч. 1 ст. 109 УК РФ с применением положений ч. 1 ст. 65 УК РФ на 1 год 2 месяца и по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на 14 лет. В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по

совокупности преступлений ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 15 лет.

Апелляционным определением приговор оставлен без изменения.

В надзорной жалобе осужденный просил о смягчении наказания с учетом признания вины и раскаяния в содеянном.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор и апелляционное определение по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 56 УК РФ наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ, или только если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 109 УК РФ, относится к категории преступлений небольшой тяжести. Поскольку осужденный ранее не судим, его следует отнести к лицам, впервые совершившим преступление небольшой тяжести.

В соответствии с ч. 4 ст. 65 УК РФ при назначении наказания лицу, признанному вердиктом коллегии присяжных заседателей виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, обстоятельства, отягчающие наказание, не учитываются.

Из материалов уголовного дела следует, что осужденный коллегией присяжных заседателей по ч. 1 ст. 109 УК РФ признан заслуживающим снисхождения. В связи с этим установленное судом отягчающее наказание обстоятельство за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 109 УК РФ, – «группой лиц» – не должно учитываться при назначении наказания.

При наличии таких данных Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор и апелляционное определение: по ч. 1 ст. 109 УК РФ вместо лишения свободы назначил осужденному наказание в виде исправительных работ сроком на 1 год 10 месяцев с удержанием в доход государства 20% заработной платы.

В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 109, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, путем частичного сложения наказаний назначил осужденному наказание в виде лишения свободы сроком на 14 лет 6 месяцев.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 156П16*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

3. На отношения между банком и его клиентом (вкладчиком) по возврату денежных сумм и выплате неустойки п. 5 ст. 28 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-І «О защите прав потребителей», определяющий последствия нарушения исполнителем сроков выполнения работ (оказания услуг), не распространяется.

К. обратилась в суд с иском к банку о взыскании суммы вклада, компенсации морального вреда и неустойки за нарушение сроков возврата суммы вклада, ссылаясь на то, что после обращения в банк с заявлением о расторжении договора банковского вклада внесенные денежные средства были возвращены ей частями.

Решением суда исковые требования удовлетворены частично. С банка в пользу К. взыскана неустойка, компенсация морального вреда, штраф за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя.

Разрешая спор, суд первой инстанции руководствовался п. 5 ст. 28 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-І «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) применительно к требованию о взыскании неустойки, посчитав, что ее размер (3% в день) является несоизмерным последствиям нарушения обязательства, и с учетом положений ст. 333 ГК РФ снизил неустойку до 0,3% в день.

Суд апелляционной инстанции, согласившись с выводом суда о наличии оснований для применения п. 5 ст. 28 Закона о защите прав потребителей, указал на необоснованность применения судом ст. 333 ГК РФ, увеличив размер взысканной неустойки, размер штрафа, а также размер компенсации морального вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций ошибочными по следующим основаниям.

Согласно ст. 834 ГК РФ по договору банковского вклада (депозита) одна сторона (банк), принявшая поступившую от другой стороны (вкладчика) или поступившую для нее денежную сумму

(вклад), обязуется возвратить сумму вклада и выплатить проценты на нее на условиях и в порядке, предусмотренных договором (п. 1).

В соответствии с п. 2 ст. 837 ГК РФ по договору банковского вклада любого вида банк обязан выдать сумму вклада или ее часть по первому требованию вкладчика, за исключением вкладов, внесенных юридическими лицами на иных условиях возврата, предусмотренных договором.

К отношениям банка и вкладчика по счету, на который внесен вклад, применяются правила о договоре банковского счета (гл. 45), если иное не предусмотрено правилами гл. 44 ГК РФ или не вытекает из существа договора банковского вклада (п. 3 ст. 834 ГК РФ).

В силу ст. 856 ГК РФ в случаях несвоевременного зачисления на счет поступивших клиенту денежных средств либо их необоснованного списания банком со счета, а также невыполнения указаний клиента о перечислении денежных средств со счета либо об их выдаче со счета банк обязан уплатить на эту сумму проценты в порядке и в размере, предусмотренных ст. 395 данного кодекса.

Применение положений ст. 856 ГК РФ к договору банковского вклада обусловлено как п. 3 ст. 834 ГК РФ, так и тем, что заключение такого договора оформляется открытием клиенту депозитного счета, являющегося разновидностью банковского счета.

Таким образом, последствия нарушения банком обязанности по возврату вклада вследствие невыдачи денежных средств со счета состоят в обязанности уплаты банком процентов по ставке рефинансирования.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2008 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», если отдельные виды отношений с участием потребителей регулируются и специальными законами Российской Федерации, содержащими нормы гражданского права (например, договор участия в долевом строительстве, договор страхования, как личного, так и имущественного, договор банковского вклада, договор перевозки, договор энергоснабжения), то к отношениям, возникающим из таких договоров, Закон о защите прав потребителей применяется в части, не урегулированной специальными законами.

Это судебными инстанциями учтено не было.

В нарушение указанных выше норм Гражданского кодекса Российской Федерации, а также акта их разъяснения, суды неправоммерно применили к возникшим правоотношениям положения п. 5 ст. 28 Закона о защите прав потребителей, определяющей последствия нарушения исполнителем сроков выполнения работ

(оказания услуг), не приняв во внимание, что такие последствия применительно к нарушению обязанности по возврату вклада по первому требованию вкладчика урегулированы положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, содержащими специальные нормы и подлежащими применению при рассмотрении данного дела.

Кроме того, неправильное применение норм материального права в части определения размера неустойки, подлежащей взысканию, повлекло за собой и неправильный расчет размера штрафа за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия отменила апелляционное определение, направив дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 88-КГ16-7

4. Отношения, возникающие из возмездного договора на выполнение работ (оказание услуг) по изготовлению полиграфической продукции для цели ее коммерческого распространения, не регулируются законодательством о защите прав потребителей.

Л. обратился в суд к индивидуальному предпринимателю К. с иском о защите прав потребителей. В обоснование истец указал, что между сторонами заключен договор на изготовление полиграфической продукции, в соответствии с которым К. принял на себя обязательство отпечатать книгу истца в течение 60 дней с момента утверждения оригинал-макета, переданного ответчику в день подписания договора.

Несмотря на выполнение Л. условий договора (внесение предоплаты по договору, что подтверждается распиской ответчика), К. свои обязательства по договору не исполнил – книга отпечатана не была. Истец указывал, что нарушение сроков печати книги причинило ему моральные страдания, поскольку ранее истец анонсировал книгу перед всероссийской аудиторией, должен был выступать с ней, а также потому, что сорвался ряд коммерческих планов и предложений, связанных с выходом книги. Истец просил суд расторгнуть заключенный между сторонами договор, взыскать с ответчика сумму аванса, неустойку, компенсацию морального вреда.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены частично, расторгнут заключенный между сторонами

договор, в пользу Л. взысканы сумма аванса, а также предусмотренные Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) неустойка и штраф.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что имеются предусмотренные ст. 387 ГПК РФ основания для отмены апелляционного определения в кассационном порядке.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования, в том числе о взыскании неустойки и штрафа, суд, руководствуясь Законом о защите прав потребителей, указал, что истец при заключении договора действовал как физическое лицо, свои обязательства по договору выполнил в полном объеме, ответчик в установленный договором срок изготовленный тираж книги истцу не передал, чем нарушил права истца как потребителя.

Вместе с тем, как разъяснено в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», при определении закона и иного нормативного правового акта, которым следует руководствоваться при разрешении дела, и установлении правоотношений сторон следует иметь в виду, что они должны определяться исходя из совокупности данных: предмета и основания иска, возражений ответчика относительно иска, иных обстоятельств, имеющих юридическое значение для правильного разрешения дела.

В соответствии с преамбулой Закона о защите прав потребителей этот закон регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав.

Таким образом, одной из сторон правоотношений, которые регулируются Законом о защите прав потребителей, должен быть потребитель.

Согласно преамбуле данного закона потребителем признается гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Из установленных судом обстоятельств дела следует, что предметом договора являлось издание книги тиражом в 1000 экземпляров, что не относится к личным, семейным, домашним, бытовым нуждам. В обоснование требований о компенсации морального вреда истец указывал, что из-за неисполнения ответчиком обязательств по договору сорвался ряд коммерческих планов и предложений, связанных с выходом книги.

При таких обстоятельствах применение судами первой и апелляционной инстанций к спорным отношениям положений Закона о защите прав потребителей Судебная коллегия признала ошибочным.

Определение № 117-КГ16-3

5. В случае причинения вреда имуществу потребителя, произошедшего в результате перепада напряжения в электросети, бремя представления доказательств, подтверждающих надлежащее исполнение обязанностей по договору энергоснабжения, возлагается на энергоснабжающую организацию.

Ц.Р., Ц.А., Ц.Б., обратились в суд с иском к межрегиональной распределительной сетевой компании (далее – МРСК), энергоснабжающей организации о взыскании материального ущерба, штрафа в размере 50% за отказ в удовлетворении законных требований потребителей, компенсации морального вреда.

Судом установлено, что истцы являются потребителями электроэнергии, поставляемой энергоснабжающей организацией в соответствии с публичным договором энергоснабжения.

В ночь с 28 на 29 августа 2014 г. возникла аварийная ситуация, связанная с перепадом электроэнергии.

Согласно акту МРСК, акту проверки, составленному территориальным органом Роспотребнадзора, и акту мастерской по ремонту бытовой техники бытовая техника истцов пришла в негодность в результате повышения напряжения электрической сети.

26 сентября 2014 г. истцами в адрес энергоснабжающей организации направлено заявление о возмещении имущественного вреда, причиненного перепадом напряжения в электрической сети, которое ответчиком оставлено без ответа.

Частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что истцам был причинен ущерб вследствие поставки ответчиком электроэнергии ненадлежащего качества. При этом ответчиком не было представлено доказательств того, что вред бытовой

технике истцов был причинен в результате нарушения правил эксплуатации такой техники истцами.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции указал, что истцами не представлено доказательств того, что бытовая техника, которой причинен вред, принадлежала им на дату произошедшего перепада напряжения и пришла в негодность именно 29 августа 2014 г. по причине скачка напряжения. Суд также указал, что акт проверки, проведенной территориальным органом Роспотребнадзора, не может служить доказательством, поскольку не соответствует требованиям, предъявляемым к такого рода документам, так как в нем отсутствуют подписи лиц, участвовавших в проверке.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась, отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

На основании ст. 1095 ГК РФ вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара, работы или услуги, а также вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе, услуге), подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу (исполнителем), независимо от их вины и от того, состоял потерпевший с ними в договорных отношениях или нет. Правила, предусмотренные данной статьей, применяются лишь в случаях приобретения товара (выполнения работы, оказания услуги) в потребительских целях, а не для использования в предпринимательской деятельности.

В силу п. 1 ст. 38 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» субъекты электроэнергетики, обеспечивающие поставки электрической энергии потребителям электрической энергии, в том числе энергосбытовые организации, гарантирующие поставщики и территориальные сетевые организации (в пределах своей ответственности), отвечают перед потребителями электрической энергии за надежность обеспечения их электрической энергией и ее качество в соответствии с требованиями технических регламентов и иными обязательными требованиями.

Согласно ст. 1098 ГК РФ продавец или изготовитель товара, исполнитель работы или услуги освобождается от ответственности в случае, если докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или нарушения потребителем установленных правил пользования товаром, результатами работы, услуги или их хранения.

В соответствии с п. 5 ст. 14 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» изготовитель (исполнитель, продавец) освобождается от ответственности, если докажет, что вред причинен вследствие непреодолимой силы или нарушения потребителем установленных правил использования, хранения или транспортировки товара (работы, услуги).

Согласно разъяснению, содержащемуся в абзаце первом п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе и за причинение вреда, лежит на продавце (изготовителе, исполнителе, уполномоченной организации или уполномоченном индивидуальном предпринимателе, импортере) (п. 4 ст. 13, п. 5 ст. 14, п. 5 ст. 23.1, п. 6 ст. 28 Закона о защите прав потребителей, ст. 1098 ГК РФ).

Следовательно, бремя доказывания того, что вред имуществу потребителя электроэнергии был причинен не в результате ненадлежащего исполнения энергоснабжающей организацией своих обязанностей по договору энергоснабжения, а вследствие иных причин, возлагается на такую энергоснабжающую организацию.

Это не было учтено судом апелляционной инстанции, возложившим на истцов обязанность доказывания отсутствия оснований для освобождения энергоснабжающей организации от ответственности за причинение вреда имуществу истцов.

Суд апелляционной инстанции оставил без внимания и то обстоятельство, что ответчиком не было представлено доказательств, подтверждающих надлежащее исполнение энергоснабжающей организацией своих обязанностей по договору энергоснабжения, а также принятие мер по предупреждению повреждений электрических сетей, приводящих к нарушениям режима ее функционирования, с целью предотвращения электрического перенапряжения и повреждений бытовых электроприборов.

В соответствии с ч. 1 ст. 196 ГПК РФ при принятии решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению.

В мотивировочной части решения суда должны быть указаны обстоятельства дела, установленные судом, доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах, доводы, по которым суд

отвергает те или иные доказательства, законы, которыми руководствовался суд (абзац первый ч. 4 ст. 198 ГПК РФ).

В обоснование вывода о наличии оснований частичного удовлетворения заявленных исковых требований суд первой инстанции сослался на акт МРСК, согласно которому в ночь с 28 на 29 августа 2014 г. в результате падения дерева на линии электропередач произошло замыкание высоковольтных линий, акт проверки, составленный территориальным органом Роспотребнадзора, и акт мастерской по ремонту бытовой техники, подтверждающие причинение бытовой технике вреда вследствие перенапряжения сети.

Согласно п. 6 ч. 2 ст. 329 ГПК РФ в апелляционном определении должны быть указаны мотивы, по которым суд пришел к своим выводам, и ссылка на законы, которыми суд руководствовался.

В нарушение приведенной нормы процессуального права суд апелляционной инстанции, отвергнув акт проверки территориального органа Роспотребнадзора, как содержащий подпись одного лица, проводившего проверку, не привел ссылку на закон, требующий наличия нескольких подписей на таком акте, а также не дал оценку иным указанным выше доказательствам, положенным в основу вывода суда первой инстанции об удовлетворении исковых требований.

Как указала Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, ссылка суда апелляционной инстанции на отсутствие доказательств, подтверждающих принадлежность именно истцам имущества, которому был причинен вред, также не может быть принята во внимание, поскольку ответчик не оспаривал принадлежность поврежденного имущества истцам.

Определение № 26-КГ16-12

6. Злоупотребление со стороны страховщика при заключении договора имущественного страхования может повлечь признание такого договора недействительным.

Б. обратился в суд с иском к страховой организации о признании недействительными пункта договора страхования и ряда положений правил комплексного страхования автотранспорта (далее – правила страхования), утвержденных приказом директора страховой организации (ответчика), и просил взыскать страховое возмещение в пользу банка и в свою пользу, проценты за пользование чужими денежными средствами, компенсацию морального вреда, штраф и судебные расходы.

Судом по делу установлено, что между Б. и банком заключен смешанный договор купли-продажи и залога транспортного средства.

11 декабря 2014 г. между Б. и страховой организацией заключен договор добровольного страхования автомобиля по рискам «ущерб», «хищение» сроком действия с 11 декабря 2014 г. по 10 декабря 2015 г. (с выдачей полиса страхования).

Полисом страхования предусмотрено, что страхователь обязан предоставить застрахованное транспортное средство на осмотр специалисту страховой организации (ответчику) и установить дополнительное противоугонное устройство (далее – ПУУ) – поисковую спутниковую систему. По риску «хищение» договор вступает в силу с момента предоставления представителю страховщика действующего договора на обслуживание указанной поисковой системы.

Страховая премия уплачена страхователем в полном объеме 11 февраля 2014 г.

4 февраля 2015 г. принадлежащий истцу автомобиль похищен неизвестным лицом.

5 февраля 2015 г. постановлением следователя по факту хищения автомобиля возбуждено уголовное дело и Б. признан потерпевшим.

12 февраля 2015 г. истец обратился в страховую организацию с письменным заявлением о наступлении страхового случая.

5 апреля 2015 г. в связи с неустановлением лица, осуществившего хищение транспортного средства, предварительное следствие было приостановлено.

13 мая 2015 г. страховая организация отказала в удовлетворении требования о выплате страхового возмещения, сославшись на то, что транспортное средство было оборудовано лишь штатным ПУУ и противоугонной системой.

Направленная в адрес страховой организации претензия была оставлена страховщиком без удовлетворения.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из того, что неустановление поисковой спутниковой системы определенного вида являлось недобросовестным действием истца, в связи с чем страховщик обоснованно отказал в выплате страхового возмещения.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Между тем судебными инстанциями не было учтено следующее.

В соответствии с пп. 1, 2 ст. 929 ГК РФ по договору имущественного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить

другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы). По договору имущественного страхования может быть застрахован риск утраты (гибели), недостачи или повреждения определенного имущества (ст. 930 ГК РФ).

Согласно ст. 9 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее – Закон об организации страхового дела) страховым риском является предполагаемое событие, на случай наступления которого проводится страхование. Событие, рассматриваемое в качестве страхового риска, должно обладать признаками вероятности и случайности его наступления (п. 1).

Страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам (п. 2).

Пунктом 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» разъяснено, что страховой случай включает в себя опасность, от которой производится страхование, факт причинения вреда и причинную связь между опасностью и вредом.

Исходя из изложенного страховым случаем по договору страхования имущества является наступление предусмотренного договором страхования события, причинившего утрату, гибель или повреждение застрахованного имущества.

Согласно абзацам второму и четвертому п. 1 ст. 942 ГК РФ при заключении договора имущественного страхования между страхователем и страховщиком должно быть достигнуто соглашение о характере события, на случай наступления которого осуществляется страхование (страхового случая), и о сроке действия договора.

В соответствии с пп. 1, 2 ст. 943 ГК РФ условия, на которых заключается договор страхования, могут быть определены в стандартных правилах страхования соответствующего вида, принятых, одобренных или утвержденных страховщиком либо объединением страховщиков (правилах страхования).

Условия, содержащиеся в правилах страхования и не включенные в текст договора страхования (страхового полиса), обязательны для

страхователя (выгодоприобретателя), если в договоре (страховом полисе) прямо указывается на применение таких правил и сами правила изложены в одном документе с договором (страховым полисом) или на его оборотной стороне либо приложены к нему. В последнем случае вручение страхователю при заключении договора правил страхования должно быть удостоверено записью в договоре.

Правилами страхования, утвержденными страховой организацией, предусматривалось, что по риску «хищение» страховым событием является утрата застрахованного транспортного средства и (или) дополнительного оборудования в результате кражи, грабежа, разбоя (согласно квалификации, предусмотренной Уголовным кодексом Российской Федерации).

Согласно этим же правилам страхования не являются страховыми случаями хищение транспортного средства, не оборудованного противобулавонными системами, соответствующими требованиям страховщика, предусмотренными договором страхования, а также если эти системы на момент хищения транспортного средства были демонтированы, неисправны или находились в состоянии, не позволяющем им в предусмотренном конструкцией объеме осуществлять функцию поиска или противодействия хищению транспортного средства, о чем страхователю, выгодоприобретателю или лицу, допущенному к управлению, было известно.

Вместе с тем согласно п. 3 ст. 943 ГК РФ при заключении договора страхования страхователь и страховщик могут договориться об изменении или исключении отдельных положений правил страхования и о дополнении правил.

Полисом страхования, выданным ответчиком истцу при заключении договора, в качестве событий, на случай наступления которых осуществляется страхование, указаны «ущерб» и «хищение». Каких-либо исключений относительно данных страховых рисков в полисе страхования не содержится.

На основании п. 1 ст. 964 ГК РФ, если законом или договором страхования не предусмотрено иное, страховщик освобождается от выплаты страхового возмещения и страховой суммы, когда страховой случай наступил вследствие: воздействия ядерного взрыва, радиации или радиоактивного заражения; военных действий, а также маневров или иных военных мероприятий; гражданской войны, народных волнений всякого рода или забастовок.

Между тем страховщик, согласовав в полисе страхования с истцом условие о страховом риске как об ущербе и хищении, в утвержденных им в одностороннем порядке правилах страхования существенно ограничил свои обязательства по договору страхования, исключив из

числа страховых случаев в том числе хищение транспортного средства в зависимости от его комплектации определенным видом ПУУ и поддержания его постоянно в рабочем состоянии, указав на не предусмотренные законом основания освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения.

В соответствии с п. 1 ст. 963 ГК РФ страховщик освобождается от выплаты страхового возмещения или страховой суммы, если страховой случай наступил вследствие умысла страхователя, выгодоприобретателя или застрахованного лица, за исключением случаев, предусмотренных пп. 2 и 3 данной статьи. Законом могут быть предусмотрены случаи освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения по договорам имущественного страхования при наступлении страхового случая вследствие грубой неосторожности страхователя или выгодоприобретателя.

Однако судебные инстанции, придя к выводу о том, что хищение автомобиля явилось следствием недобросовестных действий страхователя, не учли, что умысла истца относительно наступления страхового случая по данному делу судом не установлено и ответчик на умысел истца не ссылался.

Согласно п. 1 ст. 957 ГК РФ договор страхования, если в нем не предусмотрено иное, вступает в силу в момент уплаты страховой премии или первого ее взноса.

Полисом страхования предусматривалось, что по риску «хищение» договор вступает в силу с момента предоставления представителю страховщика действующего договора на обслуживание определенного вида поисковой спутниковой системы.

Согласно правилам страхования страховая защита вступает в силу со дня, следующего за днем уплаты страхователем страховой премии или первого ее взноса. Договором страхования может быть предусмотрено начало действия страховой защиты: по риску «ущерб» – с момента предоставления транспортного средства к осмотру представителю страховщика, по риску «хищение» – с момента проверки представителем страховщика установленных на транспортное средство противоугонных систем.

Суд апелляционной инстанции сослался на то, что договор страхования по риску «хищение» не вступил в силу.

Между тем суд не учел, что в полисе страхования стороны согласовали срок действия договора страхования без каких бы то ни было оговорок.

В связи с этим суду исходя из требований ст. 431 ГК РФ следовало установить, подтверждал ли полис страхования достижение сторонами какого-либо иного соглашения относительно срока вступления в силу

договора страхования по риску «хищение», учитывая, что оспариваемый пункт договора не содержал указания на событие, которое должно неизбежно наступить, а страховая премия Б. была уплачена в полном объеме.

В силу п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

В случае несоблюдения требований, предусмотренных п. 1 ст. 10 ГК РФ, суд, арбитражный суд или третейский суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом (п. 2).

Согласно пп. 1, 2 ст. 428 ГК РФ договором присоединения признается договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом. Присоединившаяся к договору сторона вправе потребовать расторжения или изменения договора, если договор присоединения хотя и не противоречит закону и иным правовым актам, но лишает эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержит другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она исходя из своих разумно понимаемых интересов не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора.

Заявляя иски, Б. ссылаясь на то, что договор добровольного страхования имущества содержал явно обременительное для него как потребителя условие об установке дорогостоящего ПУУ.

Таким образом, суду следовало установить, являлось ли условие договора присоединения об установке конкретного ПУУ, навязанным потребителю страхователем, недобросовестным и могло ли это обстоятельство повлечь за собой отказ в защите права страховщика путем неприменения этого условия договора либо признания его недействительным.

Этого судебными инстанциями сделано не было, что повлекло за собой вынесение незаконных судебных постановлений.

7. В случае изменения действующего законодательства при разрешении споров, возникающих из договоров обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, следует исходить из сроков выплаты страхового возмещения и санкций за несвоевременность исполнения данной обязанности, которые были установлены законодательством на момент заключения такого договора виновным лицом.

Факт обращения потерпевшего к причинителю вреда в порядке прямого возмещения на определение подлежащего применению законодательства не влияет.

К. обратилась в суд с иском к страховой организации о взыскании неустойки за выплату страхового возмещения в неполном объеме, компенсации морального вреда, штрафа, а также судебных издержек.

В обоснование исковых требований истец указала, что 24 января 2015 г. произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого принадлежащему ей автомобилю причинены механические повреждения. Гражданская ответственность К. как владельца транспортного средства застрахована ответчиком по договору ОСАГО от 8 декабря 2014 г., гражданская ответственность П., виновной в происшедшем ДТП, была застрахована 14 августа 2014 г.

Исполняя свои обязательства, предусмотренные договором ОСАГО, страховщик 28 февраля 2015 г. произвел осмотр транспортного средства, признал случай страховым и выплатил страховое возмещение в размере 76 500 руб.

Согласно отчету независимого оценщика сумма затрат на восстановительный ремонт транспортного средства с учетом износа составила 145 949 руб.

22 июня 2015 г. истцом страховщику предъявлена претензия о доплате страхового возмещения в размере 43 500 руб., возмещении расходов на оплату независимой экспертизы в размере 4 000 руб., выплате компенсации морального вреда в размере 11 000 руб., возмещении расходов на нотариальные услуги в размере 1 900 руб.

26 июня 2015 г. ответчик, удовлетворяя претензию, осуществил доплату страхового возмещения в размере 43 500 руб. до суммы 120 000 руб.

В связи с несвоевременной выплатой страхового возмещения в полном объеме истец просила суд взыскать со страховщика неустойку в размере 51 765 руб., штраф, компенсацию морального вреда, судебные издержки.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что истец не доказала факт ненадлежащего исполнения ответчиком обязанностей, предусмотренных договором обязательного страхования, поскольку после обращения К. с претензией 22 июня 2015 г. страховщик произвел доплату страхового возмещения в размере 43 500 руб., в связи с чем отсутствуют основания для применения гражданско-правовой санкции в виде неустойки. В удовлетворении иска о компенсации морального вреда было отказано, поскольку суд не установил нарушений прав истца обществом.

Суд апелляционной инстанции согласился с такими выводами, указав, что обязанность по выплате страхового возмещения исполнена обществом в полном объеме. Кроме того, было указано, что истец злоупотребила своими правами, поскольку самостоятельно произвела оценку ущерба в январе 2015 года, а с требованием о доплате страхового возмещения обратилась только в июне 2015 года, потребовав выплаты неустойки за указанный период.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что указанные выше выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права.

Согласно ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями.

В силу п. 1 ст. 330 ГК РФ неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. По требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков.

В соответствии с абзацами первым и вторым п. 2 ст. 13 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон об ОСАГО) в редакции, действовавшей до 1 сентября 2014 г., страховщик рассматривает заявление потерпевшего о страховой выплате и предусмотренные правилами обязательного страхования приложенные к нему документы в течение 30 дней со дня их получения. В течение указанного срока страховщик обязан произвести страховую выплату потерпевшему или направить ему мотивированный отказ в такой выплате.

При неисполнении данной обязанности страховщик за каждый день просрочки уплачивает потерпевшему неустойку (пени) в размере

одной семьдесят пятой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день, когда страховщик должен был исполнить эту обязанность, от установленной ст. 7 названного федерального закона страховой суммы по виду возмещения вреда каждому потерпевшему.

В силу абзаца одиннадцатого ст. 1 Закона об ОСАГО по договору обязательного страхования гражданской ответственности застрахованным является риск наступления гражданской ответственности при эксплуатации конкретного транспортного средства, поэтому при наступлении страхового случая страховое возмещение как страховщиком, застраховавшим гражданскую ответственность потерпевшего (то есть в порядке прямого возмещения ущерба в соответствии со ст. 14 Закона об ОСАГО), так и страховщиком, застраховавшим гражданскую ответственность лица, причинившего вред, производится в соответствии с условиями договора лица, виновного в дорожно-транспортном происшествии.

Поскольку ответственность причинителя вреда П. была застрахована 14 августа 2014 г., то при разрешении спора следовало исходить из тех сроков выплаты страхового возмещения, а также тех санкций за несвоевременность такой выплаты, которые были установлены законодательством на момент заключения договора ОСАГО виновным лицом.

При этом факт обращения К. к ответчику в порядке прямого возмещения на определение подлежащего применению законодательства не влияет.

Данный вывод следует из анализа ч. 13 ст. 5 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 223-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 223-ФЗ), согласно которому положения Закона об ОСАГО (в редакции указанного федерального закона) применяются к отношениям между потерпевшими, страхователями и страховщиками, возникшим из договоров обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, заключенных после вступления в силу соответствующих положений данного федерального закона, если иное не предусмотрено этой же статьей.

Иной порядок применения положений Закона об ОСАГО (в редакции Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 223-ФЗ) о сроках осуществления страховой выплаты, неустойке и финансовой санкции ст. 5 не предусмотрен.

Кроме того, в соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 44 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2015 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», предусмотренный п. 21 ст. 12 Закона об ОСАГО двадцатидневный срок рассмотрения страховщиком заявления потерпевшего о страховом случае подлежит применению к отношениям между страховщиком и потерпевшим, возникшим из договоров обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, заключенных начиная с 1 сентября 2014 г.

С учетом того, что предусмотренная п. 21 ст. 12 Закона об ОСАГО неустойка установлена за нарушение 20-дневного срока, ее начисление возможно по правоотношениям, возникшим из договоров обязательного страхования гражданской ответственности, заключенных начиная с 1 сентября 2014 г.

В абзаце втором п. 55 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2015 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» разъяснено, что неустойка исчисляется со дня, следующего за днем, установленным для принятия решения о выплате страхового возмещения, и до дня фактического исполнения страховщиком обязательства по договору.

Из установленных судом обстоятельств следует, что после первоначального обращения истца с заявлением о выплате страхового возмещения 29 января 2015 г. страховщик свою обязанность в течение 30 дней надлежащим образом не исполнил, так как произвел выплату страхового возмещения не в полном размере.

Принимая во внимание, что часть страхового возмещения была выплачена страховщиком по истечении срока, установленного п. 2 ст. 13 Закона об ОСАГО в редакции, действовавшей до 1 сентября 2014 г., то в силу вышеприведенных правовых норм и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в пользу истца надлежало взыскать неустойку.

Следовательно, поскольку страховщик своевременно не выплатил в полном размере сумму страхового возмещения, то за просрочку исполнения обязательства подлежит взысканию неустойка, которая исчисляется со дня, следующего за днем, когда страховщик выплатил страховое возмещение в неполном объеме, и до дня фактического исполнения страховщиком обязательства по договору.

Доводы суда апелляционной инстанции о том, что истец, заявив требование о взыскании неустойки, допустила злоупотребление правом, поскольку длительное время не обращалась за выплатой страхового

возмещения в полном размере, не обоснованы ссылками на доказательства.

Так, в обоснование своей позиции суд второй инстанции сослался на то, что 30 января 2015 г. К. обратилась в автоэкспертное бюро для оценки причиненного транспортному средству ущерба, а заявление о доплате подала только 22 июня 2015 г. Однако суд не установил и не указал в судебном акте дату изготовления и получения К. экспертного заключения, а также причины, по которым истец обратилась в страховую компанию только в июне 2015 года.

Вопрос о наличии в действиях К. признаков злоупотребления правом в нарушение ст. 56 ГПК РФ не выносился на обсуждение участников процесса, и судоговорение по данному обстоятельству, которое судом было признано юридически значимым, не проводилось. В связи с этим выводы суда апелляционной инстанции признаны Судебной коллегией незаконными и необоснованными.

Суд апелляционной инстанции согласился также с решением суда первой инстанции об отказе в удовлетворении требований К. о взыскании компенсации морального вреда за несвоевременную выплату страхового возмещения.

При этом не было учтено, что согласно ст. 15 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» моральный вред компенсируется потребителю в случае установления самого факта нарушения его прав.

Судом установлено и не оспаривалось ответчиком, что в полном объеме страховое возмещение истцу выплачено несвоевременно, то есть нарушены ее права как потребителя. В связи с этим отказ суда во взыскании компенсации морального вреда противоречит закону.

Также Судебная коллегия не согласилась с судебным постановлением в части отказа в удовлетворении требований К. о взыскании расходов на проведение экспертизы.

Как установлено судом и следует из материалов дела, дополнительная сумма страхового возмещения выплачена ответчиком исключительно на основании заключения автоэкспертного бюро, расходы по оплате которого понес истец.

При таких обстоятельствах суду следовало руководствоваться ст. 15 и 1064 ГК РФ, что предполагало оценку того, насколько проведение данной экспертизы способствовало восстановлению законных прав К. при ненадлежащем исполнении своих обязанностей ответчиком.

При этом расходы на проведение экспертизы как убытки истца, связанные с ненадлежащей оценкой ущерба самой страховой компанией,

не могли включаться в страховую выплату, а подлежали возмещению сверх таковой.

Определение № 78-КГ16-58

***Разрешение споров,
связанных с исполнением обязательств***

8. Возврат суммы займа должен быть произведен исходя из валюты займа, указанной в договоре. Риск изменения курса валюты долга лежит на заемщике.

И. обратилась в суд с иском к банку о внесении изменений в кредитный договор, заключенный между сторонами в 2013 году в иностранной валюте (евро), установив денежное обязательство в рублях Российской Федерации по курсу евро, действующему на момент выдачи кредита. В обоснование иска И. указала, что с момента заключения сделки существенно изменился установленный Банком России курс евро, чего при заключении кредитного договора стороны предвидеть не могли. Кроме того, она является многодетной матерью и в конце 2014 года лишилась работы, которая гарантировала ей определенный регулярный доход. Просила признать недействительными заключенные с ответчиком в обеспечение исполнения обязательств по данному кредитному договору договор залога автомобиля и договоры об ипотеке, ввиду изменения условий основной сделки просила суд также изменить график погашения суммы долга.

Ответчик исковые требования не признал.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что в период исполнения заемщиком обязательств по кредитному договору, в течение незначительного промежутка времени произошло существенное повышение курса валюты договора по отношению к национальной валюте Российской Федерации, значительно выходящее за пределы обычных колебаний курса. При этом суд также отметил, что в тот же период истец была уволена с работы, доказательств, свидетельствующих о последующем трудоустройстве, в деле не имеется.

С выводами суда первой инстанции согласился и суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело в кассационном порядке, признала, что выводы судебных инстанций сделаны с нарушением норм действующего законодательства.

Судом по делу установлено, что между И. и банком заключен кредитный договор на сумму 1 000 000 (один миллион) евро. Обязательство по выдаче суммы кредита банком выполнено. Валюта кредитного договора определена волеизъявлением сторон.

Согласно пп. 1, 2 ст. 450 ГК РФ изменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон, если иное не предусмотрено Кодексом, другими законами или договором. По требованию одной из сторон договор может быть изменен или расторгнут по решению суда только при существенном нарушении договора другой стороной либо в иных случаях, предусмотренных Кодексом, другими законами или договором.

В соответствии с п. 1 ст. 451 ГК РФ существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, является основанием для его изменения или расторжения, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа. Изменение обстоятельств признается существенным, когда они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях.

В силу п. 2 данной статьи, если стороны не достигли соглашения о приведении договора в соответствие с существенно изменившимися обстоятельствами или о его расторжении, договор может быть расторгнут, а по основаниям, предусмотренным п. 4 этой статьи, изменен судом по требованию заинтересованной стороны при наличии одновременно следующих условий:

1) в момент заключения договора стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет;

2) изменение обстоятельств вызвано причинами, которые заинтересованная сторона не могла преодолеть после их возникновения при той степени заботливости и осмотрительности, какая от нее требовалась по характеру договора и условиям оборота;

3) исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора;

4) из обычаев или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона.

Изменение договора в связи с существенным изменением обстоятельств допускается по решению суда в исключительных случаях, когда расторжение договора противоречит общественным интересам либо повлечет для сторон ущерб, значительно превышающий затраты,

необходимые для исполнения договора на измененных судом условиях (п. 4 ст. 451 ГК РФ).

Суд первой инстанции пришел к выводу о том, что существенным изменением обстоятельств, послужившими основанием для изменения заключенного между И. и банком кредитного договора, является повышение установленного Банком России курса евро.

Удовлетворяя требования И. о внесении изменений в кредитный договор, суд исходил из того, что стороны оспариваемого истцом кредитного договора не могли разумно предвидеть возможность повышения установленного Банком России курса евро (подп. 1 п. 2 ст. 451 ГК РФ), при этом мотивов, по которым он пришел к данному выводу, суд не указал и не отразил в решении.

Суд также не указал мотивы, по которым он пришел к выводу о том, что исполнение кредитного договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для И. такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора (подп. 3 п. 2 ст. 451 ГК РФ).

В соответствии с п. 2 ст. 1 ГК РФ граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

Согласно п. 1 ст. 9 ГК РФ граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права.

Пунктом 1 ст. 421 ГК РФ установлено, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора.

К отношениям по кредитному договору применяются правила о договоре займа, если иное не предусмотрено правилами о кредитном договоре и не вытекает из существа кредитного договора (п. 2 ст. 819 ГК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 807 ГК РФ по договору займа одна сторона (заимодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить заимодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества.

В силу п. 1 ст. 809 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором займа, заимодавец имеет право на получение с заемщика процентов на сумму займа в размерах и в порядке, определенных договором.

По смыслу приведенных правовых норм, заемщик обязан возвратить заимодавцу то же количество денег, определенное в той же валюте, или других вещей, определенных родовыми признаками, которое им было получено при заключении договора займа, а если иное не предусмотрено законом или договором, также уплатить проценты на эту сумму.

Судом установлено, что при заключении договора стороны добровольно договорились о займе в иностранной валюте.

Таким образом, возврат суммы займа должен быть произведен исходя из валюты займа, указанной в договоре, то есть в размере полученной при заключении договора суммы с учетом уплаты процентов.

Предположение заемщика о выгодности займа в той или иной иностранной валюте само по себе не означает, что стороны не могли и не должны были предвидеть возможность изменения курса валют.

Само по себе увеличение выраженных в рублях платежей должника по кредитному договору вследствие повышения курса валюты долга не свидетельствует об изменении установленного договором соотношения имущественных интересов сторон, в связи с чем изменение курса иностранной валюты по отношению к рублю нельзя расценивать как существенное изменение обстоятельств, являющееся основанием для изменения договора в соответствии со ст. 451 ГК РФ.

Между тем возврат суммы займа по более низкому курсу, чем текущий, означает возврат суммы займа не в полном размере, что нарушает имущественные права заимодавца, так как, установив фиксированный курс в рублях, суд фактически заменил договор займа в иностранной валюте договором займа в рублях, но по ставке, предусмотренной для займа в иностранной валюте.

Таким образом, внося изменения в заключенный между банком и И. кредитный договор, суд, по существу, возложил на ответчика как на кредитора риск изменения курса валюты долга и риск изменения имущественного положения истца как должника.

При этом суд в нарушение подп. 4 п. 2 ст. 451 ГК РФ не оценил распределение данных рисков исходя из обычаев и существа кредитного договора и не указал, в связи с чем эти риски должны быть возложены именно на кредитора.

Ссылка суда на то, что И. является многодетной матерью и не состоит в трудовых правоотношениях с июня 2014 года, также не может служить подтверждением существенного изменения обстоятельств, поскольку названные факты не свидетельствуют о лишении истца того, на что она вправе была рассчитывать при заключении договора.

Кроме того, судом не учтено, что ухудшение материального положения по причине увольнения по собственному желанию с прежнего места работы не является обстоятельством, предусмотренным ст. 451 ГК РФ, существенное изменение которого может служить основанием для изменения договора в судебном порядке на основании этой статьи.

Суд первой инстанции, ограничившись ссылкой на данное обстоятельство, в нарушение требований ст. 56, 198 ГПК РФ свои выводы в решении не мотивировал и не исследовал вопрос о наличии либо отсутствии у И. иного дохода, а также имущества, реализация которого способна послужить обеспечением исполнения заемного обязательства.

Данное процессуальное нарушение оставлено без внимания и судом апелляционной инстанции при проверке решения нижестоящего суда.

Удовлетворяя требования о признании договоров залога недействительными, суд исходил из того, что договоры залога и ипотеки, заключенные в обеспечение кредитного договора между И. и банком, с учетом вносимых в кредитный договор изменений в силу ст. 168 ГК РФ следует признать ничтожными.

Между тем ст. 168 ГК РФ содержит лишь общие положения отнесения сделки, не соответствующей требованиям закона, к ничтожной.

Ограничившись формальной ссылкой на приведенную выше норму Гражданского кодекса Российской Федерации, суд не привел в решении, какие именно положения действующего законодательства нарушают заключенные в обеспечение кредитного договора договоры залога, что позволило бы сделать вывод об их ничтожности.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 18-КГ16-102

9. Изменение собственником параметров принадлежащего ему недвижимого имущества, находящегося в залоге, не прекращает данное обременение.

М. обратился в суд с иском к банку-2 о прекращении обременения в виде ипотеки объекта индивидуального жилищного строительства и земельного участка, возложив на территориальное управление

Росреестра обязанность погасить запись о государственной регистрации обременения (ипотеки).

В обоснование заявленных требований М. указал, что договор ипотеки в отношении названных выше объектов заключен 29 октября 2012 г. между П. и банком-1 (правопродшественником ответчика) в обеспечение исполнения обязательств по кредитному договору, заключенному между указанным банком и застройщиком. 14 января 2013 г. истец приобрел земельный участок и расположенный на нем дом, который по данным ЕГРП является трехэтажным. На момент приобретения данного имущества истец был уведомлен о том, что имущество обременено ипотекой, однако впоследствии выяснил, что имеются различия между фактическим состоянием этого имущества и документами на него. По мнению М., на момент заключения договора ипотеки описанный в договоре индивидуальный жилой дом фактически отсутствовал, так как имела место постройка с другими параметрами. Ввиду наличия обременения на несуществующий, по утверждению истца, объект недвижимости созданы препятствия для регистрации приобретенной постройки в собственность.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, иск удовлетворен.

Судом при рассмотрении дела установлено и подтверждается материалами дела, что в обеспечение исполнения застройщиком принятых на себя обязательств по кредитному договору, заключенному банком-1, между названным банком и П. заключен договор об ипотеке.

Договор зарегистрирован в установленном законом порядке, о чем территориальным управлением Росреестра сделана запись о государственной регистрации обременения (ипотеки).

Предметом договора ипотеки являлась передача в залог банку-1 принадлежащего П. на праве собственности недвижимого имущества: объекта индивидуального жилищного строительства (жилой трехэтажный дом) и земельного участка (категория земель – земли населенных пунктов, предназначенные для индивидуального жилищного строительства).

Указанное недвижимое имущество с согласия залогодержателя отчуждено по договору купли-продажи, заключенному между П. и М. Информация об объекте индивидуального жилищного строительства, содержащаяся в договоре об ипотеке, а также в договоре купли-продажи, соответствует сведениям ЕГРП и технической документации на этот объект по состоянию на 28 сентября 2007 г.

Определением районного суда по делу назначена строительно-техническая экспертиза.

По результатам проведенной судебной строительно-технической экспертизы экспертом сделан вывод о том, что спорное строение представляет собой четырехэтажный капитальный объект недвижимости, который в результате реконструкции не соответствует строению, указанному в качестве объекта права, переданного П. ответчику в ипотеку.

Судом также установлено, что земельный участок с согласия залогодержателя объединен со смежным земельным участком, в результате чего образован земельный участок с новым кадастровым номером. Согласие залогодержателя на объединение земельных участков дано при условии сохранения регистрационной записи об ипотеке на вновь созданный земельный участок.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, рассматривая дело в кассационном порядке, указала, что судом апелляционной инстанции, проверявшим законность решения суда первой инстанции, нарушены нормы действующего законодательства.

В силу п. 1 ст. 131 ГК РФ право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в едином государственном реестре органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней.

В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним – юридический акт признания и подтверждения государством возникновения, ограничения (обременения), перехода или прекращения прав на недвижимое имущество в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации.

Согласно п. 1 ст. 9 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (далее – Закон об ипотеке) в договоре об ипотеке должны быть указаны предмет ипотеки, его оценка, существо, размер и срок исполнения обязательства, обеспечиваемого ипотекой.

В соответствии с п. 2 названной статьи предмет ипотеки определяется в договоре указанием его наименования, места нахождения и достаточным для идентификации этого предмета описанием. В договоре об ипотеке должны быть указаны право, в силу которого имущество, являющееся предметом ипотеки, принадлежит залогодателю, и наименование органа, осуществляющего

государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, зарегистрировавшего это право залогодателя.

По смыслу приведенных правовых норм, условие о предмете ипотеки считается согласованным в случае, если его описание в договоре ипотеки соответствует указанным в ЕГРП сведениям о праве собственности залогодержателя на такой предмет.

Судом установлено и сторонами не оспаривалось, что в договоре ипотеки жилого дома и земельного участка от 29 октября 2012 г., заключенном между банком-1 как залогодержателем и П. как залогодателем были указаны те же наименование, местонахождение и параметры передаваемого в ипотеку жилого дома, что и в записи ЕГРП о праве собственности П. на этот дом.

Следовательно, на момент заключения названного договора ипотеки содержащееся в нем описание предмета ипотеки соответствовало требованиям закона.

Разрешая спор, суд установил, что имущество, переданное М. по договору купли-продажи от 14 января 2013 г., тождественно имуществу, в отношении которого П. заключен договор ипотеки и право на которое зарегистрировано в установленном законом порядке.

В силу ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (п. 3). Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4).

Согласно п. 2 ст. 10 названного кодекса в случае заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав (злоупотребления правом) суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом.

Суды первой и апелляционной инстанций посчитали установленным, что несоответствие фактических параметров переданного в ипотеку жилого дома его параметрам, указанным в ЕГРП, на которое истец ссылался в обоснование требования о признании договора ипотеки недействительным, имело место на момент приобретения им этого жилого дома у П. на основании договора купли-продажи.

Между тем названный договор купли-продажи был заключен с указанием в нем именно тех параметров жилого дома, которые содержались в ЕГРП, и впоследствии истцом не оспаривался.

В связи с этим судам первой и апелляционной инстанций следовало дать правовую оценку вопросу о соответствии ссылки истца на указанные обстоятельства требованиям добросовестности.

Однако судами первой и апелляционной инстанций это сделано не было.

При рассмотрении дела М. не предоставлено также сведений о том, что ему принадлежит на праве собственности иной зарегистрированный в установленном законом порядке объект, чем находящийся в ипотеке у банка-2.

При таких обстоятельствах вывод суда о том, что имущество, переданное в ипотеку, не существует, не основан на материалах дела.

Согласно п. 2 ст. 11 Закона об ипотеке ипотека как обременение имущества, заложенного по договору об ипотеке, или при ипотеке, возникающей в силу закона, возникает с момента государственной регистрации ипотеки.

Из данной правовой нормы следует, что обременение объекта недвижимости ипотекой определяется фактом государственной регистрации такого обременения, а не соответствием фактических параметров предмета ипотеки его параметрам, указанным в ЕГРП.

Это не было учтено судом, указавшим, что несоответствие фактических параметров переданного в ипотеку жилого дома параметрам этого же дома, указанным в ЕГРП, является основанием для прекращения установленной в отношении такого дома ипотеки.

В соответствии с подп. 3 п. 2 ст. 352 ГК РФ в редакции, подлежащей применению к правоотношениям сторон, залог прекращается в случае гибели заложенной вещи или прекращения заложенного права, если залогодатель не воспользовался правом на замену или восстановление предмета залога.

Изменение предмета ипотеки не означает ни физической, ни юридической гибели предмета залога, которая, по смыслу приведенной правовой нормы, влечет прекращение залога.

Закон не требует для сохранения силы договора об ипотеке внесения в него изменений, касающихся описания предмета ипотеки, и регистрации этих изменений.

В связи с этим суду при рассмотрении данного дела следовало учесть, что независимо от момента изменения предмета ипотеки такое изменение само по себе не может служить основанием для прекращения ипотеки.

В подп. 1 п. 1 ст. 1 ЗК РФ закреплен принцип учета значения земли как основы жизни и деятельности человека, согласно которому регулирование отношений по использованию и охране земли осуществляется исходя из представлений о земле как о природном

объекте, охраняемом в качестве важнейшей составной части природы, природном ресурсе, используемом в качестве средства производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве и основы осуществления хозяйственной и иной деятельности на территории Российской Федерации, и одновременно как о недвижимом имуществе, об объекте права собственности и иных прав на землю.

Подпунктом 5 п. 1 указанной выше статьи установлен принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами.

В соответствии с данным принципом положениями ст. 35 этого же кодекса установлен запрет на отчуждение земельного участка без находящихся на нем здания, строения, сооружения в случае, если они принадлежат одному лицу.

В соответствии с п. 1 ст. 1 Закона об ипотеке по договору о залоге недвижимого имущества (договору об ипотеке) одна сторона – залогодержатель, являющийся кредитором по обязательству, обеспеченному ипотекой, имеет право получить удовлетворение своих денежных требований к должнику по этому обязательству из стоимости заложенного недвижимого имущества другой стороны – залогодателя преимущественно перед другими кредиторами залогодателя, за изъятиями, установленными федеральным законом.

Таким образом, ипотека, являясь одним из способов обеспечения исполнения обязательства, не является сделкой по отчуждению имущества, являющегося объектом такой сделки, и не влечет его безусловного отчуждения.

Пунктом 1 ст. 64 Закона об ипотеке предусмотрено, что при ипотеке земельного участка право залога распространяется также на находящиеся или строящиеся на земельном участке здание или сооружение залогодателя.

Поскольку основания для прекращения ипотеки жилого дома отсутствовали, то сделанный судами со ссылкой на прекращение такой ипотеки вывод о прекращении также и ипотеки земельного участка, на котором этот дом расположен, является неправомерным.

Кроме того, в силу п. 4 ст. 340 ГК РФ в редакции, подлежащей применению к правоотношениям сторон, при ипотеке земельного участка право залога распространяется на находящиеся или возводимые на этом участке здания и сооружения залогодателя, если в договоре не предусмотрено иное условие.

Таким образом, действовавшее на момент заключения договора ипотеки законодательство допускало возможность ипотеки земельного

участка без установления ипотеки в отношении расположенных на таком участке строений.

Пункт 1 ст. 352 ГК РФ в указанной выше редакции, содержащий исчерпывающий перечень оснований прекращения ипотеки, не предусматривал возможность прекращения ипотеки земельного участка в связи с конструктивными изменениями переданного в ипотеку строения, расположенного на спорном участке.

При таких обстоятельствах вывод судов первой и апелляционной инстанций о прекращении ипотеки жилого дома признан Судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации основанным на неправильном применении норм материального права.

Определение № 18-КГ16-125

***Разрешение споров,
возникающих из наследственных прав***

10. Включение жилого помещения в наследственную массу по требованию наследника допускается в том случае, когда гражданин (наследодатель), желавший приватизировать жилое помещение, подал заявление о приватизации и все необходимые для этого документы, не отозвал его, но умер до оформления договора на передачу жилого помещения в собственность (до государственной регистрации права собственности).

Другие способы выражения наследодателем воли на приватизацию жилого помещения без его обращения при жизни с соответствующим заявлением и необходимыми документами в уполномоченный орган правового значения не имеют.

Т. обратился в суд с иском к К., администрации города о восстановлении срока для принятия наследства, признании в порядке наследования по закону права собственности на $\frac{1}{2}$ доли в праве собственности на квартиру и признании недействительным заключенного между администрацией города и К. договора безвозмездной передачи жилья в собственность граждан.

В обоснование иска Т. указал, что он и К. являются наследниками первой очереди по закону имущества их матери Т.М., которая была нанимателем указанной квартиры по договору социального найма. Помимо нанимателя в квартире по месту жительства был зарегистрирован К. При жизни Т.М. выразила намерение

приватизировать квартиру, обратившись в бюро технической инвентаризации за изготовлением технического паспорта квартиры, необходимого для оформления договора безвозмездной передачи жилья в собственность, однако в связи со смертью не успела завершить процесс приватизации. Поскольку на момент смерти Т.М. квартира осталась в муниципальной собственности, ответчик как лицо, обладающее правом пользования жилым помещением на условиях социального найма, приватизировал квартиру на свое имя. Между тем истец полагал, что квартира вошла в состав наследства после смерти матери, в связи с чем должна принадлежать обоим наследникам.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что при жизни Т.М. не выразила в своих действиях волю на приватизацию занимаемого жилого помещения, а именно не подала заявление о передаче ей в собственность жилого помещения в порядке приватизации с приложением необходимых документов, в связи с чем не признал приватизацию спорной квартиры состоявшейся. Кроме того, суд установил, что в материалах дела отсутствуют сведения о согласии К. при жизни матери приватизировать занимаемую квартиру, что явилось бы препятствием для заключения с Т.М. договора приватизации.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя исковые требования Т., пришел к выводу о включении спорной квартиры в состав наследства после смерти Т.М., поскольку, заключив договор на выполнение работ по технической инвентаризации квартиры, получение технического и кадастрового паспортов и выдав доверенность на имя Т. на право совершения действий, связанных с приватизацией квартиры, Т.М. выразила свою волю на приватизацию квартиры, но не смогла оформить договор приватизации по независящим от нее причинам.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Как предусмотрено ст. 1112 ГК РФ, в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности.

В силу ст. 2 Закона Российской Федерации от 4 июля 1991 г. № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» граждане Российской Федерации, имеющие право пользования жилыми помещениями государственного или муниципального жилищного фонда на условиях социального найма, вправе приобрести их на условиях, предусмотренных данным законом, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами

субъектов Российской Федерации, в общую собственность либо в собственность одного лица, в том числе несовершеннолетнего, с согласия всех имеющих право на приватизацию данных жилых помещений совершеннолетних лиц и несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет.

В соответствии со ст. 7 названного закона передача жилых помещений в собственность граждан оформляется договором передачи, заключаемым органами государственной власти или органами местного самоуправления поселений, предприятием, учреждением с гражданином, получающим жилое помещение в собственность в порядке, установленном законодательством. При этом нотариального удостоверения договора передачи не требуется и государственная пошлина не взимается.

Решение вопроса о приватизации жилых помещений должно приниматься по заявлениям граждан в двухмесячный срок со дня подачи документов (ст. 8 Закона).

Как следует из разъяснений, приведенных в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации», гражданам не может быть отказано в приватизации занимаемых ими жилых помещений на предусмотренных этим законом условиях, если они обратились с таким требованием.

При этом необходимо учитывать, что соблюдение установленного ст. 7, 8 названного закона порядка оформления передачи жилья обязательно как для граждан, так и для должностных лиц, на которых возложена обязанность по передаче жилых помещений в государственном и муниципальном жилищном фонде в собственность граждан (в частности, вопрос о приватизации должен быть решен в двухмесячный срок, заключен договор на передачу жилья в собственность, право собственности подлежит государственной регистрации в Едином государственном реестре учреждениями юстиции, со времени совершения которой и возникает право собственности гражданина на жилое помещение).

Однако если гражданин, подавший заявление о приватизации и необходимые для этого документы, умер до оформления договора на передачу жилого помещения в собственность или до государственной регистрации права собственности, то в случае возникновения спора по поводу включения этого жилого помещения или его части в наследственную массу необходимо иметь в виду, что указанное обстоятельство само по себе не может служить основанием к отказу в удовлетворении требования наследника, если наследодатель, выразив

при жизни волю на приватизацию занимаемого жилого помещения, не отозвал свое заявление, поскольку по независящим от него причинам был лишен возможности соблюсти все правила оформления документов на приватизацию, в которой ему не могло быть отказано.

Таким образом, возможность включения жилого помещения в наследственную массу по требованию наследника допускается лишь в том случае, когда гражданин (наследодатель), желавший приватизировать жилое помещение, подал заявление о приватизации и все необходимые для этого документы, не отозвал его, но умер до оформления договора на передачу жилого помещения в собственность или до государственной регистрации права собственности.

Другие способы выражения наследодателем воли на приватизацию жилого помещения (выдача доверенностей на приватизацию, получение части документов для приватизации, устные заявления в разговорах с родственниками и знакомыми о необходимости и желании приватизировать жилое помещение и т.п.) без его обращения при жизни с соответствующим заявлением и необходимыми документами в уполномоченный орган правового значения не имеют и основанием для включения в наследственную массу после смерти наследодателя занимаемого им по договору социального найма жилого помещения являться не могут.

Обстоятельством, имеющим значение для правильного разрешения данного дела, является установление факта подачи наследодателем Т.М. в установленном порядке в уполномоченный орган заявления о приватизации занимаемого ею по договору социального найма жилого помещения вместе с необходимыми документами, а также того, что данное заявление не было ею отозвано.

Суд первой инстанции установил, что при жизни Т.М. в уполномоченный орган с заявлением о передаче ей в собственность жилого помещения в порядке приватизации не обращалась, документов для оформления договора приватизации квартиры не предоставляла.

Само по себе желание гражданина приватизировать жилое помещение, занимаемое по договору социального найма, в отсутствие с его стороны обязательных действий (обращение при жизни лично или через представителя с соответствующим заявлением и необходимыми документами в уполномоченный орган) в силу положений ст. 2, 7, 8 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» и разъяснений по их применению, содержащихся в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 г. № 8, не может служить правовым основанием для включения жилого помещения после смерти

гражданина в наследственную массу и признания за наследником права собственности на это жилое помещение.

Судебная коллегия признала, что суд первой инстанции правильно определил обстоятельства, имеющие значение для дела, и дал толкование норм материального права, подлежащих применению к отношениям сторон, на основании чего пришел к правильному выводу об отсутствии оснований для удовлетворения иска.

При таких обстоятельствах оснований для отмены решения суда первой инстанции у суда апелляционной инстанции не имелось.

Определение № 13-КГ16-9

***Разрешение споров, связанных
с трудовыми и социальными отношениями***

11. Работодатель обязан отстранить от работы (не допускать к работе) педагогического работника в случае получения от правоохранительных органов сведений о том, что данный работник подвергается уголовному преследованию за умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления, в том числе за умышленные преступления категорий, не названных в абзацах третьем и четвертом части второй ст. 331 Трудового кодекса Российской Федерации, на весь период производства по уголовному делу до его прекращения либо до вступления в силу приговора суда.

Ч. обратилась в суд с иском к учреждению высшего профессионального образования (далее – УВПО) о признании незаконными приказов о временном отстранении от работы, допущении к работе, взыскании средней заработной платы за время вынужденного прогула.

В обоснование заявленных исковых требований Ч. указала, что замещала должность исполняющего обязанности доцента, заведующего кафедрой филиала УВПО (работодатель). Приказами работодателя она была временно отстранена от работы по представлению следователя, вынесенному по расследуемому в отношении ее уголовному делу, на весь период времени до устранения обстоятельств, явившихся основанием для отстранения от работы.

По мнению Ч. представление следователя по уголовному делу не является основанием для отстранения работника от работы, поскольку согласно ст. 114 УПК РФ только суд может вынести постановление о

временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от работы и направить его по месту работы.

Указанные обстоятельства послужили основанием для обращения Ч. в суд с иском, в котором она просила признать приказы УВПО об отстранении ее от работы незаконными, взыскать с ответчика в ее пользу денежную компенсацию за время вынужденного прогула.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, исковые требования Ч. удовлетворены.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и вынесла новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, указав следующее.

В силу ст. 76 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ, Кодекс) работодатель обязан отстранить от работы (не допускать к работе) работника: появившегося на работе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения; не прошедшего в установленном порядке обучение и проверку знаний и навыков в области охраны труда; не прошедшего в установленном порядке обязательный медицинский осмотр, а также обязательное психиатрическое освидетельствование в случаях, предусмотренных Кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации; по требованию органов или должностных лиц, уполномоченных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации; в других случаях, предусмотренных Кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Работодатель отстраняет от работы (не допускает к работе) работника на весь период времени до устранения обстоятельств, явившихся основанием для отстранения от работы или недопущения к работе, если иное не предусмотрено Кодексом, другими федеральными законами. В период отстранения от работы (недопущения к работе) заработная плата работнику не начисляется, за исключением случаев, предусмотренных Кодексом или иными федеральными законами.

В соответствии со ст. 331 ТК РФ, определяющей особенности отстранения от работы педагогических работников, наряду с указанными в ст. 76 Кодекса случаями работодатель обязан отстранить от работы (не допускать к работе) педагогического работника при получении от правоохранительных органов сведений о том, что данный работник подвергается уголовному преследованию за преступления, указанные в абзацах третьем и четвертом части второй ст. 331 Кодекса. Работодатель отстраняет от работы (не допускает к работе)

педагогического работника на весь период производства по уголовному делу до его прекращения либо до вступления в силу приговора суда.

Согласно абзацам третьему и четвертому части второй ст. 331 ТК РФ к педагогической деятельности не допускаются лица:

имеющие или имевшие судимость, подвергавшиеся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и клеветы), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, мира и безопасности человечества, а также против общественной безопасности, за исключением случаев, предусмотренных частью третьей названной статьи;

имеющие неснятую или непогашенную судимость за иные умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления, не указанные в абзаце третьем этой же части.

Статьей 15 УК РФ определены категории преступлений. В зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, предусмотренные данным кодексом, подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления. Тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное указанным кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы. Особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых этим кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание (чч. 1, 4, 5 ст. 15 УК РФ).

За преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 290 УК РФ (в действовавшей до 15 июля 2016 г. редакции), предусматривалось наказание – штраф в размере от сорокакратной до семидесятикратной суммы взятки с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишение свободы на срок от трех до семи лет со штрафом в размере сорокакратной суммы взятки.

Из приведенного правового регулирования следует, что работодатель обязан отстранить от работы (не допускать к работе) педагогического работника помимо случаев, названных в ст. 76 ТК РФ, также в случае получения от правоохранительных органов сведений о том, что данный работник подвергается уголовному преследованию за

умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления, в том числе за умышленные преступления категорий, не названных в абзацах третьем и четвертом части второй ст. 331 ТК РФ, на весь период производства по уголовному делу до его прекращения либо до вступления в силу приговора суда.

Как установлено судом, 1 апреля 2015 г. в отношении Ч., являющейся педагогическим работником, было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 290 УК РФ. Поскольку максимальное наказание за умышленное деяние, предусмотренное ч. 3 ст. 290 УК РФ, установлено в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет, то согласно ч. 4 ст. 15 УК РФ преступление, по подозрению в совершении которого Ч. подвергалась уголовному преследованию, относится к умышленным тяжким преступлениям.

Последующее (25 мая и 9 июня 2015 г.) предъявление Ч. обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 290, ч. 1 ст. 292 УК РФ, которые не относятся к категории тяжких преступлений, правового значения для разрешения спора не имеет в связи с тем, что в силу положений ст. 331¹ ТК РФ работодатель при получении 8 апреля 2015 г. от правоохранительных органов сведений о том, что данный педагогический работник подвергается уголовному преследованию за совершение умышленного тяжкого преступления, обязан был отстранить ее от работы на весь период производства по уголовному делу до его прекращения либо до вступления в силу приговора суда.

Вывод судебных инстанций о том, что преступление, по подозрению в совершении которого Ч. подвергалась уголовному преследованию, не указано в перечне преступлений, предусмотренных в абзацах третьем и четвертом части второй ст. 331 ТК РФ, является ошибочным.

Согласно нормативным положениям ст. 331 ТК РФ педагогический работник, подвергаемый уголовному преследованию, подлежит отстранению от работы (не допускается к работе) при получении работодателем от правоохранительных органов сведений об уголовном преследовании такого работника за преступления, названные в абзацах третьем и четвертом части второй ст. 331 ТК РФ, то есть за умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления.

С учетом того, что Ч., являясь педагогическим работником, подверглась уголовному преследованию за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 290 УК РФ, которое в соответствии со ст. 15 УК РФ относится к категории умышленных тяжких преступлений и, следовательно, подпадает под категории преступлений, указанные в абзаце четвертом части второй ст. 331 ТК РФ, вывод судебных

инстанций об отсутствии у работодателя правовых оснований для отстранения Ч. от работы признан Судебной коллегией неправомерным.

Не основан на законе также вывод судебных инстанций о том, что работодатель имеет право отстранять от работы педагогического работника исключительно в порядке, предусмотренном п. 10 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, согласно которому только суд правомочен принимать решения о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности в соответствии со ст. 114 УПК РФ.

Как следует из материалов дела, основанием для отстранения Ч. от работы явилось представление следователя, направленное на имя работодателя, о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления (других нарушений закона), в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ, в котором было предложено, в частности, рассмотреть вопрос об отстранении (увольнении) Ч. от занимаемой должности.

В силу ч. 2 ст. 158 УПК РФ, установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона. Данное представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения.

Статья 331¹ ТК РФ устанавливает особенности отстранения от работы педагогических работников.

После получения от правоохранительных органов сведений о том, что педагогический работник Ч. подверглась уголовному преследованию за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 290 УК РФ, которое относится к умышленным тяжким преступлениям, работодатель исполнил предусмотренную ст. 331¹ ТК РФ обязанность и правомерно отстранил данного работника от работы на основании таких сведений (представление следователя).

Таким образом, порядок отстранения от должности Ч. работодателем не нарушен, он соответствует требованиям закона.

Определение № 55-КГ16-5

12. В случае предоставления работнику учебного отпуска с сохранением среднего заработка в период работы, дающей право на досрочное назначение страховой пенсии по старости и включаемой

в специальный стаж, периоды таких отпусков также подлежат включению в специальный стаж, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии по старости.

П. обратилась в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконным решения комиссии по рассмотрению вопросов реализации пенсионных прав граждан в части отказа во включении периодов работы в стаж, дающий право на назначение досрочной страховой пенсии, о включении периодов работы в стаж, дающий право на назначение досрочной страховой пенсии, и назначении досрочной страховой пенсии по старости.

В обоснование заявленных требований П. указала на то, что она, полагая, что имеет право на досрочную страховую пенсию по старости, поскольку ее специальный педагогический стаж составляет более 25 лет, обратилась в пенсионный орган с заявлением о назначении страховой пенсии по старости в соответствии с п. 19 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ).

Решением комиссии по рассмотрению вопросов реализации пенсионных прав граждан ей было отказано в назначении досрочной страховой пенсии по старости из-за отсутствия 25-летнего специального стажа педагогической деятельности. В специальный стаж П. для назначения пенсии не были включены периоды ее работы в должности воспитателя детского комбината со ссылкой на то, что детские комбинаты не поименованы в Списке профессий и должностей работников народного образования, педагогическая деятельность в которых в школах и других учреждениях для детей дает право на пенсию за выслугу лет по правилам ст. 80 Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР», утвержденного постановлением Совета Министров РСФСР от 6 сентября 1991 г. № 463, и в Списке должностей и учреждений, работа в которых засчитывается в стаж работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим педагогическую деятельность в учреждениях для детей, в соответствии с подп. 19 п. 1 ст. 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2002 г. № 781.

Кроме этого, П. не были засчитаны в специальный стаж, дающий право на досрочное пенсионное обеспечение, периоды ее нахождения в учебных отпусках, а также из-за отсутствия в индивидуальном лицевом счете застрахованного лица кода льготной профессии и периоды работы в должности учителя-логопеда государственного образовательного

учреждения школа-интернат основного общего образования, в должности учителя-логопеда муниципального образовательного учреждения для детей школьного и младшего школьного возраста.

Оспаривая законность принятого пенсионным органом решения, П. указала, что такие обстоятельства, как невключение в названные списки детского комбината и отсутствие в выписке из индивидуального лицевого счета застрахованного лица кода льготы, не должны лишать ее права на досрочное пенсионное обеспечение. П. также полагала, что исключение из специального стажа учебных отпусков противоречит положениям действующего пенсионного законодательства, так как периоды нахождения в учебных отпусках являются периодами работы с сохранением средней заработной платы, с которой работодатель производит отчисления страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации.

Представитель ответчика в суде иск не признал.

Решением суда исковые требования П. удовлетворены частично.

Признано незаконным решение комиссии по рассмотрению вопросов реализации пенсионных прав граждан в части отказа во включении в специальный стаж П. периодов ее работы в должности воспитателя детского комбината, в должности учителя-логопеда государственного образовательного учреждения школа-интернат основного общего образования, в должности учителя-логопеда муниципального образовательного учреждения для детей школьного и младшего школьного возраста.

Указанные периоды работы включены П. в специальный стаж, дающий право на назначение досрочной страховой пенсии по старости в соответствии с п. 19 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ.

Отказывая в удовлетворении исковых требований П. о включении в ее специальный стаж периодов нахождения в учебных отпусках, суд первой инстанции сослался на п. 4 Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим педагогическую деятельность в учреждениях для детей, в соответствии с подп. 19 п. 1 ст. 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2002 г. № 781, и исходил из того, что начиная с 1 сентября 2000 г. работа в должностях и учреждениях, указанных в списке, засчитывается в специальный стаж при условии выполнения (суммарно по основному и другим местам работы) нормы рабочего времени (педагогической или учебной нагрузки), установленной за ставку заработной платы

(должностной оклад), однако в период нахождения в учебных отпусках П. не выполняла норму рабочего времени (педагогической нагрузки).

Поскольку с учетом включенных судом периодов работы П. продолжительность ее специального стажа на 24 февраля 2015 г. составила 24 года 9 месяцев 8 дней, что не дает ей право на назначение досрочной страховой пенсии, суд первой инстанции отказал в удовлетворении ее требования о возложении на ответчика обязанности назначить досрочную страховую пенсию по старости с указанной даты.

С выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой и апелляционной инстанций об отсутствии правовых оснований для включения П. в специальный стаж, дающий право на назначение досрочной страховой пенсии по старости по подп. 19 п. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ, периодов учебных отпусков основанными на неправильном толковании и применении норм материального права.

Согласно п. 19 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ страховая пенсия по старости назначается ранее достижения возраста, установленного ст. 8 названного федерального закона, при наличии величины индивидуального пенсионного коэффициента в размере не менее 30 лицам, не менее 25 лет осуществлявшим педагогическую деятельность в учреждениях для детей, независимо от их возраста.

Списки соответствующих работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых назначается страховая пенсия по старости в соответствии с ч. 1 данной статьи, правила исчисления периодов работы (деятельности) и назначения указанной пенсии при необходимости утверждаются Правительством Российской Федерации (ч. 2 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ).

Периоды работы (деятельности), имевшие место до дня вступления в силу Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ, согласно ч. 3 ст. 30 данного федерального закона засчитываются в стаж на соответствующих видах работ, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии по старости, при условии признания указанных периодов в соответствии с законодательством, действовавшим в период выполнения данной работы (деятельности), дающей право на досрочное назначение пенсии.

Периоды работы (деятельности), имевшие место до дня вступления в силу этого же федерального закона, как это предусмотрено в ч. 4 названной статьи, могут исчисляться с применением правил

исчисления, предусмотренных законодательством, действовавшим при назначении пенсии в период выполнения данной работы (деятельности).

В целях реализации положений ст. 30 указанного закона Правительством Российской Федерации принято постановление от 16 июля 2014 г. № 665 «О списках работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых досрочно назначается страховая пенсия по старости, и правилах исчисления периодов работы (деятельности), дающей право на досрочное пенсионное обеспечение».

В соответствии с подп. «м» п. 1 данного постановления при определении стажа при досрочном назначении страховой пенсии по старости лицам, осуществлявшим педагогическую деятельность в учреждениях для детей, применяются:

– Список должностей и учреждений, работа в которых засчитывается в стаж работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим педагогическую деятельность в учреждениях для детей, в соответствии с подп. 19 п. 1 ст. 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2002 г. № 781 «О Списках работ, профессий, должностей, специальностей и учреждений, с учетом которых досрочно назначается трудовая пенсия по старости в соответствии со ст. 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», и об утверждении Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со ст. 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»;

– Список должностей, работа в которых засчитывается в выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет в связи с педагогической деятельностью в школах и других учреждениях для детей, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1999 г. № 1067 «Об утверждении Списка должностей, работа в которых засчитывается в выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет в связи с педагогической деятельностью в школах и других учреждениях для детей, и Правил исчисления сроков выслуги для назначения пенсии за выслугу лет в связи с педагогической деятельностью в школах и других учреждениях для детей», с применением положений абзаца третьего п. 3 указанного постановления – для учета соответствующей деятельности, имевшей место в период с 1 ноября 1999 г. по 31 декабря 2001 г. включительно;

– Список профессий и должностей работников народного образования, педагогическая деятельность которых в школах и других

учреждениях для детей дает право на пенсию за выслугу лет по правилам ст. 80 Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР», утвержденный постановлением Совета Министров РСФСР от 6 сентября 1991 г. № 463 «Об утверждении Списка профессий и должностей работников образования, педагогическая деятельность которых в школах и других учреждениях для детей дает право на пенсию за выслугу лет», с применением положений п. 2 указанного постановления – для учета соответствующей деятельности, имевшей место в период с 1 января 1992 г. по 31 октября 1999 г. включительно;

– Перечень учреждений, организаций и должностей, работа в которых дает право на пенсию за выслугу лет (приложение к постановлению Совета Министров СССР от 17 декабря 1959 г. № 1397 «О пенсиях за выслугу лет работникам просвещения, здравоохранения и сельского хозяйства»), – для учета периодов педагогической деятельности, имевшей место до 1 января 1992 г.

Пунктом 4 Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим педагогическую деятельность в учреждениях для детей, в соответствии с подп. 19 п. 1 ст. 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2002 г. № 781, определено, что периоды выполнявшейся до 1 сентября 2000 г. работы в должностях в учреждениях, указанных в списке, засчитываются в стаж работы независимо от условия выполнения в эти периоды нормы рабочего времени (педагогической или учебной нагрузки), а начиная с 1 сентября 2000 г. – при условии выполнения (суммарно по основному и другим местам работы) нормы рабочего времени (педагогической или учебной нагрузки), установленной за ставку заработной платы (должностной оклад), за исключением случаев, определенных этими правилами.

Порядок включения в специальный стаж периодов отпусков названными Правилами не урегулирован.

Согласно п. 2 указанных выше правил при исчислении стажа работы в части, не урегулированной Правилами, применяются Правила исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со ст. 27 и 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 11 июля 2002 г. № 516.

В соответствии с п. 5 Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со ст. 27 и 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в

Российской Федерации», периоды работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, которая выполнялась постоянно в течение полного рабочего дня, засчитываются в стаж в календарном порядке, если иное не предусмотрено этими правилами и иными нормативными правовыми актами.

При этом в стаж включаются периоды получения пособия по государственному социальному страхованию в период временной нетрудоспособности, а также периоды ежегодных основного и дополнительных оплачиваемых отпусков.

Статьей 116 ТК РФ установлено, что ежегодные дополнительные оплачиваемые отпуска предоставляются работникам, занятым на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, работникам, имеющим особый характер работы, работникам с ненормированным рабочим днем, работникам, работающим в районных Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также в других случаях, предусмотренных Кодексом и иными федеральными законами.

Одним из видов дополнительных отпусков является отпуск, предоставляемый работодателем работникам, совмещающим работу с обучением в образовательных учреждениях высшего профессионального образования, и работникам, поступающим в указанные образовательные учреждения (ст. 173 ТК РФ).

Согласно ст. 173 ТК РФ (в редакции, действовавшей в спорные периоды работы П.) работникам, направленным на обучение работодателем или поступившим самостоятельно в имеющие государственную аккредитацию образовательные учреждения высшего профессионального образования независимо от их организационно-правовых форм по заочной и очно-заочной (вечерней) формам обучения, успешно обучающимся в этих учреждениях, работодатель предоставляет дополнительные отпуска с сохранением среднего заработка.

Аналогичные положения были предусмотрены ст. 196 Кодекса законов о труде РСФСР, действовавшего до 1 февраля 2002 г.

Таким образом, периоды нахождения работника в дополнительном отпуске с сохранением среднего заработка, предоставляемом работодателем работнику, совмещающему работу с обучением в образовательных учреждениях высшего профессионального образования (учебные отпуска), являются периодами работы с сохранением средней заработной платы, с которой работодатель должен производить отчисление страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации.

Частью 1 ст. 11 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ установлено, что в страховой стаж включаются периоды работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись на территории Российской

Федерации лицами, указанными в ч. 1 ст. 4 данного федерального закона, при условии, что за эти периоды начислялись и уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации.

Исходя из приведенного правового регулирования в случае предоставления работнику учебного отпуска с сохранением среднего заработка в период работы, дающей право на досрочное назначение страховой пенсии по старости и включаемой в специальный стаж, периоды таких отпусков также подлежат включению в специальный стаж, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии по старости.

Как установлено судом и следует из материалов дела, П. в спорные периоды обучалась в имеющих государственную аккредитацию высших учебных заведениях, в эти периоды ей предоставлялись учебные отпуска с сохранением заработной платы, из которой производились установленные законодательством отчисления, в том числе и в Пенсионный фонд Российской Федерации.

Приведенные выше обстоятельства судебными инстанциями при разрешении спора учтены не были.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления в части отказа П. в удовлетворении исковых требований, дело в этой части направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 18-КГ16-85

13. Сотрудники органов уголовно-исполнительной системы, обратившиеся в период прохождения ими службы с заявлениями о постановке на учет для получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения, сохраняют право на указанную меру социальной поддержки при увольнении со службы с правом на пенсию.

Ш. обратился в суд с иском к Управлению Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Татарстан (далее – УФСИН России по Республике Татарстан), федеральному казенному учреждению «Центр государственного имущества и жилищно-бытового обеспечения Федеральной службы исполнения наказаний» (далее – ФКУ «Центр государственного имущества и жилищно-бытового обеспечения Федеральной службы исполнения наказаний») и с учетом заявления об уточнении исковых требований просил признать недействительным

отказ комиссии Федеральной службы исполнения наказаний России от 3 февраля 2014 г. в постановке его на учет для получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения, признать за ним право на получение единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения, обязать Федеральную службу исполнения наказаний России (далее – ФСИН России) поставить его на учет с совместно проживающими с ним членами семьи для получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения, взыскать судебные расходы.

В обоснование заявленных требований Ш. указал, что проходил службу в органах уголовно-исполнительной системы, имел специальное звание подполковника внутренней службы.

7 ноября 2013 г. Ш. обратился в территориальную подкомиссию УФСИН России по Республике Татарстан по рассмотрению вопросов предоставления сотрудникам УФСИН России по Республике Татарстан и подведомственных учреждений, а также сотрудникам учреждений, непосредственно подчиненных ФСИН России и дислоцирующихся в Республике Татарстан, и в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, членам их семей и гражданам Российской Федерации, уволенным со службы в УФСИН России по Республике Татарстан, единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения (далее – территориальная подкомиссия УФСИН России по Республике Татарстан) с заявлением о принятии на учет для получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения, приложив все необходимые документы.

Письмом УФСИН России по Республике Татарстан от 11 ноября 2013 г. Ш. сообщено, что на основании протокола заседания территориальной подкомиссии УФСИН России по Республике Татарстан от 8 ноября 2013 г. № 1 принято решение о направлении поданных им документов в комиссию ФСИН России по рассмотрению вопросов предоставления сотрудникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, членам их семей и гражданам Российской Федерации, уволенным со службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения (далее – комиссия ФСИН России) для принятия решения о постановке на учет для получения единовременной выплаты.

Приказом УФСИН России по Республике Татарстан от 31 января 2014 г. Ш. был уволен со службы в органах уголовно-исполнительной

системы по п. «з» ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-I (по ограниченному состоянию здоровья). На момент увольнения выслуга лет Ш. составила 20 лет 10 месяцев 4 дня в календарном исчислении, 22 года 1 месяц 00 дней – в льготном.

Комиссией ФСИН России 3 февраля 2014 г. Ш. отказано в постановке на учет для получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения в связи с отсутствием в деле документов, подтверждающих постановку его на жилищный учет до 1 марта 2005 г.

Ш. считал незаконным отказ комиссии ФСИН России в постановке его на учет для получения единовременной социальной выплаты по указанному основанию, ссылаясь на то, что его обращение в территориальную подкомиссию УФСИН России по Республике Татарстан с заявлением о постановке на учет для получения единовременной социальной выплаты имело место 7 ноября 2013 г., то есть до его увольнения из органов уголовно-исполнительной системы 31 января 2014 г., и как сотрудник органов уголовно-исполнительной системы он в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» имел право на названную выше выплату.

По мнению Ш., с учетом того, что к его заявлению были приобщены все необходимые документы, у комиссии ФСИН России не имелось оснований для отказа ему в постановке на учет для получения единовременной социальной выплаты.

При разрешении спора суд первой инстанции, ссылаясь на положения пп. 1, 7 ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ), п. 27 Правил предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам, проходящим службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и таможенных органах Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 24 апреля 2013 г. № 369, полагал, что право на

предоставление единовременной социальной выплаты для сотрудников, уволенных со службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, связано с наличием одновременно трех условий: общая продолжительность службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы не менее 10 лет в календарном исчислении; увольнение со службы с правом на пенсию; принятие на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях до 1 марта 2005 г. федеральным органом исполнительной власти.

Учитывая, что Ш. был уволен со службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы 31 января 2014 г., то есть до принятия его на учет для получения единовременной социальной выплаты, а также то, что документов, подтверждающих постановку Ш. до 1 марта 2005 г. на жилищный учет в качестве нуждающегося в жилом помещении, в комиссию ФСИН России представлено не было, суд первой инстанции сделал вывод об отсутствии необходимого условия (принятие заявителя на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении до 1 марта 2005 г. федеральным органом исполнительной власти) для вынесения решения о постановке Ш. на учет в целях получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения. В связи с этими обстоятельствами суд первой инстанции не нашел оснований для признания незаконным оспариваемого решения комиссии ФСИН России и отказал в удовлетворении заявленных Ш. требований.

Суд апелляционной инстанции согласился с приведенными выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права.

Вопросы обеспечения жилыми помещениями сотрудников, имеющих специальные звания и проходящих службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и таможенных органах Российской Федерации (далее – сотрудники, учреждения и органы), входят в предмет регулирования Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ, что следует из ч. 1 ст. 1 данного закона.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ сотрудник, имеющий общую продолжительность службы в учреждениях и органах не менее 10 лет в календарном исчислении, имеет право на единовременную социальную выплату для

приобретения или строительства жилого помещения один раз за весь период государственной службы, в том числе в учреждениях и органах.

Единовременная социальная выплата предоставляется сотруднику в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных соответствующему федеральному органу исполнительной власти, по решению руководителя федерального органа исполнительной власти, в котором проходят службу сотрудники, или уполномоченного им руководителя при условии, что сотрудник является нанимателем жилого помещения по договору социального найма или членом семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственником жилого помещения или членом семьи собственника жилого помещения и обеспечен общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее 15 квадратных метров (п. 2 ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ).

Право на единовременную социальную выплату сохраняется за гражданами Российской Федерации, уволенными со службы в учреждениях и органах с правом на пенсию и принятыми в период прохождения службы на учет в качестве имеющих право на получение единовременной социальной выплаты (ч. 7 ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ).

Порядок и условия предоставления единовременной социальной выплаты в силу ч. 6 ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ определяются Правительством Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 апреля 2013 г. № 369 утверждены Правила предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам, проходящим службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и таможенных органах Российской Федерации (далее – Правила предоставления единовременной социальной выплаты).

Данные правила устанавливают порядок и условия предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам, имеющим специальные звания и проходящим службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и таможенных органах Российской Федерации, а также в установленных Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ случаях членам

семей сотрудников и гражданам Российской Федерации, уволенным со службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и таможенных органах Российской Федерации (п. 1 Правил предоставления единовременной социальной выплаты).

Согласно п. 4 Правил предоставления единовременной социальной выплаты принятие сотрудника на учет для получения единовременной социальной выплаты осуществляется при наличии у сотрудника общей продолжительности службы в учреждениях и органах не менее 10 лет в календарном исчислении, определяемой в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

В п. 5 названных правил предусмотрено, что в целях постановки на учет для получения единовременной социальной выплаты сотрудник представляет в комиссию по рассмотрению вопросов предоставления единовременных социальных выплат для приобретения или строительства жилого помещения заявление, в котором указываются сведения о совместно проживающих с ним членах его семьи, а также о лицах, членом семьи которых является сотрудник в соответствии со ст. 31 и 69 ЖК РФ, и указывается, что ранее ему во всех местах прохождения государственной службы, в том числе в учреждениях и органах, единовременные выплаты (субсидии) в целях приобретения (строительства) жилого помещения не предоставлялись. Данный пункт также содержит перечень документов, представляемых в комиссию по рассмотрению вопросов предоставления единовременных социальных выплат для приобретения или строительства жилого помещения.

На основании заявления и документов, поименованных в указанном п. 5, комиссия в 3-месячный срок со дня их подачи принимает решение о постановке сотрудника на учет для получения единовременной социальной выплаты по одному из условий, определенных ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ, либо об отказе в постановке на указанный учет. О принятом комиссией решении сотрудник уведомляется в письменном виде в течение 1 месяца со дня принятия указанного решения (п. 7 Правил предоставления единовременной социальной выплаты).

В соответствии с п. 14 Правил предоставления единовременной социальной выплаты право на получение единовременной социальной выплаты сохраняется за гражданами Российской Федерации, принятыми на учет для получения единовременной социальной выплаты в качестве сотрудников и уволенными со службы в учреждениях и органах с

правом на пенсию, с учетом сохранения за ними права, указанного в п. 19 этих правил, имевшегося у них на день увольнения.

Из содержания приведенных нормативных положений следует, что право на получение единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения у сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы возникает при наличии обязательных условий, предусмотренных чч. 1 и 3 ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ. В целях реализации этого права сотрудники принимаются на учет для получения единовременной социальной выплаты, и такое право за ними сохраняется при увольнении со службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы с правом на пенсию.

При этом нормами Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ и Правилами предоставления единовременной социальной выплаты приобретение сотрудником учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, обратившимся в период прохождения службы с заявлением о постановке на учет для получения единовременной социальной выплаты, права на получение указанной меры социальной поддержки не поставлено в зависимость от даты рассмотрения заявления сотрудника (подлежит рассмотрению в трехмесячный срок со дня подачи) комиссией ФСИН России – до или после его увольнения со службы в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Иное толкование нормативных положений, регулирующих порядок и условия предоставления единовременной социальной выплаты, противоречащее положениям ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации, гарантирующим равенство прав и свобод граждан, ставило бы в неравное положение сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, имеющих право на единовременную социальную выплату на основании норм Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ на момент обращения в территориальную комиссию ФСИН с заявлением о постановке на учет на получение такой выплаты, но уволенных из органов уголовно-исполнительной системы на момент принятия решения по этому заявлению комиссией ФСИН России, по сравнению с действующими сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, обладающими таким же правом.

Изложенные обстоятельства судебными инстанциями не были приняты во внимание, что привело к неправильному определению содержания спорных отношений.

Поскольку истец на момент обращения в территориальную подкомиссию УФСИН России по Республике Татарстан являлся сотрудником и проходил службу в учреждении уголовно-

исполнительной системы, а впоследствии был уволен со службы по ограниченному состоянию здоровья с правом на пенсию, то суду в соответствии с подлежащими применению к спорным отношениям нормами материального права при разрешении спора о правомерности отказа ФСИН России в постановке Ш. на учет для получения единовременной социальной выплаты следовало установить имеющие значение для дела обстоятельства, а именно: наличие у Ш. как сотрудника учреждений и органов уголовно-исполнительной системы предусмотренных чч. 1 и 3 ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ обязательных условий для возникновения права на получение единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения, отсутствие с его стороны указанных в ч. 8 ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ намеренных действий, повлекших ухудшение жилищных условий.

Однако эти обстоятельства не были определены судом первой инстанции в качестве юридически значимых и не устанавливались в ходе судебного разбирательства, вопрос о наличии у Ш. права на получение единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ не разрешался.

Судом допущены и другие нарушения норм материального права.

Суд в обоснование своего вывода об отсутствии необходимого условия для постановки Ш. на учет в целях получения единовременной социальной выплаты, а именно принятия его на учет в качестве нуждающегося в жилых помещениях до 1 марта 2005 г. федеральными органами исполнительной власти, сослался на п. 27 Правил предоставления единовременной социальной выплаты, в соответствии с которым сотрудникам и уволенным со службы в учреждениях и органах гражданам Российской Федерации, принятым на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях до 1 марта 2005 г. федеральным органом исполнительной власти, единовременная социальная выплата предоставляется в порядке и на условиях, установленных этими правилами для сотрудников.

При этом суд не учел, что данная норма регламентирует порядок предоставления единовременной социальной выплаты только для такой категории граждан, как сотрудники и уволенные со службы в учреждениях и органах граждане Российской Федерации, принятые на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях до 1 марта 2005 г. федеральными органами исполнительной власти, и только в случаях, установленных Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ, как это следует из содержания п. 1 Правил предоставления единовременной социальной выплаты.

В Федеральном законе от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ предоставление единовременной социальной выплаты названной категории граждан предусмотрено ст. 6, регулирующей предоставление сотрудникам и уволенным со службы в учреждениях и органах гражданам Российской Федерации, принятым на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях до 1 марта 2005 г. федеральными органами исполнительной власти, жилого помещения жилищного фонда Российской Федерации по договору социального найма и устанавливающей, что по их желанию им может быть предоставлена единовременная социальная выплата на приобретение или строительство жилого помещения в соответствии со ст. 4 этого же федерального закона с одновременным снятием их с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях.

Между тем Ш. к указанной выше категории граждан Российской Федерации, уволенных со службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, не относится и на него нормативные положения ст. 6 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ, применяемые во взаимосвязи с п. 27 Правил предоставления единовременной социальной выплаты, не распространяются.

Следовательно, выводы суда первой инстанции о соответствии требованиям законодательства решения комиссии ФСИН России об отказе в постановке Ш. на учет для получения единовременной социальной выплаты ввиду отсутствия у него такого необходимого условия, как принятие его на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении до 1 марта 2005 г. федеральным органом исполнительной власти, являются неправильными, основанными на ошибочном толковании норм материального права, регулирующих спорные отношения сторон.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 11-КГ16-13

Исполнительное производство

14. Переход права собственности на недвижимое имущество в ходе исполнительного производства, возбужденного в отношении предыдущего собственника, на которого вступившим в законную силу решением суда возложена обязанность о приведении этого

имущества в прежнее состояние, влечет переход данной обязанности на нового собственника.

Решением мирового судьи, оставленным без изменения апелляционным определением районного суда, частично удовлетворены исковые требования С. к обществу об устранении препятствий в пользовании имуществом: на ответчика возложена обязанность устранить препятствия в пользовании нежилыми помещениями, принадлежащими С., путем приведения части спорного здания, принадлежащей обществу, в первоначальное состояние в соответствии с типовым проектом и техническим паспортом здания.

Судебным приставом-исполнителем в отношении общества возбуждено исполнительное производство.

С. обратилась к мировому судье с заявлением о процессуальном правопреемстве и замене должника на Р. в связи с отчуждением ему обществом спорного имущества на основании договора купли-продажи.

Определением мирового судьи, оставленным без изменения апелляционным определением районного суда, заявление о процессуальном правопреемстве удовлетворено.

Постановлением президиума областного суда судебные акты судов первой и апелляционной инстанций отменены, в удовлетворении заявления о процессуальном правопреемстве отказано.

Отменяя судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, суд кассационной инстанции исходил из того, что заключение договора купли-продажи не является уступкой права требования, не относится к переводу долга и другим предусмотренным законом случаям перемены лиц в обязательстве. Доказательств, свидетельствующих о том, что заключение договора купли-продажи является злоупотреблением правом, не представлено.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами суда кассационной инстанции не согласилась в связи со следующим.

На основании ч. 1 ст. 52 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» в случае выбытия одной из сторон исполнительного производства (смерть гражданина, реорганизация организации, уступка права требования, перевод долга) судебный пристав-исполнитель производит замену этой стороны исполнительного производства ее правопреемником.

Согласно ч. 1 ст. 44 ГПК РФ в случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга и другие случаи перемены лиц в обязательствах) суд

допускает замену этой стороны ее правопреемником. Правопреемство возможно на любой стадии гражданского судопроизводства.

Переход долга возможен в силу закона, что предусмотрено ст. 392 ГК РФ.

Обязанность по приведению помещений в первоначальное состояние, возложенная решением мирового судьи на общество (ответчика по делу), являлась долговым обязательством последнего перед истцом.

Гражданский кодекс Российской Федерации не содержит нормы, регламентирующей то, на кого данная обязанность будет возложена при продаже нежилых помещений, требующих приведения их в первоначальное состояние в случае отчуждения их иному лицу. В связи с этим судам надлежало руководствоваться по аналогии (п. 1 ст. 6 ГК РФ) законодательством, регулирующим сходные отношения, а именно ст. 29 ЖК РФ.

Согласно ч. 3 ст. 29 ЖК РФ собственник жилого помещения, которое было самовольно переустроено и (или) перепланировано, или наниматель такого жилого помещения по договору социального найма обязан привести такое жилое помещение в прежнее состояние в разумный срок и в порядке, которые установлены органом, осуществляющим согласование.

В соответствии с ч. 6 той же статьи орган, осуществляющий согласование для нового собственника жилого помещения, которое не было приведено в прежнее состояние в установленном ч. 3 данной статьи порядке, или для собственника такого жилого помещения, являвшегося наймодателем по расторгнутому в установленном ч. 5 этой статьи порядке договору, устанавливает новый срок для приведения такого жилого помещения в прежнее состояние.

Таким образом, по смыслу изложенных норм, обязанность по приведению помещения в прежнее состояние, неосуществленная прежним собственником, переходит к новому собственнику данного помещения. Это правило, касающееся жилых помещений, по аналогии должно применяться и в отношении нежилых помещений.

В связи с этим не основан на законе вывод президиума областного суда о том, что заключение договора купли-продажи помещения, в отношении которого имеется обязанность по приведению его в прежнее состояние, не влечет переход долга с общества на нового собственника.

Кроме того, принимая решение о правопреемстве Р., суд апелляционной инстанции указал, что сделка по отчуждению обществом недвижимого имущества в пользу Р. фактически была направлена на уклонение от исполнения судебного акта, поскольку имущество, в отношении которого общество обязано совершить определенные

действия, выбыло из его владения, что исключает возможность совершения обществом каких-либо действий в отношении этого имущества.

При этом суд отметил, что Р., являясь генеральным директором общества и владельцем его акций, участвовал лично и через представителя в деле по иску С. к обществу об устранении препятствий в пользовании имуществом, знал о принятом решении, помещения были проданы ему обществом, единоличным собственником которого он являлся, в период между вынесением решения судом первой инстанции и рассмотрением дела судом апелляционной инстанции.

Отменяя определение суда второй инстанции и не соглашаясь с высказанной в нем позицией о том, что со стороны Р. имело место злоупотребление правом, президиум областного суда указал, что доказательств, свидетельствующих о том, что Р. при осуществлении своего права на заключение договора купли-продажи действовал исключительно с намерением причинить вред третьему лицу либо действовал в обход закона с противоправной целью, а также допустил иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом) в соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ, в материалах дела не содержится. Суд кассационной инстанции пришел к заключению о необоснованности вывода суда апелляционной инстанции о том, что, заключив договор купли-продажи, Р. злоупотребил своим правом на участие в договорных отношениях.

Таким образом, президиум областного суда фактически произвел переоценку доказательств, что для суда кассационной инстанции недопустимо, поскольку в силу ч. 2 ст. 390 ГПК РФ при рассмотрении дела в кассационном порядке суд проверяет правильность применения и толкования норм материального права и норм процессуального права судами, рассматривавшими дело. Суд кассационной инстанции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции, предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимуществе одних доказательств перед другими и определять, какое судебное постановление должно быть принято при новом рассмотрении дела.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление президиума областного суда, оставив в силе определение мирового судьи и апелляционное определение районного суда.

Определение № 36-КГ16-8

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о банкротстве

15. При применении абзаца пятого п. 2 ст. 213⁵ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» суд должен проверить обоснованность денежного требования кредитора независимо от того, что задолженность признана должником.

Ссылаясь на наличие задолженности по оплате услуг по договору поручения, Д. обратился в арбитражный суд с заявлением о признании С. несостоятельным (банкротом).

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление признано обоснованным, в отношении гражданина (С.) введена процедура реструктуризации долгов, требование Д. включено в третью очередь реестра кредиторов, назначен финансовый управляющий. При этом суды исходили из того, что для признания требования обоснованным отсутствует необходимость представления решения суда, вступившего в законную силу, так как задолженность признается самим должником.

Указывая на то, что договор поручения является мнимой сделкой, стороны которой искусственно сформировали задолженность в ущерб интересам кредиторов должника, банк обратился в Верховный Суд Российской Федерации с кассационной жалобой на указанные судебные акты.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

По общему правилу кредитор должен представить вступившее в силу решение суда, подтверждающее наличие задолженности (п. 1 ст. 213⁵ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»; далее – Закон о банкротстве). Соответствующее заявление может быть подано конкурсным кредитором без представления вступившего в законную силу судебного акта, в частности если его денежные требования признаются должником, но не исполняются (абзац пятый п. 2 ст. 213⁵ Закона о банкротстве).

Вместе с тем указанное не означает, что одного лишь факта признания должником наличия задолженности и неисполнения

обязанности по ее погашению достаточно для признания заявления кредитора обоснованным и введения процедуры банкротства.

Отсутствие вступившего в силу судебного акта, подтверждающего существование долга, в любом случае налагает на суд обязанность по проверке требования кредитора по существу.

Как разъяснено в подлежащем применению и при банкротстве граждан п. 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», проверка обоснованности и размера требований кредиторов осуществляется судом независимо от наличия разногласий относительно этих требований между должником и лицами, имеющими право заявлять соответствующие возражения, с одной стороны, и предъявившим требование кредитором – с другой стороны. При установлении требований кредиторов в деле о банкротстве судам следует исходить из того, что установленными могут быть признаны только требования, в отношении которых представлены достаточные доказательства наличия и размера задолженности.

При рассмотрении данного обособленного спора банк приводил доводы и представлял доказательства отсутствия задолженности должника перед Д. и мнимости указанной сделки, однако ни один из доводов банка в нарушение положений ст. 71, 168 и 170 АПК РФ не получил какой-либо правовой оценки со стороны судов нижестоящих инстанций.

Определение № 305-ЭС16-12960

16. После открытия в отношении продавца конкурсного производства покупатель не может требовать от него исполнения в натуре обязанности по передаче права собственности на вещь.

Обществом (продавец) и физическим лицом (покупатель) заключен договор купли-продажи земельного участка, который будет создан в будущем путем раздела земельного участка, принадлежащего обществу (договор купли-продажи будущей вещи). Покупатель уплатил покупную цену обществу.

Определением суда первой инстанции общество признано банкротом, в отношении него открыто конкурсное производство.

В рамках дела о банкротстве общества покупатель обратился в арбитражный суд с заявлением об исключении земельного участка, являвшегося предметом указанного договора, из конкурсной массы.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, земельный участок исключен из конкурсной массы.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требования по следующим основаниям.

Как разъяснено в п. 34 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», в ходе конкурсного производства подлежат предъявлению только в деле о банкротстве возникшие до возбуждения этого дела требования кредиторов по неденежным обязательствам имущественного характера (о передаче имущества в собственность, выполнении работ и оказании услуг), которые рассматриваются по правилам ст. 100 Закона о банкротстве.

По смыслу названных разъяснений реестровое требование кредитора к должнику о понуждении к совершению предоставления в натуральной форме неисполнимо, оно подлежит оценке и трансформации в денежное требование путем его включения в реестр требований кредиторов должника.

Таким образом, положения ст. 398, 456 и п. 3 ст. 487 ГК РФ применительно к реестровым требованиям после открытия в отношении должника конкурсного производства в силу специальных положений законодательства о банкротстве неприменимы. При обратном подходе кредитор получал бы предпочтительное удовлетворение своих требований из конкурсной массы перед иными кредиторами, что противоречит принципу очередности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов (пп. 2 и 3 ст. 142 Закона о банкротстве).

В рассматриваемом случае суды, исключив из конкурсной массы имущество, являвшееся предметом договора купли-продажи, и тем самым предоставив покупателю возможность в дальнейшем признать на него право собственности, нарушили запрет, установленный названными выше положениями законодательства о банкротстве, чем в итоге ущемили права конкурсных кредиторов должника, обоснованно рассчитывавших на реализацию участков с торгов и погашение их требований за счет вырученных от продажи денежных средств.

Определение № 308-ЭС16-12236

17. При утверждении мирового соглашения суд должен выяснить, соответствуют ли его условия целям этой реабилитационной процедуры банкротства и не нарушают ли они обоснованных ожиданий всех кредиторов.

В реестр требований кредиторов должника с удовлетворением в третью очередь включены только требования Я. в размере 270 940 840 руб. и общества в размере 253 923 122, 22 руб.

На собрании кредиторов должника большинством голосов принято решение о заключении мирового соглашения. Условиями мирового соглашения предусмотрены рассрочка исполнения должником обязательств перед кредиторами (с декабря 2016 года по январь 2019 года) и прощение около половины долга. В качестве источников исполнения мирового соглашения предусмотрены эксплуатация и последующая реализация имеющихся у должника объектов недвижимости, а также принадлежащие последнему денежные средства, размещенные на депозитном счете нотариуса в размере 191 750 000 руб.

При этом «за» голосовал Я. (53,11 процента), «против» – общество (46,89 процента).

Общество обращало внимание на неисполнимость мирового соглашения, поскольку в отношении кредитной организации, в которой находится депозитный счет нотариуса, осуществляется процедура ликвидации, в связи с чем удовлетворение требований кредиторов за счет указанных денежных средств маловероятно. Общество также ссылалось на недоказанность возможности погашения требований кредиторов за счет эксплуатации объектов недвижимости должника и последующей их реализации, учитывая, что какая-либо хозяйственная деятельность должником не ведется. Отчеты арбитражного управляющего о результатах деятельности должника, бухгалтерская и иная финансовая документация, свидетельствующие об обратном, суду не были представлены. Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, утверждено указанное мировое соглашение. Суды пришли к выводу, что несогласие общества с условиями мирового соглашения не является основанием для отказа в его утверждении. В случае неисполнения мирового соглашения общество вправе расторгнуть его в судебном порядке (ст. 164 Закона о банкротстве) либо предъявить свои требования в предусмотренном мировым соглашением размере в общем порядке (ст. 167 Закона о банкротстве).

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила на новое рассмотрение

в суд первой инстанции дело о несостоятельности (банкротстве) должника по следующим основаниям.

Заключение мирового соглашения направлено на справедливое и соразмерное удовлетворение требований всех кредиторов путем предоставления им равных правовых возможностей для достижения законных частных экономических интересов при сохранении деятельности должника путем восстановления его платежеспособности (ст. 150 и 156 Закона о банкротстве).

Несмотря на то, что отношения, возникающие при заключении мирового соглашения, основываются на предусмотренном законом принуждении меньшинства кредиторов большинством ввиду невозможности выработки единого мнения иным образом, правила Закона о банкротстве, регулирующие принятие решения о заключении мирового соглашения, не означают, что такое решение может приниматься произвольно.

Наличие у каждого из конкурсных кредиторов требований к несостоятельному должнику определяет их правовой статус и правомерный интерес, которым является получение в результате мирового соглашения большего по сравнению с тем, на что можно было бы рассчитывать в результате незамедлительного распределения конкурсной массы. Само по себе заключение мирового соглашения не гарантирует безусловное достижение указанного результата, поскольку итог будущей хозяйственной деятельности должника зависит от многих, в том числе сложнопрогнозируемых, факторов. Однако процедура утверждения мирового соглашения в любом случае должна обеспечивать защиту меньшинства кредиторов от действий большинства в ситуации, когда уже на стадии его утверждения очевидно, что предполагаемый результат не может быть достигнут.

Основанием для отказа арбитражным судом в утверждении мирового соглашения является противоречие условий мирового соглашения названному закону, другим федеральным законам и иным нормативным правовым актам (п. 2 ст. 160 Закона о банкротстве).

В связи с этим при утверждении мирового соглашения суду необходимо выяснить, в каких целях заключается мировое соглашение – направлено ли оно, как это определил законодатель, на возобновление платежеспособности должника, включая удовлетворение требований кредиторов, либо применяется не в соответствии с предназначением института мирового соглашения (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июля 2002 г. № 14-П).

Не подлежит утверждению мировое соглашение, условия которого экономически необоснованны.

Суд первой инстанции не выяснил, являются ли в данном случае предложенные сроки погашения задолженности и существенная скидка долга оправданными или такие условия противоречили смыслу и целям мирового соглашения как реабилитационной процедуры банкротства и поэтому не могли считаться нормальным способом расчетов с кредиторами.

Определение № 305-ЭС15-18052(2)

18. В случае продажи заложенного имущества при проведении конкурсного производства по цене, превышающей его оценочную стоимость, объем реально погашаемых требований залогового кредитора зависит от фактически полученной выручки и не ограничен оценочной стоимостью.

В рамках дела о банкротстве предпринимателя требования банка, предъявленные им к предпринимателю как к поручителю и залогодателю, не являющемуся должником по основному обязательству, признаны обоснованными и включены в реестр требований кредиторов должника с удовлетворением в третью очередь, в том числе ряд требований как обеспеченных залогом.

Впоследствии банк обратился в суд с заявлением о внесении изменений в реестр требований кредиторов должника, в котором просил увеличить размер требований, обеспеченных залогом имущества должника, сославшись на увеличение стоимости заложенного имущества, выявленное по результатам проведенной арбитражным управляющим оценки.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление банка удовлетворено.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила постановление арбитражного суда округа без изменения по следующим основаниям.

Как разъяснено в абзацах шестом и восьмом п. 20 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя», при установлении требований залогового кредитора в деле о банкротстве залогодателя, не являющегося должником по

основному обязательству, их размер определяется как сумма денежного удовлетворения, на которое может претендовать залогодержатель за счет заложенного имущества, но не свыше оценочной стоимости данного имущества. Стоимость заложенного имущества определяется арбитражным судом на основе оценки заложенного имущества, предусмотренной в договоре о залоге, или начальной продажной цены, установленной решением суда об обращении взыскания на заложенное имущество, с учетом доводов заинтересованных лиц об изменении указанной стоимости в большую или меньшую сторону. Если выручка от продажи заложенного имущества превышает размер требований залогодержателя согласно реестру требований кредиторов, определенный на основании приведенных разъяснений, погашение требований залогового кредитора осуществляется за счет указанной выручки в пределах размера требования, обеспеченного залогом.

Таким образом, оценочная стоимость заложенного имущества принимается во внимание на стадии рассмотрения вопроса об обоснованности требования залогового кредитора, носит, по своей сути, учетный характер и применяется в дальнейшем для целей отражения требования залогового кредитора в реестре, определения объема его прав при голосовании на собраниях кредиторов должника и при принятии решений в рамках процедур банкротства.

Однако обязательство должника признается обеспеченным залогом в целом независимо от упомянутой учетной оценки заложенного объекта (за исключением случая, когда обязательство обеспечивалось залогом не в полном объеме, а только в части). Окончательная стоимость заложенного имущества для целей проведения расчетов формируется в момент его реализации. В случае продажи заложенного имущества по цене, превышающей оценочную стоимость, объем реально погашаемых требований залогового кредитора зависит от фактически полученной выручки и не ограничен оценочной стоимостью.

Данный подход согласуется с общими положениями гражданского законодательства о залоге (ст. 334 и 337 ГК РФ), согласно которым кредитор по обеспеченному залогом обязательству имеет право получить преимущественное удовлетворение из всей стоимости заложенного имущества. Эти правила подлежат применению и к спорным правоотношениям с учетом особенностей, предусмотренных ст. 138 Закона о банкротстве, – закрепленных в названной статье пропорций распределения выручки.

При этом залоговый кредитор не должен предпринимать меры для изменения учетной оценочной стоимости предмета залога, включенной в реестр требований кредиторов залогодателя, в зависимости от фактической цены продажи имущества, переданного в залог.

Соответствующие действия арбитражный управляющий осуществляет самостоятельно, без обращения в суд, рассматривающий дело о банкротстве.

Определение № 310-ЭС16-10887

19. Если должник в период действия заключенного в деле о банкротстве мирового соглашения принял решение о реорганизации, то кредитор по этому мировому соглашению, не дожидаясь нарушения его условий, вправе потребовать в рамках дела о банкротстве выдачи исполнительного листа.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском о признании за ним права на досрочное получение исполнения от колхоза – должника по денежному обязательству.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила названные судебные акты без изменения по следующим основаниям.

Общество являлось кредитором колхоза в деле о банкротстве последнего. В рамках этого дела утверждено мировое соглашение, по условиям которого должнику предоставлена отсрочка исполнения денежных обязательств на пять лет, производство по делу о банкротстве прекращено.

В период действия мирового соглашения колхоз принял решение о реорганизации в форме выделения.

Требование общества о досрочном исполнении закрепленных в мировом соглашении обязательств оставлено колхозом без удовлетворения, что послужило причиной обращения в арбитражный суд.

На кредиторов должника, заключивших в деле о банкротстве мировое соглашение, распространяются гарантии, предусмотренные п. 2 ст. 60 ГК РФ. Поскольку такие кредиторы вправе потребовать досрочного исполнения обязательств должником и задолженность перед ними уже подтверждена судебным актом, они, не дожидаясь нарушения условий мирового соглашения (в части отсроченного долга), могут обратиться в суд, рассматривающий дело о банкротстве, с ходатайством о выдаче исполнительного листа на непогашенную сумму применительно к правилам п. 1 ст. 167 Закона о банкротстве (по аналогии закона).

Предъявление в подобной ситуации кредитором самостоятельного

требования о признании за ним права на досрочное исполнение обязательства должником является ненадлежащим способом защиты.

Определение № 303-ЭС16-10969

Нематериальные блага и их защита

20. Поскольку высказывания ответчика представляют собой утверждения о фактах, соответствие действительности которых может быть проверено, они могут быть основанием для заявления требования о защите деловой репутации.

Истец обратился в арбитражный суд с иском к ответчику о признании сведений, распространенных ответчиком в сети Интернет, порочащими деловую репутацию истца, об обязанности ответчика опровергнуть эти сведения путем размещения соответствующей информации в сети Интернет и о взыскании компенсации.

Истец ссылаясь на то, что он осуществлял строительные работы, связанные с реализацией федеральной целевой программы, подразумевающей заключение подрядных договоров с третьими лицами на проведение археологических работ. Ответчик разместил недостоверную информацию следующего содержания в социальной сети «ВКонтакте», порочащую деловую репутацию истца:

«Реальная стоимость работ занижена..., является изначально демпинговой», «Подобная конкурсная документация свидетельствует либо о полной некомпетентности ее составителей, либо о наличии коррупционной составляющей в виде договоренности с потенциальными исполнителями», «Не станьте пешкой в руках мошенников!», «...выставляет на конкурс тендер с незаконными практически условиями, нашелся археолог (опустим его фамилию), который за откат берет это на себя».

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении исковых требований отказано. Суды исходили из того, что оспариваемые сведения не могут быть признаны порочащими деловую репутацию, поскольку представляют собой высказанные ответчиком суждения и субъективное мнение относительно обсуждаемой проблемы.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Исходя из разъяснений, содержащихся в п. 5 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г. (далее – Обзор), согласно положениям ст. 29 Конституции Российской Федерации и ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующих каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позиций Европейского суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности.

В решениях по делам «Лингрэнс против Австрии» от 8 июня 1986 г., «Гринберг против Российской Федерации» от 21 июня 2005 г. Европейский суд по правам человека, защищая право автора информации на оценочное суждение, указал на необходимость проводить тщательное различие между фактами и оценочными суждениями, существование фактов может быть доказано, тогда как истинность оценочных суждений не всегда поддается доказыванию, последние должны быть мотивированы, но доказательства их справедливости не требуются.

Сведения, оспариваемые истцом по настоящему делу, представляют собой информацию о незаконном и недобросовестном поведении истца, сформулированы в форме утверждений. Изложение информации не указывает на то, что факты, описанные в ней, предполагаются автором или лично автор таким образом оценивает поведение истца. Избранный автором стиль изложения указывает на наличие описываемых фактов в реальной действительности (факта занижения стоимости работ, факта установления демпинговой цены, факта некомпетентности составителей конкурсной документации, фактов коррупционного и иного незаконного поведения, мошенничества).

При таких обстоятельствах выводы судов о субъективном характере оспариваемой информации не являются верными. Вышеперечисленные факты могут быть проверены на их соответствие реальной действительности. Указанный довод подтверждается позицией самого ответчика, доказывавшего в рамках настоящего дела соответствие действительности своих утверждений.

Кроме того, из п. 6 Обзора следует, что предметом проверки при рассмотрении требований о защите деловой репутации могут быть и содержащиеся в оспариваемых высказываниях ответчиков оценочные суждения, мнения, убеждения, если они носят оскорбительный характер.

Информация, указывающая на противоправный характер поведения субъекта, носит оскорбительный характер, следовательно, даже при условии ее изложения как субъективного мнения автора может быть основанием для заявления требования о защите деловой репутации.

Определение № 309-ЭС16-10730

21. В случае умаления репутации юридического лица оно вправе защищать свое право путем заявления требования о возмещении вреда, причиненного репутации юридического лица.

Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования (далее – университет) обратилось в арбитражный суд с заявлением к редакции издания и его учредителю (далее – редакция) о защите деловой репутации, признании не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию университета сведений, опубликованных на сайте издания, и о взыскании 1 000 000 руб. компенсации.

Решением суда первой инстанции искивые требования удовлетворены в части признания распространенных сведений не соответствующими действительности. Суд обязал редакцию удалить эти сведения и разместить текст опровержения. Отказывая в удовлетворении требования о взыскании компенсации, суд отметил, что университет не представил доказательств того, что в результате действий редакции им понесены имущественные потери.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменено, требование университета о взыскании компенсации удовлетворено.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила в силе постановление арбитражного суда округа по следующим основаниям.

Вступление в силу с 1 октября 2013 г. новой редакции ст. 152 ГК РФ, исключившей возможность компенсации морального вреда в случае умаления деловой репутации юридических лиц, не препятствует

защите нарушенного права посредством заявления юридическим лицом требования о возмещении вреда, причиненного репутации юридического лица.

Данный вывод следует из определения Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2003 г. № 508-О, в котором отмечено, что отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения (п. 2 ст. 150 ГК РФ). Данный вывод основан на положениях ст. 45 (ч. 2) Конституции Российской Федерации, в соответствии с которыми каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Под вредом, причиненным деловой репутации, следует понимать всякое ее умаление, которое проявляется, в частности в наличии у юридического лица убытков, обусловленных распространением порочащих сведений и иных неблагоприятных последствиях в виде утраты юридическим лицом в глазах общественности и делового сообщества положительного мнения о его деловых качествах, утраты конкурентоспособности, невозможности планирования деятельности и т.д.

Следовательно, юридическое лицо, чье право на деловую репутацию нарушено действиями по распространению сведений, порочащих такую репутацию, вправе требовать восстановления своего права при доказанности общих условий деликтной ответственности (наличия противоправного деяния со стороны ответчика, неблагоприятных последствий этих действий для истца, причинно-следственной связи между действиями ответчика и возникновением неблагоприятных последствий на стороне истца) (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 г. № 17528/11). Наличие вины ответчика презюмируется (п. 2 ст. 1064 ГК РФ).

При этом противоправный характер действий ответчика должен выражаться в распространении вонне (сообщении хотя бы одному лицу), в частности посредством публикации, публичного выступления, распространения в средствах массовой информации, сети Интернет, с помощью иных средств телекоммуникационной связи, определенных сведений об истце, носящих порочащий и не соответствующий действительности характер.

Факта распространения ответчиком сведений, порочащих деловую репутацию истца, недостаточно для вывода о причинении ущерба деловой репутации и для выплаты денежного возмещения в целях компенсации за необоснованное умаление деловой репутации. На истце, в силу требований ст. 65 АПК РФ, лежит обязанность доказать обстоятельства, на которые он ссылается как на основание своих требований, то есть подтвердить, во-первых, наличие сформированной репутации в той или иной сфере деловых отношений (промышленности, бизнесе, услугах, образовании и т.д.), во-вторых, наступление для него неблагоприятных последствий в результате распространения порочащих сведений, факт утраты доверия к его репутации или ее снижение.

В обоснование своей позиции по существу заявленного требования о взыскании компенсации репутационного вреда университет ссылался на использованную ответчиками форму распространения порочащих его сведений в сети Интернет с предоставлением неопределенному и неограниченному числу пользователей свободного доступа к сайту, на котором опубликованы оспариваемые сведения, и, как следствие, неограниченной степени распространения порочащих истца сведений.

Однако каких-либо доказательств и пояснений, свидетельствующих о сформированной репутации истца до нарушения, и доказательств, позволяющих установить наличие неблагоприятных последствий для университета в результате размещения спорной публикации, в материалы дела истцом не представлено. Следовательно, отсутствуют доказательства, на основании которых суд может установить, что самого признания факта распространения порочащих сведений и судебного решения об их опровержении недостаточно для восстановления баланса прав участников спорных правоотношений, а также для определения размера справедливой компенсации в конкретных правоотношениях.

Определение № 307-ЭС16-8923

Право собственности и другие вещные права

22. Для приобретения в собственность помещения по льготным основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в

отдельные законодательные акты Российской Федерации», лицо должно обладать статусом индивидуального предпринимателя на протяжении всего двухлетнего периода владения и (или) пользования этим объектом.

Департамент городского имущества города Москвы (далее – департамент) отказал предпринимателю в льготном выкупе нежилых помещений на основании положений Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 159-ФЗ). Основанием для отказа послужило то, что указанное физическое лицо арендовало помещения с 2012 года, однако статус предпринимателя приобрело только в 2015 году, то есть на момент подачи заявления не были соблюдены условия п. 1 ст. 3 Закона № 159-ФЗ.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании данного отказа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, заявление предпринимателя удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Часть 1 ст. 4 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Закон № 209-ФЗ) к субъектам малого и среднего предпринимательства относит физических лиц, внесенных в Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей (далее – ЕГРИП).

Согласно п. 1 ст. 3 Закона № 159-ФЗ одним из условий преимущественного права на выкуп арендованного имущества является факт нахождения имущества по состоянию на 1 июля 2015 года во временном владении и (или) временном пользовании у субъекта малого и среднего предпринимательства непрерывно в течение двух и более лет в соответствии с договором или договорами аренды такого имущества.

Толкование данных норм позволяет сделать вывод о том, что имущество должно быть в пользовании субъекта малого и среднего предпринимательства в течение всего периода, установленного законом, то есть свидетельство о внесении в ЕГРИП должно быть выдано заявителю не позднее 1 июля 2013 г.

В силу Закона № 159-ФЗ возникновение права на преимущественный выкуп арендуемого имущества поставлено в зависимость от наличия действующих арендных отношений в течение двух и более лет по состоянию на 1 июля 2015 года именно субъектом малого и среднего предпринимательства.

Несмотря на то, что в арендных отношениях с департаментом заявитель состоит с 2012 года, период до регистрации в качестве индивидуального предпринимателя в 2015 году правомерно не был засчитан в двухлетний срок, предусмотренный п. 1 ст. 3 Закона № 159-ФЗ, поскольку в указанный период заявитель не имел статуса индивидуального предпринимателя и не соответствовал требованиям, установленным Законом № 159-ФЗ.

Определение № 305-КГ16-12198

23. При возложении на одного из собственников помещения в многоквартирном жилом доме обязанности освободить помещение, относящееся к общему имуществу и занятое им без согласия остальных собственников, на него может быть также возложена обязанность привести это помещение в первоначальное состояние.

Товарищество собственников жилья (далее – товарищество) обратилось в арбитражный суд с иском к банку (собственник одного из помещений в многоквартирном доме) об истребовании из незаконного владения ответчика помещения вестибюля, расположенного на первом этаже здания, об обязанности привести помещение в первоначальное состояние, в том числе демонтировать кондиционер, систему видеонаблюдения, информационное табло, отображающее курсы валют, банкомат, и передать указанное помещение товариществу.

Товарищество ссылалось на то, что спорное помещение относится к общему имуществу собственников многоквартирного дома, однако банк самовольно занял его, использует в своих интересах в качестве офиса, не внося при этом соответствующую плату.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда

первой инстанции изменено, исковые требования удовлетворены в части истребования помещения из владения банка, в удовлетворении требования об обязанности банка привести помещение вестибюля в первоначальное состояние отказано. Суд посчитал, что требования товарищества об обязанности банка привести помещение вестибюля в первоначальное состояние по существу направлены на изменение сложившегося на протяжении значительного периода времени порядка пользования общим имуществом, при котором банк считал возможным использование вестибюля и размещение в нем своего имущества. Банк, являясь собственником нежилого помещения в многоквартирном доме, имеет право пользования общим имуществом многоквартирного дома без соответствующего разрешения иных собственников.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила без изменения решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 36 ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, в том числе помещения в данном доме, не принадлежащие отдельным собственникам и предназначенные для удовлетворения социально-бытовых потребностей собственников помещений в данном доме, включая помещения, предназначенные для организации их досуга, культурного развития, детского творчества, занятий физической культурой и спортом и подобных мероприятий.

Частью 2 ст. 36 ЖК РФ также установлено, что собственники помещений в многоквартирном доме владеют, пользуются и в установленных данным кодексом и гражданским законодательством пределах распоряжаются общим имуществом в многоквартирном доме.

По решению собственников помещений в многоквартирном доме, принятому на общем собрании таких собственников, объекты общего имущества в многоквартирном доме могут быть переданы в пользование иным лицам в случае, если это не нарушает права и законные интересы граждан и юридических лиц (ч. 4 ст. 36 ЖК РФ).

По настоящему делу решение общего собрания собственников многоквартирного дома о предоставлении спорного помещения в пользование только банку для осуществления им своей деятельности и проведения для этих целей ремонта не принималось.

В отсутствие соблюдения установленного порядка пользования общим имуществом действия банка по выполнению в спорном помещении ремонта, необходимого для использования вестибюля в качестве офисного помещения и размещение в нем принадлежащего

банку оборудования повлекли ограничение доступа иных лиц в помещение.

Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами и не следует из существа обязательства, выбор способа защиты нарушенного права осуществляется кредитором своей волей и в своем интересе (п. 2 ст. 1 ГК РФ). Между тем избрание лицом способа защиты своего нарушенного права не должно ущемлять права и законные интересы других лиц. Таким образом, выбор способа защиты нарушенного или оспариваемого права является субъективным правом истца, который должен соответствовать характеру нарушения права и достигать цели его восстановления.

Учитывая, что ответчиком совершены действия, направленные не только на самовольное занятие спорного помещения, но и на изменение его состояния, необходимого для использования в собственных интересах, без соответствующего на то согласия всех членов товарищества, необходимого в силу ч. 2 ст. 36 ЖК РФ, суд первой инстанции обоснованно исходил из соответствия избранных истцом способов защиты нарушенному праву, возложив на ответчика обязанность по приведению спорного помещения в первоначальное состояние, существовавшее до нарушения права, с последующей передачей его истцу.

Удовлетворение судом требования истца в сформулированном им виде не может нарушать прав ответчика, поскольку оно не возлагает на него дополнительных обязанностей, кроме тех, которые направлены на восстановление прежнего (до противоправного завладения) состояния помещения.

Ссылаясь в обоснование принятых судебных актов на то, что ответчик, являясь собственником помещения в многоквартирном доме, имеет право пользоваться спорным помещением как объектом общей долевой собственности, суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа не учли наличие такого же равного права на владение и беспрепятственное пользование вестибюлем всеми иными собственниками других помещений и квартир, нарушенного ответчиком, и в целях восстановления которого товарищество обязано было обратиться в суд.

Предусмотренное ч. 2 ст. 36 ЖК РФ право собственников помещений в многоквартирном доме владеть, пользоваться и распоряжаться общим имуществом в многоквартирном доме не может быть истолковано как позволяющее одному собственнику нарушать те же самые права других собственников, а интерес одного собственника противопоставлять интересам других собственников.

Кроме того, обеспечение доступа в спорное помещение всех собственников при наличии в нем имущества ответчика не разрешает возникший спор. Отказ суда в удовлетворении требования об обязанности банка привести помещение в первоначальное состояние означает создание условий, при которых ответчик может продолжать незаконно владеть и пользоваться помещением вестибюля, хранить в нем свое имущество без согласия других собственников.

Определение № 304-ЭС16-10165

24. Участник долевой собственности, осуществивший за свой счет неотделимые улучшения недвижимого имущества с соблюдением установленного порядка использования общего имущества, имеет право на соответствующее увеличение своей доли в праве собственности.

За организацией было зарегистрировано право на долю в общей долевой собственности на помещение в размере 1/5. Право собственности на оставшиеся 4/5 доли в праве общей долевой собственности зарегистрировано за обществом. Порядок пользования общим имуществом, права и обязанности участников общей долевой собственности были согласованы в соответствующем договоре, условия которого предусматривали, в частности обязанность организации согласовывать реконструкцию помещений, связанную с неотделимыми улучшениями, с другим его участником.

В результате проведенных организацией работ по реконструкции и техническому переоборудованию помещения его общая площадь была увеличена с 778,5 кв.м до 953,3 кв.м. Право собственности на объект после реконструкции было зарегистрировано за его участниками в прежних долях.

Полагая, что произведенные ею улучшения повлекли изменение доли в праве на общее имущество, но стороны не достигли согласия на ее увеличение, организация обратилась в арбитражный суд с иском к обществу о признании права на долю в размере 3305/9533 в праве общей долевой собственности на помещение.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении требований отказано. Суд руководствовался положениями ст. 245, 247 ГК РФ и исходил из того, что для изменения долей в общей собственности в связи с произведенными неотделимыми улучшениями имущества необходимо наличие соглашения собственников об изменении долей.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, исковые требования удовлетворены. Суд пришел к выводу о соблюдении организацией порядка пользования общим имуществом, предусмотренного ст. 245, 247 ГК РФ, и возникновении у нее права на увеличение доли в праве общей долевой собственности на спорное помещение.

Постановлением арбитражного суда округа отменено постановление суда апелляционной инстанции и оставлено в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции и постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Из системного толкования п. 3 ст. 245 и п. 1 ст. 247 ГК РФ следует, что участник долевой собственности, осуществивший за свой счет неотделимые улучшения имущества, имеет право на соответствующее увеличение своей доли в праве на общее имущество, если они были произведены с соблюдением установленного порядка использования общего имущества, то есть при достижении согласия его участников.

Таким образом, законом установлено последствие создания с согласия других собственников неотделимых улучшений имущества, находящегося в долевой собственности, в виде увеличения доли лица, произведшего неотделимые улучшения, в праве на общее имущество.

При установленных по делу обстоятельствах, в отсутствие согласования сторонами иных последствий улучшения общего имущества за счет одного участника, суд апелляционной инстанции, руководствуясь п. 3 ст. 245 ГК РФ, обоснованно усмотрел основания для увеличения доли организации в праве на общее имущество.

Вывод суда первой инстанции и арбитражного суда округа о возможности изменения долей в праве общей собственности только при наличии соответствующего соглашения его участников противоречит положениям п. 3 ст. 245 ГК РФ, не предусматривающим такого дополнительного основания для увеличения доли при улучшении общего имущества одним участником с согласия остальных участников. Указанный вывод сделан без учета того, что для изменения доли данная норма предусматривает сам факт выполнения неотделимых улучшений общего имущества одним собственником, но при соблюдении порядка пользования общим имуществом, то есть при согласии на выполнение неотделимых улучшений всеми иными собственниками.

Иной подход влечет нарушение прав одного участника общей долевой собственности, за свой счет улучшившего общее имущество с

согласия другого участника, имущественная оценка доли которого возросла в результате такого улучшения.

Определение № 308-ЭС16-10315

***Споры, возникающие
из обязательственных правоотношений***

25. Положения ст. 317¹ ГК РФ не подлежат применению к правам и обязанностям, возникшим из договоров, заключенных до вступления в силу Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации».

Обществом и компанией 23 июля 2013 г. заключен договор возмездного оказания услуг. Неисполнение обществом обязанности по оплате оказанных услуг послужило основанием для обращения компании в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании суммы оплаты, процентов в соответствии со ст. 395 ГК РФ и процентов на основании ст. 317¹ ГК РФ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила данные судебные акты в части взыскания процентов на основании ст. 317¹ ГК РФ и отказала в удовлетворении исковых требований в указанной части по следующим основаниям.

Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 42-ФЗ) ГК РФ дополнен ст. 317¹ «Проценты по денежному обязательству». Пунктом 1 названной статьи (в действовавшей с 1 июня 2015 г. до 1 августа 2016 г. редакции) устанавливалось право кредитора по денежному обязательству, сторонами которого являются коммерческие организации, на получение с должника процентов на сумму долга за период пользования денежными средствами, если иное не предусмотрено законом или договором.

Однако в соответствии с разъяснениями, данными в п. 83 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности

за нарушение обязательств», положения ГК РФ в измененной Законом № 42-ФЗ редакции, например, ст. 317¹ ГК РФ, не применяются к правам и обязанностям, возникшим из договоров, заключенных до дня вступления его в силу (до 1 июня 2015 г.).

Таким образом, к правам и обязанностям, возникшим из заключенного 23 июля 2013 г. договора, ст. 317¹ ГК РФ не подлежала применению, а предусмотренные названной статьей проценты не подлежали взысканию.

Определение № 305-ЭС16-11179

26. Срок исковой давности по требованию страховщика к перестраховщику о выплате страхового возмещения начинает течь не ранее момента нарушения права по договору перестрахования.

Состраховщики произвели в пользу компании страховые выплаты на основании договора страхования имущества компании.

Риск выплаты в пользу компании состраховщики перестраховали у общества на основании договора перестрахования, а риск своей выплаты в пользу состраховщиков общество перестраховало у фирмы.

Исполнив обязанность по возмещению состраховщикам возникшего убытка, общество потребовало выплаты от фирмы и после получения отказа обратилось в арбитражный суд с иском о ее взыскании.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении искового требования отказано в связи с пропуском истцом исковой давности. Суды применили двухгодичный срок исковой давности, установленный ст. 966 ГК РФ, исчислив его с момента выплаты страхового возмещения состраховщиками компании по договору страхования имущества.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По общему правилу течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (п. 1 ст. 200 ГК РФ).

Вопреки этому правилу суды признали, что срок исковой давности по спорному требованию начал течь ранее нарушения права общества на возмещение убытков от выплаты страховых возмещений.

Потребовать выплаты фирмой страхового возмещения общество могло только после того, как исполнило свою обязанность страховщика по договору перестрахования, являющемуся в понятии, употребленном в п. 2 ст. 967 ГК РФ, основным договором по отношению к договору перестрахования, заключенному между обществом и фирмой, и понесло расходы по выплате своим страхователям (состраховщикам) соответствующих сумм возмещений.

В целях проверки соблюдения срока исковой давности по требованию о взыскании выплат, заявленных в настоящем иске, имеет значение согласованный по поводу страховой выплаты условиями перестрахования порядок взаимоотношений сторон. В случае согласования в указанных договорах сроков обращения общества за страховой выплатой и реагирования фирмы на такое обращение (посредством осуществления выплаты либо отказа в ней полностью или частично) срок исковой давности исчисляется с применением таких сроков, в отсутствие названных сроков – со дня, установленного законом (п. 2 ст. 200 ГК РФ).

Определение № 305-ЭС16-10317

Применение положений земельного законодательства и законодательства об охране природы и природопользовании

27. Для отказа в предоставлении земельного участка в собственность по основанию, предусмотренному п. 17 ст. 39¹⁶ Земельного кодекса Российской Федерации, достаточно установить, что в соответствии с утвержденными документами территориального планирования и (или) документацией по планировке территории испрашиваемый участок предназначен для размещения объектов федерального значения, объектов регионального значения или объектов местного значения.

Администрация муниципального образования отказала обществу в предоставлении в собственность арендуемого им земельного участка, на котором расположен находящийся в его собственности объект недвижимости. Администрация сослалась на п. 2 ст. 27 ЗК РФ и указала на то, что земельный участок входит в зону реконструкции проспекта с целью строительства автомобильной дороги и размещения легкорельсового транспорта.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа администрации незаконным и об обязанности

администрации предоставить земельный участок в собственность за плату.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требование общества удовлетворено. Суды исходили из отсутствия оснований, предусмотренных п. 4 ст. 28 ЗК РФ (действовавшей до 1 марта 2015 г.), которые препятствовали бы выкупу земельного участка, поскольку не представлено доказательств того, что спорный участок ограничен в обороте, изъят из оборота либо зарезервирован для государственных нужд.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно подп. 3 п. 5 ст. 39¹⁷ и ст. 39¹⁶ ЗК РФ уполномоченный орган принимает решение об отказе в предоставлении земельного участка при наличии хотя бы одного из оснований, перечисленных в ст. 39¹⁶ ЗК РФ.

По смыслу ст. 39¹⁶ ЗК РФ для отказа в предоставлении участка по основанию, предусмотренному п. 17 данной статьи, достаточно установить, что в соответствии с утвержденными документами территориального планирования и (или) документацией по планировке территории испрашиваемый участок предназначен для размещения объектов федерального значения, объектов регионального значения или объектов местного значения. При этом для отказа в предоставлении не требуется доказательств резервирования этого участка для государственных или муниципальных нужд.

Между тем суды не проверили правомерность отказа администрации с точки зрения положений п. 17 ст. 39¹⁶ ЗК РФ и не исследовали вопрос о том, имелись ли утвержденные по правилам Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ) документы территориального планирования и (или) документация по планировке территории, в соответствии с которыми испрашиваемый участок предназначен (не предназначен) для размещения объектов федерального значения, объектов регионального значения или объектов местного значения, а лишь ограничились констатацией того, что спорный участок не изъят из оборота, не ограничен в обороте и не зарезервирован для государственных или муниципальных нужд.

В ст. 9 ГрК РФ указано, что документы территориального планирования подразделяются на документы территориального планирования Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Документы территориального планирования являются обязательными для органов государственной

власти, органов местного самоуправления при принятии ими решений и реализации таких решений.

Согласно чч. 3, 4 и 9 ст. 14 ГрК РФ схемы территориального планирования субъектов Российской Федерации, являющиеся документами территориального планирования, содержат положения о территориальном планировании и карты планируемого размещения объектов регионального значения, относящихся в том числе к области транспорта (железнодорожного, водного, воздушного транспорта), автомобильных дорог регионального или межмуниципального значения; на картах также отображаются планируемые для размещения объекты федерального значения, объекты регионального значения, объекты местного значения в соответствии с документами территориального планирования Российской Федерации, документами территориального планирования субъектов Российской Федерации, документами территориального планирования муниципальных образований.

Спорный участок расположен в границах муниципального образования – городского округа. В соответствии со ст. 18 ГрК РФ документами территориального планирования муниципальных образований являются схемы территориального планирования муниципальных районов, генеральные планы поселений, генеральные планы городских округов.

Частью 3 ст. 23 ГрК РФ предусмотрено, что генеральный план городского округа содержит: 1) положение о территориальном планировании; 2) карту планируемого размещения объектов местного значения поселения или городского округа; 3) карту границ населенных пунктов (в том числе границ образуемых населенных пунктов), входящих в состав поселения или городского округа; 4) карту функциональных зон поселения или городского округа.

Согласно ч. 5 ст. 23 ГрК РФ на указанных в пп. 2–4 ч. 3 данной статьи картах отображаются в том числе планируемые для размещения автомобильные дороги местного значения; границы и описание функциональных зон с указанием планируемых для размещения в них объектов федерального значения, объектов регионального значения, объектов местного значения (за исключением линейных объектов) и местоположения линейных объектов федерального значения, линейных объектов регионального значения, линейных объектов местного значения. К генеральному плану прилагаются материалы по его обоснованию в текстовой форме и в виде карт (ч. 6 ст. 23 ГрК РФ).

В соответствии с приведенными нормами Градостроительного кодекса Российской Федерации схемы территориального планирования субъектов Российской Федерации, генеральные планы городского округа включают карты планируемого размещения объектов с

указанием или описанием зон размещения названных объектов, при этом в данных документах не предусмотрено перечисление конкретных земельных участков, попадающих в зоны размещения планируемых объектов.

В материалах дела представлено решение представительного органа муниципального образования, которым утвержден генеральный план муниципального образования. Генеральный план в виде схемы с обозначением, в том числе границ зон планируемого размещения объектов капитального строительства, автомобильных дорог регионального и межмуниципального значения, линий рельсового скоростного пассажирского транспорта (скоростного трамвая), является общедоступным нормативным правовым актом и надлежащим документом территориального планирования.

Суды не исследовали вопрос о том, входит ли спорный участок в границы зон планируемого размещения указанных объектов.

Определение № 305-КГ16-10498

28. Условие договора аренды лесного участка, заключенного по результатам аукциона, о возможности изменения размера арендной платы пропорционально изменению ставок, устанавливаемых в соответствии со ст. 73 Лесного кодекса Российской Федерации, не противоречит действующему законодательству.

В соответствии с условием договора аренды лесного участка, заключенного на 25 лет по итогам аукциона уполномоченным органом субъекта Российской Федерации (арендодатель; далее – управление) и обществом (арендатор), размер арендной платы подлежит изменению пропорционально изменению ставок платы за единицу объема лесных ресурсов, устанавливаемых в соответствии со ст. 73 Лесного кодекса Российской Федерации (далее – ЛК РФ).

Ссылаясь на то, что постановлением Правительства Российской Федерации в 2015 году установлен повышающий коэффициент к ставкам платы за единицу объема лесных ресурсов и к ставкам платы за единицу площади лесного участка, в связи с чем размер арендной платы, определенный в договоре аренды, увеличился, управление обратилось в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании задолженности.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении требования управления отказано. Суд пришел к выводу, что указанное условие договора является ничтожным, поскольку спорный договор заключен по

итогах аукциона и сформированный на торгах размер арендной платы не может регулироваться органом публичной власти.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, требование управления удовлетворено. Суд исходил из того, что данное условие договора аренды не противоречит действующему законодательству.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции и постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В ч. 6 ст. 79 ЛК РФ содержится императивное правило о том, что организатор аукциона обязан подготовить документацию об аукционе, которая, наряду со сведениями, указанными в извещении о проведении аукциона, должна содержать в том числе проект договора аренды лесного участка или договора купли-продажи лесных насаждений.

Судами установлено и материалами дела подтверждается, что проект договора аренды являлся частью аукционной документации и содержал спорный пункт о применении коэффициента.

Данный пункт соответствовал редакции пункта примерного типового договора, форма которого предусмотрена Порядком подготовки и заключения договора аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, утвержденного приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 12 февраля 2010 г. № 48 во исполнение ч. 5 ст. 74 ЛК РФ.

Согласно ч. 2 ст. 74 ЛК РФ при заключении договора аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, по результатам аукциона изменение условий аукциона на основании соглашения сторон такого договора или по требованию одной из его сторон не допускается, за исключением случая, предусмотренного ч. 7 ст. 53⁷ ЗК РФ.

Таким образом, изменение условий, содержащихся в спорном пункте договора, недопустимо в силу законодательного запрета и исходя из целей аукциона, проведенного для передачи права на заключение договора аренды сроком на 25 лет.

При названных обстоятельствах заключенный сторонами договор содержит соответствующее закону условие о возможности изменения определенного по итогам аукциона размера арендной платы путем корректировки на установленный в нормативном акте соответствующим органом коэффициент к ставкам платы за единицу объема лесных

ресурсов и за единицу площади лесного участка, то есть пропорционально изменению минимальных ставок платы.

Определение № 303-ЭС15-19719

***Практика применения законодательства
о защите конкуренции***

29. Управляющая организация не может быть признана самостоятельным хозяйствующим субъектом в отношении по предоставлению в пользование технических помещений многоквартирного дома.

Решением антимонопольного органа управляющая компания признана нарушившей ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) в части злоупотребления хозяйствующим субъектом доминирующим положением на рынке оказания услуг по управлению многоквартирными домами, в числе которого осуществляется предоставление сооружений для размещения средств связи, включая право на доступ к указанным сооружениям, выразившегося в ущемлении интересов общества в виде неправомерного прекращения доступа к оборудованию связи и предоставления технической возможности использования помещений общей долевой собственности собственников многоквартирных домов, находящихся в управлении этой компании. Компании выдано соответствующее предписание о прекращении нарушения антимонопольного законодательства.

Управляющая компания обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании незаконными указанных решения и предписания.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявленные требования по следующим основаниям.

В силу требований ст. 209 ГК РФ только собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц.

Порядок пользования объектами общего имущества многоквартирного дома определен в гл. 6 ЖК РФ, где указано, что по решению собственников помещений в многоквартирном доме, принятому на общем собрании, объекты общего имущества в многоквартирном доме могут быть переданы в пользование иным лицам в случае, если это не нарушает права и законные интересы граждан и юридических лиц (ч. 4 ст. 36 ЖК РФ).

В своей деятельности по управлению многоквартирным домом управляющая организация, выступая в качестве самостоятельного хозяйствующего субъекта в отношениях с третьими лицами, тем не менее ограничена законом в пределах реализации прав по пользованию и распоряжению имуществом многоквартирного дома и не вправе самостоятельно принимать решение о возможности доступа, в том числе и организаций связи, к общему имуществу многоквартирного дома.

При рассмотрении данного дела судами было установлено, что собственниками общего имущества указанного многоквартирного дома в рассматриваемый период не принималось решение о размещении оборудования связи общества в местах общего пользования названного здания. Следовательно, управляющая компания, отказывая сотрудникам общества в допуске в технические помещения здания, действовала не как самостоятельный хозяйствующий субъект, а как лицо, представляющее интересы и выражающее волеизъявление собственников имущества многоквартирного дома относительно размещения оборудования третьего лица, что соответствует положениям ст. 44, 138, 144 ЖК РФ. Таким образом, управляющая компания в рассматриваемых правоотношениях не может быть признана самостоятельным хозяйствующим субъектом в смысле, придаваемом этому понятию положениями п. 5 ст. 4, ст. 5 и ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции. Отказ в допуске к общему имуществу многоквартирного дома в отсутствие договора или соответствующего решения общего собрания собственников о предоставлении имущества без заключения договора соответствовал действующему законодательству.

Определение № 305-КГ16-3100

30. Предписание антимонопольного органа муниципальному казенному учреждению о принятии мер по возврату в казну муниципального образования земельных участков, предоставленных в аренду, не может быть признано недействительным лишь по тому основанию, что спорные земельные участки находятся во владении третьих лиц, при

условии, что оспариваемое предписание не содержит властных указаний, адресованных третьим лицам.

Антимонопольным органом вынесено решение, которым муниципальное казенное учреждение признано нарушившим ч. 1 ст. 15 Закона о защите конкуренции в части ограничения прав неопределенного круга лиц, имевших намерение получить в аренду земельные участки. Нарушение выразилось в предоставлении в аренду земельных участков физическому лицу для жилищного строительства без проведения конкурентных процедур ввиду представления одной заявки от данного лица. При этом информационное сообщение о предоставлении земельных участков было опубликовано в газете на татарском языке. Кроме того, антимонопольный орган выдал учреждению предписание о прекращении нарушения путем принятия мер по возврату в муниципальную казну этих земельных участков.

Учреждение обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанных решения и предписания недействительными.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленных требований отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, отменено решение суда первой инстанции в части отказа в удовлетворении требования о признании недействительным предписания, этот ненормативный правовой акт признан недействительным. Суды исходили из того, что спорные земельные участки были переданы физическим лицом в аренду третьим лицам, многие из которых возвели на них жилые дома, оформив право собственности на данные объекты недвижимости. Вопреки требованиям ст. 50 Закона о защите конкуренции антимонопольный орган не учел эти обстоятельства, что привело к неисполнимости вынесенного ненормативного правового акта.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила в указанной части постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с положениями подп. «а» и «г» п. 3 ч. 1 ст. 23 Закона о защите конкуренции антимонопольный орган, в частности, выдает органам местного самоуправления обязательные для исполнения предписания об отмене актов, нарушающих антимонопольное законодательство, а также о совершении действий, направленных на обеспечение конкуренции.

Соответствующие предписания, адресованные органам местного самоуправления, должны быть направлены на реальное восстановление конкурентной среды, претерпевшей негативное воздействие со стороны указанных органов, и обладать признаком исполнимости.

Из материалов дела следует и не оспаривается сторонами, что предписание антимонопольного органа, вынесенное в отношении учреждения о прекращении нарушения положений Закона о защите конкуренции путем принятия мер по возврату в муниципальную казну предоставленных в аренду земельных участков, не содержит властных распорядительных указаний, адресованных третьим лицам, об освобождении участков и их возврате.

Учитывая, что между публичным образованием в лице учреждения и физическим лицом, заключившими договоры аренды земельных участков, возникли обязательственные отношения по поводу владения и пользования земельными участками, регулируемые ГК РФ и ЗК РФ, в рамках исполнения предписания антимонопольного органа учреждение вправе использовать претензионный порядок урегулирования спора либо обратиться в суд с гражданско-правовым требованием о признании договоров недействительными и применении последствий их недействительности.

Аналогичным образом предписание не препятствует обращению третьих лиц, считающих себя добросовестными арендаторами, приобретателями, потерпевшими от неправомерных действий учреждения, с соответствующими требованиями в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Таким образом, предписание не нарушает права и законные интересы учреждения и третьих лиц, вынесено в пределах полномочий, предоставленных антимонопольному органу положениями Закона о защите конкуренции.

Определение № 306-КГ16-10230

***Практика применения законодательства о налогах и сборах,
обязательных страховых взносах во внебюджетные фонды***

31. Факт неисполнения поставщиком обязанности по уплате налогов сам по себе не может являться основанием для возложения негативных последствий на налогоплательщика, проявившего должную осмотрительность при выборе контрагента, при условии реального исполнения заключенной сделки.

Решением налогового органа общество привлечено к налоговой ответственности, ему доначислены налог на прибыль организаций, налог на добавленную стоимость (далее – НДС), соответствующие пени и штрафы. Налоговый орган исходил из того, что общество получило необоснованную налоговую выгоду за счет уменьшения налогооблагаемой прибыли на расходы по приобретению товара у компании, которая не имела в своем распоряжении управленческого, технического персонала, основных средств и производственных активов, складских помещений и транспортных средств, необходимых для осуществления поставки.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным указанного решения налогового органа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление общества удовлетворено.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении заявления общества отказано. Суд согласился с доводами налогового органа о том, что операции по поставке товара не могли действительно исполняться поставщиком.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 252, ст. 313, п. 2 ст. 171 и п. 1 ст. 172 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) условием признания понесенных организацией расходов при исчислении налога на прибыль организаций и применения вычетов по НДС является действительное совершение хозяйственных операций, в связи с которыми налогоплательщиком заявлены расходы и применены налоговые вычеты.

При оценке соблюдения данных требований НК РФ необходимо учитывать, что законодательство о налогах и сборах исходит из презумпции добросовестности налогоплательщика и иных участников правоотношений в сфере экономики.

Соответственно, на налоговом органе, оспаривающим реальность совершенных налогоплательщиком операций и обоснованность полученной в связи с этим налоговой выгоды, лежит бремя доказывания обстоятельств, которые могут свидетельствовать о невозможности осуществления спорных операций с учетом времени, места нахождения имущества или объема материальных ресурсов, экономически

необходимых для производства товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Делая вывод о получении обществом необоснованной налоговой выгоды, суд округа отметил, что в ходе выездной налоговой проверки единственный производитель марки угля, являвшегося предметом сделки, отрицал поставку угля как самому налогоплательщику, так и лицам, которые в соответствии с банковской выпиской поставляли уголь данной организации.

Однако противоречия в доказательствах, подтверждающих последовательность товародвижения от изготовителя к налогоплательщику, но не опровергающих сам факт поступления товара налогоплательщику, равно как и факты неисполнения соответствующими участниками сделок (поставщиками первого, второго и более дальних звеньев по отношению к налогоплательщику) обязанности по уплате налогов сами по себе не могут являться основанием для возложения соответствующих негативных последствий на налогоплательщика, выступившего покупателем товаров.

Налоговая выгода может быть признана необоснованной, если налоговым органом будет доказано, что налогоплательщик действовал без должной осмотрительности и осторожности и ему должно было быть известно о нарушениях, допущенных контрагентом.

В частности, налоговый орган вправе приводить аргументы о том, что налогоплательщик исходил лишь из коммерческой привлекательности сделки и не оценил деловую репутацию, платежеспособность контрагента, риск неисполнения им обязательств, наличие у него необходимых ресурсов. Налогоплательщик может дать объяснения тому, какие соответствующие деловому обороту критерии учитывались им при выборе контрагента, доказывать свою осведомленность о том, каким образом (за счет каких ресурсов, с привлечением каких соисполнителей и т.п.) должен был исполняться договор.

Как следует из материалов настоящего дела и установлено судами первой и апелляционной инстанций, при заключении договора общество исходило из сведений о возможности и способе поставки, сообщенных уполномоченными представителями третьих лиц, привлеченных к хозяйственной операции компанией. В связи с этим у общества отсутствовали основания для сомнений в том, что исполнение заключенного договора будет осуществляться компанией. Цена поставки соответствовала рыночному уровню, что при отсутствии иных доказательств позволяет сделать вывод о вступлении общества в отношения с компанией на обычных условиях.

При этом налоговый орган привел только доказательства движения денежных средств по счетам компании и ее контрагентов последующих звеньев, не установив признаки сопричастности общества к получению необоснованной налоговой выгоды.

Определение № 305-КГ16-10399

32. Доначисление прямых налогов по результатам выездной налоговой проверки в целях правильного определения размера налоговых обязательств, влечет необходимость уменьшения налоговым органом налоговой базы по налогу на прибыль на указанные суммы при условии, что проверка правильности исчисления налога на прибыль входила в предмет выездной налоговой проверки.

По результатам выездной налоговой проверки налоговым органом составлен акт и вынесено решение о привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения, которым обществу доначислен налог на прибыль организаций и налог на добычу полезных ископаемых (далее – НДСП).

Полагая, что налоговый орган при определении налоговой базы по налогу на прибыль организаций неправомерно не учел сумму доначисленного НДСП, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным указанного решения в части доначисления налога на прибыль организаций.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленное требование удовлетворено.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении требования общества отказано. Суд исходил из того, что налоговый орган не вправе в рамках той же налоговой проверки включать доначисленные налоги в состав прочих расходов на основании ст. 264 НК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

По смыслу ст. 89 НК РФ налоговый орган, завершив выездную налоговую проверку, должен обладать всей полнотой информации о налоговых последствиях финансово–хозяйственной деятельности

налогоплательщика, осуществленной в проверенном периоде (включая сведения о доходах и расходах по соответствующим налогам). Следовательно, доначислив по результатам выездной налоговой проверки НДС, налоговый орган в силу положений подп. 1 п. 1 ст. 264, подп. 1 п. 7 ст. 272 НК РФ был обязан уменьшить налоговую базу по налогу на прибыль организаций на сумму доначисленного НДС, если налог на прибыль организаций входил в предмет выездной налоговой проверки (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 июля 2010 г. № 17152/09).

Определение № 305-КГ16-10138

33. К земельным участкам, исключенным из объектов налогообложения земельным налогом, относятся ограниченные в обороте, предоставленные для обеспечения деятельности в области обороны и безопасности земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности.

Решением налогового органа обществу доначислен земельный налог, соответствующие пени и штрафы. Налоговый орган исходил из того, что общество необоснованно заявило льготу по земельному налогу, поскольку спорный земельный участок не отвечает требованиям подп. 3 п. 2 ст. 389 НК РФ.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанного решения незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено. Суды исходили из того, что спорный земельный участок является частью имущества, переданного обществу в порядке приватизации совместно с расположенным на нем имуществом, которое предназначено для осуществления деятельности в сфере обороны и безопасности. Основным видом деятельности общества является деятельность, связанная с обеспечением военной безопасности. Спорный земельный участок не был отражен в качестве объекта налогообложения по земельному налогу со ссылкой на подп. 3 п. 2 ст. 389 НК РФ, так как фактически относится к ограниченным в обороте, поскольку используется для обеспечения нужд обороны, следовательно, не является объектом налогообложения по земельному налогу.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции и постановления суда

апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и отказала в удовлетворении требования общества по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 388–390 НК РФ плательщиками земельного налога признаются организации и физические лица, обладающие земельными участками на праве собственности, праве постоянного (бессрочного) пользования или праве пожизненного наследуемого владения.

Подп. 3 п. 2 ст. 389 НК РФ (в редакции, действовавшей в спорный период) определено, что не признаются объектом налогообложения земельным налогом земельные участки, ограниченные в обороте в соответствии с законодательством Российской Федерации, предоставленные для обеспечения обороны, безопасности и таможенных нужд.

В силу подп. 5 п. 5 ст. 27 ЗК РФ ограничиваются в обороте находящиеся в государственной или муниципальной собственности земельные участки, предоставленные для обеспечения обороны и безопасности, оборонной промышленности, таможенных нужд.

При этом необходимо учитывать положения п. 2 ст. 27 ЗК РФ, согласно которому земельные участки, отнесенные к землям, изъятым из оборота, не могут предоставляться в частную собственность, а также быть объектами сделок, предусмотренных гражданским законодательством.

В соответствии с п. 1 ст. 93 ЗК РФ землями обороны и безопасности признаются земли, которые используются или предназначены для обеспечения деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, организаций, предприятий, учреждений, осуществляющих функции по вооруженной защите целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, защите и охране Государственной границы Российской Федерации, информационной безопасности, другим видам безопасности в закрытых административно-территориальных образованиях, и права на которые возникли у участников земельных отношений по основаниям, предусмотренным данным Кодексом, федеральными законами.

Таким образом, действующим законодательством установлена следующая совокупность необходимых условий для исключения земельных участков из объектов налогообложения земельным налогом на основании подп. 3 п. 2 ст. 389 НК РФ: во-первых, нахождение земельных участков в статусе ограниченных в обороте; во-вторых, предоставление данных земельных участков для обеспечения деятельности в области обороны и безопасности.

С учетом приведенных положений ст. 27, 93 ЗК РФ таким требованиям соответствуют только земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности.

Определение № 302-КГ16-11762

34. Выплаты работникам на случай расторжения трудового договора по соглашению сторон, установленные коллективным договором или трудовым договором, не подлежат включению в базу, облагаемую страховыми взносами.

Решением управления Пенсионного фонда Российской Федерации (далее – пенсионный фонд) общество привлечено к ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 47 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (далее – Закон № 212-ФЗ). Основанием для принятия указанного решения послужили выводы о занижении базы страховых взносов в результате неправомерного исключения из облагаемой страховыми взносами базы компенсационных выплат, произведенных работникам при расторжении трудового договора по соглашению сторон.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанного решения незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленное требование удовлетворено.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении заявленного требования отказано. Суд исходил из того, что в силу прямого указания п. 2 ч. 1 ст. 9 Закона № 212-ФЗ (в редакции, действовавшей в проверяемый период) не облагаются страховыми взносами только те компенсационные выплаты, связанные с увольнением работников (кроме компенсации за неиспользованный отпуск), которые прямо установлены законодательством Российской Федерации, законодательными актами субъектов Российской Федерации, решениями представительных органов местного самоуправления (в пределах норм, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации). Указанный перечень является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Выплата работникам каких-либо компенсаций в случае расторжения

трудового договора по соглашению сторон, нормы и размер такой выплаты законодательными актами Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или решениями представительных органов местного самоуправления не предусмотрены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Несмотря на то, что установленный гл. 27 ТК РФ перечень гарантий и компенсаций, подлежащих выплате работникам при расторжении трудового договора не включает такие выплаты как выходное пособие в связи с расторжением трудового договора по соглашению сторон, ч. 4 ст. 178 ТК РФ позволяет работодателю трудовым договором или коллективным договором определять другие случаи выплат выходных пособий, а также устанавливать повышенные размеры выходных пособий.

В соответствии с подп. «д» п. 2 ч. 1 ст. 9 Закона № 212-ФЗ (в редакции, действовавшей в проверяемые периоды) не подлежали обложению страховыми взносами для плательщиков страховых взносов, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 5 Закона № 212-ФЗ, все виды установленных законодательством Российской Федерации, законодательными актами субъектов Российской Федерации, решениями представительных органов местного самоуправления компенсационных выплат (в пределах норм, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации), связанных с увольнением работников, за исключением компенсации за неиспользованный отпуск.

Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 188-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования» (далее – Закон № 188-ФЗ), вступившим в силу с 1 января 2015 г., в подп. «д» п. 2 ч. 1 ст. 9 Закона № 212-ФЗ были внесены изменения, согласно которым не подлежат обложению страховыми взносами для плательщиков страховых взносов, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 5 Закона № 212-ФЗ, все виды установленных законодательством Российской Федерации, законодательными актами субъектов Российской Федерации, решениями представительных органов местного самоуправления компенсационных выплат (в пределах норм, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации), связанных с увольнением работников, за исключением: компенсации за неиспользованный отпуск; суммы выплат в виде выходного пособия и среднего месячного заработка на период трудоустройства в части, превышающей в целом трехкратный размер среднего месячного заработка или шестикратный

размер среднего месячного заработка для работников, уволенных из организаций, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях; компенсации руководителю, заместителям руководителя и главному бухгалтеру организации в части, превышающей трехкратный размер среднего месячного заработка.

Следовательно, суммы выплат в виде выходного пособия и среднего месячного заработка на период трудоустройства в части, не превышающей в целом трехкратный размер среднего месячного заработка или шестикратный размер среднего месячного заработка для работников, уволенных из организаций, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, не подлежат обложению страховыми взносами.

В пояснительной записке к проекту Закона № 188-ФЗ сказано, что законопроектом предусматривается уточнить нормы Закона № 212-ФЗ, установив ограничение на освобождение от обложения страховыми взносами сумм выходного пособия и среднего месячного заработка при увольнении на период трудоустройства, а также компенсации при увольнении руководителю, заместителям руководителя и главному бухгалтеру организации. Законодатель, принимая закон в таком виде, исходил из того, что выплаты, установленные в коллективных или трудовых договорах в соответствии с трудовым законодательством, следует рассматривать как выплаты, установленные законодательством Российской Федерации, а потому подлежащие освобождению от обложения страховыми взносами. При этом до 1 января 2015 г. это не зависело от сумм таких выплат.

Таким образом, выплачиваемое работнику при расторжении трудового договора по соглашению сторон выходное пособие, предусмотренное коллективным договором и дополнительными соглашениями к трудовым договорам, которые являются неотъемлемой частью трудовых договоров, в качестве дополнительной гарантии и компенсации при увольнении, является компенсационной выплатой при увольнении, установленной законодательством Российской Федерации.

Учитывая изложенное, спорные выплаты подпадают под действие подп. «д» п. 2 ч. 1 ст. 9 Закона № 212-ФЗ (в редакции, действовавшей в проверяемых периодах) и не подлежат включению в базу, облагаемую страховыми взносами.

Определение № 304-КГ16-12189

Практика применения бюджетного законодательства

35. Финансирование расходов на предоставление жилых помещений в соответствии с п. 5 ст. 14 Федерального закона от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» осуществляется за счет средств федерального бюджета, поскольку данная льгота установлена федеральным законодательством, однако порядок компенсации соответствующих расходов либо их компенсации за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации не определен.

Администрация муниципального образования (далее – администрация) обратилась в арбитражный суд с иском к Российской Федерации в лице Министерства финансов Российской Федерации (далее – министерство) и Управления федерального казначейства по субъекту Российской Федерации о взыскании за счет казны Российской Федерации убытков, причиненных бюджету муниципального образования в связи с предоставлением квартиры гражданину в целях соблюдения его жилищных прав.

Квартира была предоставлена гражданину на основании решения суда, поскольку он был признан нуждающимся в улучшении жилищных условий как лицо, страдающее заболеванием (туберкулезом), входящим в Перечень тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 2006 г. № 378.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении искового требования отказано. Суды исходили из того, что соответствующее финансирование относится к расходным обязательствам субъекта Российской Федерации.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила исковое требование по следующим основаниям.

Постановлением от 24 декабря 2013 г. № 30-П Конституционный Суд Российской Федерации признал п. 5 ст. 14 Закона № 77-ФЗ не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в силу своей нормативной неопределенности он не позволяет точно, ясно и недвусмысленно установить принадлежность конкретному уровню публичной власти полномочия по внеочередному предоставлению отдельных жилых помещений гражданам, больным заразными формами туберкулеза.

В определении от 15 января 2015 г. № 2-О-Р Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил некоторые аспекты ранее принятого им Постановления от 24 декабря 2013 г. № 30-П, указав, что абзац шестой п. 3.4 мотивировочной части данного постановления не может рассматриваться как позволяющий возлагать на органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления обязанность по осуществлению полномочия по внеочередному предоставлению отдельных жилых помещений гражданам, больным заразными формами туберкулеза, и обязанности по выделению необходимых для его осуществления материальных и финансовых средств за счет собственных средств субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Действовавшим в спорный период законодательством субъекта Российской Федерации финансирование мер социальной поддержки лицам, находящимся под диспансерным наблюдением в связи с туберкулезом, и больных туберкулезом не было отнесено к расходным обязательствам этого субъекта Российской Федерации. Таким образом, затраты на предоставление жилья льготной категории граждан, предусмотренной Федеральным законом от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» (далее – Закон № 77), не должны компенсироваться за счет средств субъекта Российской Федерации.

Учитывая, что льгота по предоставлению жилой площади лицам, страдающим заразными формами туберкулеза, предусмотрена федеральным законодательством, а также то, что порядок компенсации предоставленных льгот на федеральном уровне не установлен и компенсация расходов на обеспечение жильем лиц, страдающих заразными формами туберкулеза, не предусмотрена за счет средств субъекта Российской Федерации, финансирование расходов на предоставление жилых помещений должно осуществляться за счет средств федерального бюджета.

Определение № 309-ЭС16-8490

Процессуальные вопросы

36. При объединении требований, отличающихся порядком рассмотрения (гл. 24 и 25 АПК РФ), арбитражный суд округа должен рассматривать кассационную жалобу на судебные акты в полном объеме, не ограничиваясь указаниями, содержащимися в ч. 5¹ ст. 211 АПК РФ.

Определением суда первой инстанции были объединены в одно производство дела по заявлению общества о признании недействительным решения антимонопольного органа о нарушении антимонопольного законодательства и по заявлению общества о признании незаконным постановления антимонопольного органа о назначении административного наказания по делу об административном правонарушении.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Определением арбитражного суда округа производство по кассационной жалобе антимонопольного органа на указанные судебные акты прекращено на основании ч. 4 ст. 288 АПК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила определение арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд округа по следующим основаниям.

В силу ч. 5¹ ст. 211 АПК РФ решение по делу об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности, если за совершение административного правонарушения законом установлено административное наказание только в виде предупреждения и (или) в виде административного штрафа и размер назначенного административного штрафа не превышает для юридических лиц сто тысяч рублей, для индивидуальных предпринимателей пять тысяч рублей, может быть обжаловано в арбитражный суд апелляционной инстанции. Такое решение, если оно было предметом рассмотрения в арбитражном суде апелляционной инстанции, и постановление арбитражного суда апелляционной инстанции, принятое по данному делу, могут быть обжалованы в арбитражный суд кассационной инстанции только по основаниям, предусмотренным ч. 4 ст. 288 АПК РФ.

При этом взаимосвязь заявленных требований об оспаривании вынесенных антимонопольными органами решений, предписаний и постановлений о привлечении к административной ответственности, обусловлена установлением фактов нарушений антимонопольного законодательства Российской Федерации, что в соответствии с АПК РФ позволяет рассматривать эти требования в рамках одного судебного дела (определения Верховного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2016 г. № 305-АД15-10488).

Кроме того, как следует из правовой позиции, изложенной в определении Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2015 г. № 308-АД15-8027, учитывая, что производство в арбитражном

суде округа является одной из гарантий законности судебных решений и для таких дел, как оспаривание решений антимонопольного органа, служит обычной (ординарной) стадией обжалования, предназначенной для устранения возможных ошибок, выразившихся в неправильном применении судами норм права, повлиявших на исход дела, исключение этой стадии препятствует реализации заинтересованной стороной конституционного права на судебную защиту.

Объединение требований, отличающихся порядком рассмотрения (гл. 24 и 25 АПК РФ), не является основанием для не предусмотренного законом уменьшения объема названных гарантий.

Соответственно, при объединении требований, отличающихся порядком рассмотрения арбитражный суд округа должен рассматривать кассационную жалобу на судебные акты в полном объеме, не ограничиваясь указаниями, содержащимися в ч. 5¹ ст. 211 АПК РФ.

Определение № 306-АД16-11718

37. В случае пропуска арбитражным управляющим срока на обжалование судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, суд вправе восстановить этот срок с учетом того, когда подавшее жалобу лицо узнало или должно было узнать о нарушении соответствующих прав и законных интересов.

Решением суда первой инстанции от 24 августа 2015 г. удовлетворены требования компании к обществу о взыскании долга по договору подряда.

Временный управляющий обществом 20 февраля 2016 г. обратился в суд апелляционной инстанции с жалобой на указанное решение, одновременно ходатайствуя о восстановлении пропущенного срока на обжалование судебного акта.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, апелляционная жалоба возвращена временному управляющему на основании п. 3 ч. 1 ст. 264 АПК РФ, поскольку заявитель нарушил установленный законом срок на подачу апелляционной жалобы.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В силу ч. 2 ст. 259 АПК РФ срок подачи апелляционной жалобы, пропущенный по причинам, не зависящим от лица, обратившегося с

такой жалобой, в том числе в связи с отсутствием у него сведений об обжалуемом судебном акте, по ходатайству указанного лица может быть восстановлен арбитражным судом апелляционной инстанции при условии, что ходатайство подано не позднее чем через шесть месяцев со дня принятия решения или если ходатайство подано лицом, указанным в ст. 42 АПК РФ, со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о нарушении его прав и законных интересов обжалуемым судебным актом.

Вместе с тем, поскольку с апелляционной жалобой на состоявшееся решение суда первой инстанции обратился временный управляющий, необходимо было принять во внимание положения Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее – постановление № 35), которым было разъяснено о праве конкурсных кредиторов и арбитражного управляющего на обжалование судебных актов, на основании которых кредиторы заявляют свои требования к должнику в деле о банкротстве.

Пунктом 24 постановления № 35 разъяснено, что если конкурсные кредиторы полагают о нарушении их прав и законных интересов судебным актом, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование (в частности, если они считают, что оно является необоснованным по причине недостоверности доказательств либо ничтожности сделки), то на этом основании они, а также арбитражный управляющий вправе обжаловать в общем установленном процессуальным законодательством порядке указанный судебный акт.

В данном пункте также указано, что в случае пропуска ими срока на его обжалование суд вправе его восстановить с учетом того, когда подавшее жалобу лицо узнало или должно было узнать о нарушении его прав и законных интересов. Копия такой жалобы направляется ее заявителем представителю собрания (комитета) кредиторов (при его наличии), который также извещается судом о рассмотрении жалобы. Все конкурсные кредиторы, требования которых заявлены в деле о банкротстве, а также арбитражный управляющий вправе принять участие в рассмотрении жалобы, в том числе представить новые доказательства и заявить новые доводы.

Как следует из материалов дела, временный управляющий ссылался на указанные разъяснения, содержащиеся в п. 24 постановления № 35 как в обоснование ходатайства о восстановлении пропущенного срока на подачу апелляционной жалобы, так и в кассационной жалобе на определение суда апелляционной инстанции.

Право конкурсного кредитора и арбитражного управляющего обжаловать судебный акт, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование конкурсного кредитора, является правовым механизмом, обеспечивающим право на судебную защиту лиц, не привлеченных к участию в деле, в том числе тех, чьи права и обязанности обжалуемым судебным актом непосредственно не затрагиваются. Данный механизм обеспечивает право на справедливое судебное разбирательство в целях наиболее полной его реализации и подразумевает наличие у лица, обращающегося с соответствующей жалобой по делу, в котором оно до этого не принимало участия, права представить новые доказательства и заявить новые доводы в обоснование своей позиции по спору.

Приведенные разъяснения, изложенные в п. 24 постановления № 35, судами при разрешении вопроса о восстановлении срока на подачу апелляционной жалобы арбитражного управляющего, который не участвовал при рассмотрении дела и имел право оспорить судебный акт, на основании которого истец обратился о включении в реестр требований кредиторов, не были применены. Доводы заявителя со ссылкой на дату, когда он узнал о состоявшемся судебном акте, не были рассмотрены должным образом.

Определение № 307-ЭС16-9987

38. Заявителю не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока на подачу жалобы в случае, если срок им был пропущен ввиду нарушения процессуальных сроков судом.

Решением суда первой инстанции от 27 мая 2016 г. обществу отказано в удовлетворении исковых требований к компании.

Общество 8 июня 2016 г. обратилось в суд апелляционной инстанции с апелляционной жалобой на решение суда первой инстанции, которая содержала ходатайство о предоставлении отсрочки уплаты государственной пошлины сроком на шесть месяцев.

Определением от 28 июня 2016 г. суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении ходатайства о предоставлении отсрочки уплаты государственной пошлины и возвратил апелляционную жалобу общества на основании ч. 1 ст. 264 АПК РФ.

Общество 14 июля 2016 г. повторно обратилось в суд апелляционной инстанции с апелляционной жалобой, а также с ходатайством о восстановлении пропущенного процессуального срока на обжалование судебного акта. Общество ссылалось на то, что

первоначальная апелляционная жалоба была возвращена судом апелляционной инстанции 28 июня 2016 г., по истечении месячного срока на подачу апелляционной жалобы, который истек 27 июня 2016 г.

Определением от 27 июля 2016 г. суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока и возвратил апелляционную жалобу заявителю на основании п. 3 ч. 1 ст. 264 АПК РФ.

Постановлением арбитражного суда округа определение суда апелляционной инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

При разрешении ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока на подачу апелляционной жалобы суд апелляционной инстанции не учел, что указанный срок истек 27 июня 2016 г., то есть еще в период разрешения вопроса о возможности принятия судом первоначальной апелляционной жалобы к производству, срок рассмотрения которой был нарушен самим судом (с 8 июня 2016 г. по 28 июня 2016 г.).

Своевременное рассмотрение судом апелляционной инстанции вопроса о принятии апелляционной жалобы к производству в пятидневный срок, как это установлено ч. 1 ст. 261 АПК РФ, могло позволить заявителю подать повторную апелляционную жалобу в пределах оставшегося для этого процессуального срока. В этом случае обоснование уважительности причин пропуска срока на подачу апелляционной жалобы для заявителя не являлось бы необходимым.

При оценке уважительности причин пропуска срока необходимо учитывать все конкретные обстоятельства, в том числе добросовестность заинтересованного лица, реальность сроков совершения им процессуальных действий, характер причин, не позволивших лицу, участвующему в деле, обратиться в суд в пределах установленного законом срока, наличие иных причин, повлиявших на пропуск срока.

Определение № 302-ЭС16-14326

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

39. Незаконный сбыт наркотических средств следует считать оконченным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств независимо от их фактического получения приобретателем.

Согласно приговору осужденный Х. вступил с неустановленным лицом в сговор о незаконном сбыте Ю. наркотических средств в особо крупном размере. Во исполнение задуманного Х. договорился с Ю. об условиях сбыта наркотических средств, их количестве, стоимости, а также о передаче ему денежных средств.

17 декабря 2015 г. во время встречи Ю. отдал Х. денежные средства, которые тот передал неустановленному лицу, получив взамен сумку с наркотическими средствами. После этого Х. поставил сумку с указанными средствами в автомобиль Ю., и при выезде с места встречи Х. и Ю. были задержаны сотрудниками правоохранительных органов, а наркотические средства изъяты.

По приговору действия Х. квалифицированы по ч. 5 ст. 228¹ УК РФ.

В апелляционных жалобах осужденный и его адвокат просили приговор изменить, переqualифицировать действия Х. на ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ. Указывали, что наркотическое средство не перешло в распоряжение покупателя, поскольку для получения в собственность наркотического средства необходимо было выполнить ряд действий: проверить наркотики, взвесить их и произвести окончательный расчет.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, жалобы без удовлетворения.

Как установлено судом, Х. вступил в сговор с неустановленным лицом и согласно отведенной ему роли вел переговоры с покупателем наркотических средств Ю., обсуждал условия сбыта и оплаты наркотических средств, получал денежные средства и переводил их на расчетный счет соучастника, поддерживал связь с неустановленным лицом и контролировал передачу наркотических средств от лица, доставившего их на территорию России, Ю.

По смыслу закона, под незаконным сбытом наркотических средств следует понимать любые способы их возмездной либо безвозмездной

передачи другим лицам (продажу, дарение, обмен, уплату долга, дачу взаймы и т.д.).

Судом обоснованно указано, что уголовный закон не связывает момент окончания данного преступления с проверкой покупателем наркотических средств, их оплатой, окончательным расчетом и т.д. Преступление считается оконченным с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче наркотических средств приобретателю.

Из приговора усматривается, что неустановленное лицо в соответствии с распределением ролей передало наркотические средства приобретателю Ю., и указанные средства фактически оказались во владении и распоряжении покупателя.

При таких обстоятельствах суд с учетом характера действий осужденного пришел к правильному выводу о квалификации его действий как оконченного преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 228¹ УК РФ.

Определение №50-АПУ16-22

Процессуальные вопросы

40. При наличии противоречивого и неясного вердикта присяжных заседателей председательствующий должен указать на это обстоятельство коллегии присяжных заседателей и предложить им возвратиться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист

Установлено, что С., находясь на станции технического обслуживания, считая, что его автомобилем воспользовались К. и Ф., в результате чего автомобиль был поврежден, на почве личных неприязненных отношений избил последних. Затем С. вместе с К. и Ф. выехали с территории станции в лесной массив, где С. продолжил избивание потерпевших. Увидев в руке К. нож, С., считая, что тот может нанести удар, защищаясь, выхватил нож и нанес им К. удары, причинив ему телесные повреждения, повлекшие его смерть. После этого С. этим же ножом нанес удары Ф., причинив телесные повреждения, также повлекшие его смерть.

При этом С. нанес К. не менее 12 ударов ножом, а Ф. – не менее 26. Смерть потерпевших наступила в результате множественных колото-резаных ран на месте происшествия.

По приговору суда, постановленному с участием присяжных заседателей, С. осужден по ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Государственный обвинитель в апелляционном представлении просил приговор изменить ввиду противоречивости и неясности вердикта и квалифицировать действия осужденного по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство двух лиц.

Осужденный С. в апелляционной жалобе также просил приговор изменить и квалифицировать все его действия по ч. 1 ст. 108 УК РФ как убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. По мнению осужденного, председательствующий судья квалифицировал его действия вопреки обстоятельствам, установленным вердиктом коллегии присяжных заседателей и приговором суда.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор и уголовное дело передала на новое судебное рассмотрение в тот же суд, но иным составом суда со стадии судебного разбирательства по следующим основаниям.

Вердикт должен быть ясным и непротиворечивым (ч. 2 ст. 345 УПК РФ).

В соответствии с ч. 3 ст. 348 УПК РФ (обязательность вердикта) председательствующий квалифицирует содеянное подсудимым в соответствии с обвинительным вердиктом, а также установленными судом обстоятельствами, не подлежащими установлению присяжными заседателями и требующими собственно юридической оценки.

Указанные нормы уголовно-процессуального закона по данному делу судом первой инстанции нарушены.

Вопросы № 2 и № 5 о доказанности совершения деяния подсудимым сформулированы с приведением одних и тех же обстоятельств дела, но в первом случае обстоятельства изложены по версии обвинения, а во втором – по версии защиты. В результате при ответах на эти вопросы присяжные заседатели признали одни и те же деяния доказанными и недоказанными.

Так, отвечая на вопрос № 2, «доказано ли, что 7 декабря 2014 г. около 14 час. 39 мин., С., узнав о повреждении принадлежащего ему автомобиля, который вместе с ключами он оставил на станции технического обслуживания, прибыл на указанную станцию и, находясь там, считая, что его автомобилем воспользовались К. и Ф., в результате чего повредили автомобиль, из неприязненных отношений к последним стал наносить им удары руками в область головы и туловища. Продолжая выяснять обстоятельства повреждения автомобиля, около 17 час. 19 мин. С. указал К. и Ф. сесть в автомобиль, которым управлял его родственник и на котором все они выехали с территории станции на участок местности, расположенный в лесном массиве в сторону автомобильной дороги федерального значения и на расстоянии около 150 метров от автобусной остановки «Дачная». Выйдя из автомобиля, С.

продолжил наносить удары К. и Ф.», присяжные заседатели ответили: «Нет, не доказано».

В то же время при ответе на вопрос № 5 («альтернативный») эти же самые обстоятельства присяжными заседателями признаны доказанными.

В вопросе № 2 также спрашивалось, доказано ли, что С. ножом нанес К. и Ф. ранения, от которых наступила смерть каждого из них, на что присяжные ответили отрицательно.

В то же время, отвечая на вопрос № 5 («альтернативный»), присяжные заседатели признали доказанным нанесение С. ножевых ранений К. и Ф., в результате чего наступила их смерть.

Таким образом, вердикт присяжных заседателей в этой части является противоречивым, что не позволяет квалифицировать действия подсудимого на основании данного вердикта.

Определение № 18-АПУ16-18СП

41. Автомобиль, с помощью которого перемещались оборудование, препараты и произведенное наркотическое средство, принадлежащий на праве личной собственности лицу, осужденному за совершение преступления, предусмотренного ст. 228¹ УК РФ, обоснованно признан средством совершения преступления и конфискован.

М. и Р. признаны виновными в том, что в составе организованной группы занимались незаконным производством и сбытом наркотических средств в особо крупном и крупном размере, а также приготовлением к незаконному сбыту наркотических средств в особо крупном размере.

По приговору М. и Р. осуждены по ч. 5 ст. 228¹, пп. «а», «г» ч. 4 ст. 228¹ и ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ.

Согласно указанному приговору автомобиль, принадлежащий осужденному М., конфискован и обращен в доход государства на основании п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ и п. «г» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор в части решения вопроса о конфискации без изменения, поскольку судом установлено, что указанный автомобиль использовался М. для приобретения и перевозки оборудования и препаратов, необходимых при производстве наркотических средств, а также для перевозки самих незаконно произведенных наркотических средств.

Определение № 56-АПУ16-25

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

42. В договоре дарения может быть обусловлено право дарителя отменить дарение в случае, если он переживет одаряемого.

Право собственности дарителя на объект недвижимости, являвшийся предметом такого договора, может быть зарегистрировано в установленном законом порядке, если воля дарителя на отмену дарения в связи со смертью одаряемого выражена в заявлении, поданном непосредственно в уполномоченный орган, и к этому заявлению приложены договор дарения, содержащий соответствующее условие, а также свидетельство о смерти одаряемого.

Между С. (даритель) и К. (одаряемый) заключен договор дарения комнаты, расположенной в трехкомнатной квартире, принадлежащей С. на праве собственности. Согласно условиям этого договора даритель вправе отменить договор дарения в случае, если он переживет одаряемого. В случае отмены договора дарения подаренная комната возвращается в собственность дарителя, если она сохранилась в натуре к моменту отмены договора дарения.

Право собственности К. зарегистрировано в установленном законом порядке.

Вскоре после этого К. умер.

С. обратилась в уполномоченный орган с заявлением о государственной регистрации ее права собственности на комнату, являющуюся предметом договора дарения, приложив этот договор, свидетельство о государственной регистрации права собственности К., свидетельство о смерти К., квитанцию об уплате государственной пошлины.

Уполномоченным органом государственная регистрация права собственности С. была приостановлена в связи с непредставлением документов, подтверждающих основание для регистрации права собственности в связи с отменой дарения.

С. представила в уполномоченный орган заявление, содержащее просьбу на основании условий договора дарения зарегистрировать за ней право собственности на комнату в связи со смертью одаряемого.

Решением уполномоченного органа С. отказано в государственной регистрации права собственности в связи с тем, что к заявлению о государственной регистрации права не приложен документ, подтверждающий отмену дарения.

С. оспорила это решение в суде.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано. При этом суды исходили из того, что договор дарения комнаты совершен в простой письменной форме, в связи с чем документ, подтверждающий отмену дарения, также должен быть составлен в письменной форме, тогда как заявление С., поданное в уполномоченный орган, таким документом не является. Административный истец не лишен возможности вновь обратиться с заявлением о государственной регистрации права, приложив в том числе составленный в письменной форме документ об отмене дарения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и приняла новое решение об удовлетворении административного искового заявления С., указав следующее.

В силу п. 1 ст. 572 ГК РФ по договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом.

При этом согласно п. 4 ст. 578 ГК РФ в договоре дарения может быть обусловлено право дарителя отменить дарение в случае, если он переживет одаряемого.

Судами установлено, что договор дарения комнаты, заключенный между С. и К., содержит такое условие.

Анализ приведенных законоположений позволяет сделать вывод о том, что отмена дарения в случае смерти одаряемого является совершаемой пережившим дарителем односторонней сделкой, которая служит основанием прекращения права собственности одаряемого на подаренную вещь и возникновения права собственности на нее у дарителя. При этом закон предусматривает возможность для дарителя отменить дарение без судебного решения только на основании факта смерти одаряемого при наличии в договоре дарения соответствующего условия.

Поскольку воля С. на отмену дарения в связи со смертью одаряемого была выражена в соответствующем заявлении, поданном непосредственно в уполномоченный орган, и к этому заявлению были приложены договор дарения, содержащий условие о праве дарителя отменить дарение в случае, если он переживет одаряемого, а также свидетельство о смерти К., основания для отказа в государственной

регистрации права собственности С. на спорный объект недвижимости отсутствовали.

Определение № 4-КГ16-3)

43. Наличие в государственном кадастре недвижимости сведений о расположении земельного участка в границах второго пояса зоны санитарной охраны водных объектов, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, находящихся в государственной или муниципальной собственности, является основанием для отказа в государственной регистрации права собственности гражданина на такой земельный участок.

Постановлением администрации муниципального образования В. для ведения личного подсобного хозяйства предоставлен земельный участок. На основании данного постановления заключен договор купли-продажи этого земельного участка.

В. обратилась в уполномоченный орган с заявлением о государственной регистрации права собственности на указанный объект недвижимости.

При проведении правовой экспертизы представленных на государственную регистрацию документов было выявлено, что земельный участок В. частично расположен во втором поясе зоны санитарной охраны водохранилища.

Сведения об этом получены из органа кадастрового учета, сопоставившего сведения о координатах земельного участка с координатами границ второго пояса зоны санитарной охраны водохранилища.

В связи с этим В. отказано в государственной регистрации права собственности на земельный участок.

Заявитель с таким решением не согласился и оспорил его в суде, ссылаясь на то, что земельный участок приобретен на основании договора купли-продажи, заключенного с уполномоченным органом местного самоуправления, тогда как второй пояс зоны санитарной охраны водохранилища установлен на основании актов Союза ССР, недействующих на территории Российской Федерации с момента введения в действие Водного кодекса Российской Федерации.

Решением районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление В. удовлетворено. Суды исходили из того, что органом, осуществляющим государственную регистрацию прав, не представлены доказательства, свидетельствующие о том, что принадлежащий В. земельный участок

ограничен в обороте, находится во втором поясе зоны санитарной охраны водных объектов, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового назначения. Вывод о нахождении земельного участка в границах этой зоны сделан на основании нормативных актов Союза ССР, которые являются недействующими исходя из положений статьи 4 Федерального закона от 3 июня 2006 г. № 73-ФЗ «О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации».

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и приняла новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления В., указав следующее.

Водный кодекс Российской Федерации, регулируя вопросы водопользования, предусматривает для водных объектов, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, установление зоны санитарной охраны в соответствии с законодательством о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. В зонах санитарной охраны источников питьевого водоснабжения осуществление деятельности и отведение территории для жилищного строительства, строительства промышленных объектов и объектов сельскохозяйственного назначения запрещаются или ограничиваются в случаях и в порядке, которые установлены санитарными правилами и нормами в соответствии с законодательством о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения (п. 2 ст. 43).

Санитарно-эпидемиологические требования к водным объектам установлены ст. 18 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», в соответствии с которой границы и режим зон санитарной охраны источников питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения устанавливаются органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации при наличии санитарно-эпидемиологического заключения о соответствии их санитарным правилам (п. 5).

При этом названный федеральный закон не содержит положений о признании утратившими силу ранее изданных актов, устанавливающих границы зон санитарной охраны, а лишь предусматривает иной порядок установления таких зон.

Действие во времени и пространстве нормативных правовых актов Союза ССР по вопросам границ зон санитарной охраны ни Водным кодексом Российской Федерации, ни названным федеральным законом не ограничено.

Следовательно, ст. 4 Федерального закона «О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации» не отменяет нормативные

акты Союза ССР, утвердившие границы зон санитарной охраны источников питьевого водоснабжения.

Границы второго пояса зоны санитарной охраны водохранилища, установленные названными актами, до настоящего времени не изменены.

На основании этих актов в государственный кадастр недвижимости в качестве информационного слоя внесены сведения о границах второго пояса санитарной охраны водохранилища.

Согласно подп. 14 п. 5 ст. 27 Земельного кодекса Российской Федерации земельные участки в первом и втором поясах зон санитарной охраны водных объектов, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, ограничиваются в обороте.

При этом земельные участки, отнесенные к землям, ограниченным в обороте, не предоставляются в частную собственность, за исключением случаев, установленных федеральным законом (п. 2 ст. 27 Земельного кодекса Российской Федерации).

Такой федеральный закон в отношении земельных участков, находящихся в первом и втором поясах зон санитарной охраны водных объектов, используемых для питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, не принят.

В этой связи правовых оснований для государственной регистрации права собственности В. на земельный участок, расположенный во втором поясе зоны санитарной охраны водных объектов, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового назначения, не имелось.

Определение № 48-КГ16-7

44. К административным делам, рассматриваемым по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику.

П. обратился в суд с административным иском к администрации муниципального образования о признании незаконным

отказа в принятии решения об утверждении схемы расположения земельного участка на кадастровой карте.

Решением районного суда административное исковое заявление удовлетворено.

Суд апелляционной инстанции указанное решение отменил и прекратил производство по делу, поскольку пришел к выводу о том, что в данном случае имеет место спор о праве П. на предоставление земельного участка в собственность или аренду, в связи с чем дело подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и направила дело на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод; решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

Положения ч. 1 ст. 218 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации предоставляют гражданину право обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, государственного или муниципального служащего, если он полагает, что нарушены или оспорены его права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению прав, свобод и реализации законных интересов или незаконно возложены какие-либо обязанности.

В силу п. 2 ч. 2 ст. 1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации суды в порядке, предусмотренном данным кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, органов военного управления, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих.

Таким образом, к административным делам, рассматриваемым по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику.

Согласно ст. 11¹⁰ Земельного кодекса Российской Федерации схема расположения земельного участка на кадастровом плане территории представляет собой изображение границ образуемого земельного участка или образуемых земельных участков на кадастровом плане территории (пункт 1).

Пунктом 2 названной статьи установлено, что подготовка схемы расположения земельного участка осуществляется с учетом утвержденных документов территориального планирования, правил землепользования и застройки, проекта планировки территории, землеустроительной документации, положения об особо охраняемой природной территории, наличия зон с особыми условиями использования территории, земельных участков общего пользования, территорий общего пользования, красных линий, местоположения границ земельных участков, местоположения зданий, сооружений (в том числе размещение которых предусмотрено государственными программами Российской Федерации, государственными программами субъекта Российской Федерации, адресными инвестиционными программами), объектов незавершенного строительства. Подготовка указанной схемы обеспечивается исполнительным органом государственной власти или органом местного самоуправления (п. 3 ст. 11¹⁰ Земельного кодекса Российской Федерации). Схема утверждается решением исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления, уполномоченных на предоставление находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков, если иное не предусмотрено названным кодексом (п. 13 указанной статьи).

Таким образом, требования административного истца вытекают из публичных правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности сторон.

Уполномоченный орган местного самоуправления, решение которого является предметом оспаривания, реализует административные и иные публично-властные полномочия в отношении заявителя, в связи

с чем выводы суда апелляционной инстанции о прекращении производства по делу не основаны на законе.

Определение № 53-КГ16-25

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

45. Обеспечение жилым помещением по избранному месту жительства является льготой, предоставляемой определенным законом категориям военнослужащих с учетом их особого правового статуса, и перечень этих категорий не может быть расширен произвольно, без внесения соответствующих изменений в закон.

Решением 5 гарнизонного военного суда от 14 декабря 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Северо-Кавказского окружного военного суда от 16 марта 2016 г., удовлетворено заявление О., в котором он просил признать незаконным решение жилищной комиссии воинской части от 26 октября 2015 г., утвержденное командиром, о снятии истца и членов его семьи с учета нуждающихся в жилом помещении по избранному месту жительства в г. Москве.

В кассационной жалобе представитель командира и жилищной комиссии воинской части, не оспаривая права О., срок военной службы которого в календарном исчислении составляет более 20 лет, на получение жилого помещения, указывает на отсутствие правовых оснований для обеспечения его жильем по избранному месту жительства ввиду увольнения с военной службы в связи с неисполнением им условий контракта.

Рассмотрев материалы административного дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к следующим выводам.

Из материалов дела следует, что О., родившийся 5 января 1965 г., проходил военную службу по контракту с апреля 1994 года по 15 января 2015 г. в воинской части, дислоцированной за пределами территории Российской Федерации (за исключением периода с марта по октябрь 1997 года).

В марте и мае 2008 года решениями жилищной комиссии воинской части, в которой административный истец проходил военную службу, он вместе с членами семьи (супруга и трое детей) признан нуждающимся в жилом помещении на территории Российской

Федерации как военнослужащий, подлежащий увольнению в запас по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, и включен в список лиц для получения государственного жилищного сертификата.

В ноябре 2010 года аналогичное решение приняла жилищная комиссия вышестоящей воинской части (далее – жилищная комиссия). Однако после выявления факта передачи О. и двумя его сыновьями принадлежащих им на праве собственности долей жилого помещения (всего 25,5 кв. м) на территории Российской Федерации матери истца он решением жилищной комиссии от 28 июня 2012 г. был исключен из списков лиц, нуждающихся в жилом помещении, и его обязали сдать ранее полученный жилищный сертификат.

В октябре 2013 года О. обратился в жилищную комиссию с заявлением о признании его нуждающимся в жилом помещении в г. Москве, а в июне 2014 года попросил выдать ему субсидию для приобретения или строительства жилого помещения (далее – жилищная субсидия).

Решением от 16 июля 2014 г. жилищная комиссия постановила рассмотреть вопрос о предоставлении истцу жилищной субсидии после поступления в управление руководящих документов, регламентирующих порядок предоставления жилищной субсидии.

В июле 2014 года О. обратился по команде с рапортом об увольнении в запас по достижении предельного возраста пребывания на военной службе и исключении из списков части с оставлением в списках лиц, нуждающихся в жилом помещении.

После этого приказом воинского должностного лица от 5 декабря 2014 г. О. по служебной необходимости переведен к новому месту военной службы на территорию Российской Федерации.

Ввиду неявки в срок без уважительных причин на службу при переводе истцу объявлен строгий выговор и он уволен в запас в связи с невыполнением условий контракта.

Решением жилищной комиссии от 27 августа 2015 г. О. предоставлено жилое помещение по избранному месту жительства в г. Москве, однако решением комиссии от 26 октября 2015 г., утвержденным командиром, это решение отменено, и истец снят с учета лиц, нуждающихся в жилом помещении по избранному месту жительства в связи с утратой им основания, дающего право на получение жилого помещения по договору социального найма, ввиду увольнения с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Признавая незаконным названное решение от 26 октября 2015 г. и возлагая на жилищную комиссию обязанность восстановить О. на учете

нуждающихся в жилом помещении по избранному месту жительства, суд исходил из того, что оставление без реализации права гражданина, уволенного с военной службы и оставшегося в связи с этим на территории иностранного государства, на жилое помещение лишь на том основании, что он не относится к категории лиц, имеющих право на получение жилого помещения по избранному месту жительства, не соответствует Конституции Российской Федерации и противоречит преамбуле Федерального закона «О статусе военнослужащих» в части соответствия государственной политике в области правовой и социальной защиты граждан, уволенных с военной службы. Суд апелляционной инстанции с выводами гарнизонного военного суда согласился.

Однако такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что истец уволен с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела.

Согласно абзацам третьему и двенадцатому п. 1, п. 13 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» право на предоставление по избранному месту жительства жилых помещений определенным законом категориям военнослужащих (при общей продолжительности военной службы 10 лет и более и признанных нуждающимися в жилых помещениях) по их выбору в собственность бесплатно или по договору социального найма с федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, установлено лишь при их увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Военнослужащие, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, уволенные с военной службы по иным основаниям и не обеспеченные на момент увольнения жилищной субсидией или жилыми помещениями, не могут быть без их согласия сняты с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по последнему перед увольнением месту военной службы и обеспечиваются жилищной субсидией или жилыми помещениями в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О статусе военнослужащих» для военнослужащих.

Поскольку О. уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта, то оснований для обеспечения его жилым помещением по избранному месту жительства, вопреки выводу судов, не имелось.

То обстоятельство, что истец проходил военную службу и уволен с нее из воинской части, дислоцированной за пределами территории Российской Федерации, не может свидетельствовать о приравнивании его к категории военнослужащих, уволенных с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Обеспечение жилым помещением по избранному месту жительства является льготой, предоставляемой определенным законом категориям военнослужащих с учетом их особого правового статуса, и перечень этих категорий не может быть расширен произвольно, без внесения соответствующих изменений в закон.

В связи с изложенным О., как признанный в период военной службы нуждающимся в жилом помещении, в силу п. 13 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» имеет право на обеспечение жилищной субсидией или жилым помещением в порядке, предусмотренном названным федеральным законом для военнослужащих.

Неправильное применение судом норм материального права повлекло неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела.

В суде установлено, что в период военной службы О. изъявлял желание быть обеспеченным жилищной субсидией. Этот вопрос, как следует из решения жилищной комиссии Пограничного управления от 16 июля 2014 г. и пояснений в судебном заседании представителя административных ответчиков, фактически до настоящего времени не рассмотрен и решение по заявлению не принято.

Данное обстоятельство подлежало выяснению в судебном заседании.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела и без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов истца, а также защита охраняемых законом публичных интересов, в связи с чем судебные акты Судебной коллегией по делам военнослужащих были отменены, а дело направлено на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

Определение. № 205-КГ16-62

46. В том случае, если военнослужащий стал участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения по собственному желанию и не воспользовался деньгами,

находящимися на его именем накопительном счете, он может быть по его просьбе исключен из реестра участников.

Решением Тверского гарнизонного военного суда от 10 июля 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 24 сентября 2015 г., З. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконными действия командира воинской части, связанные с отказом в оформлении документов для исключения его из реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (далее – НИС) и в направлении необходимых документов полномочному должностному лицу для реализации.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе З., Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила обжалуемые судебные акты в связи с существенным нарушением норм материального права и приняла по делу новое решение, которым признала незаконными действия командира воинской части, связанные с отказом З. в оформлении документов для исключения из реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих и обязала воинское должностное лицо оформить документы для исключения З. из реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих.

В обоснование судебная коллегия привела следующие доводы.

Из материалов дела следует, что З. в 2001 году заключил с Министерством обороны Российской Федерации первый контракт о прохождении военной службы. В 2005 году он окончил высшее военное учебное заведение с присвоением первого офицерского звания. В 2013 году на основании поданного З. рапорта он включен в реестр участников НИС.

8 июня 2015 г. заявитель обратился к командиру воинской части с рапортом об исключении его из реестра участников НИС, изъявив желание реализовать право на получение жилого помещения иным способом, предусмотренным законом для категории военнослужащих, к которой он относится. В удовлетворении данной просьбы ему было отказано.

Отказывая в удовлетворении заявления, суды исходили из того, что законом не предусмотрен добровольный порядок исключения из реестра участников НИС.

Однако такой вывод основан на ошибочном истолковании норм материального права.

В силу общеправового принципа, изложенного в п. 2 ст. 1 и п. 1 ст. 9 Гражданского кодекса Российской Федерации, граждане

осуществляют принадлежащие им права по своему усмотрению, то есть своей волей и в своем интересе. Из этого следует недопустимость понуждения лиц к реализации определенного поведения, составляющего содержание прав.

Согласно абзацу первому п. 1 и п. 16 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» выделение денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» является одной из форм реализации военнослужащими права на жилище.

Как названные выше законы, так и иные нормативные правовые акты не содержат положений, ограничивающих указанную категорию военнослужащих в возможности не осуществлять данное право.

Показателями исполнения государством своих обязательств в рамках НИС по жилищному обеспечению военнослужащих являются получение ими денежных средств, указанных в ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих», или направление уполномоченным федеральным органом кредитуру участника НИС средств целевого жилищного займа на цели, предусмотренные п. 2 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (ч. 3 ст. 11 указанного закона).

З., будучи участником НИС, по собственному желанию не стал пользоваться деньгами, находящимися на его именном накопительном счете и целевой жилищный заем ему также не предоставлялся.

Таким образом, в отношении З. условия, с которыми закон связывает выполнение государством обязательств по жилищному обеспечению военнослужащих, не наступили. Следовательно, до возникновения указанных обстоятельств он сохраняет возможность выбора иного способа реализации своих жилищных прав, предусмотренного ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих». Действия должностных лиц, направленные на ограничение военнослужащего в реализации волеизъявления, совершенные до выполнения государственного обязательства по обеспечению его жильем, не основаны на законе.

Обратившись по команде с рапортом об исключении из соответствующего реестра, административный истец тем самым очевидно заявил о нежелании реализовать свое право на жилище в порядке, установленном Федеральным законом «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих».

При таких условиях командованием должно быть реализовано волеизъявление З. о закрытии именного накопительного счета участника

НИС, поскольку это соответствует требованиям действующего законодательства и не нарушает чьи-либо права и законные интересы, включая публичные.

Определение № 201-КГ16-39

47. Установив, что сын военнослужащего на момент поступления в военно-учебное заведение, как и сам военнослужащий, нуждающимся в жилом помещении признан не был, а дочь военнослужащего при поступлении на военную службу по контракту фактически проживала в другом населенном пункте, Судебная коллегия признала законным решение жилищного органа об отказе в принятии на жилищный учет вместе с военнослужащим его детей.

Решением 35 гарнизонного военного суда от 20 мая 2015 г. частично удовлетворено исковое заявление С., в котором она просила признать незаконным решение жилищной комиссии воинской части от 18 февраля 2015 г. о снятии с учета нуждающихся в жилом помещении в избранном месте жительства членов семьи заявителя: сына – С.А. и дочь – С.М. с возложением на председателя комиссии обязанности по отмене решения и восстановлению ее детей на жилищном учете.

Судом признано незаконным решение жилищной комиссии воинской части в части снятия с учета нуждающихся в жилых помещениях дочери заявителя – С.М., на жилищную комиссию и командира воинской части возложена обязанность по восстановлению С.М. на жилищном учете и повторному рассмотрению вопроса о возможности обеспечения заявителя с учетом ее дочери – С.М.

В удовлетворении заявления о признании незаконным решения жилищной комиссии в части снятия с учета нуждающихся в жилых помещениях сына заявителя – С.А. судом отказано.

Апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 25 августа 2015 г. решение отменено, по делу принято новое решение об удовлетворении заявления.

Судом апелляционной инстанции признано незаконным решение жилищной комиссии воинской части от 18 февраля 2015 г., на жилищную комиссию возложена обязанность по отмене указанного решения, а на командира воинской части – по утверждению этого решения. Также на жилищную комиссию возложена обязанность по рассмотрению вопроса обеспечения заявителя жилищной субсидией с учетом ее детей С.М. и С.А.

В кассационной жалобе представитель воинского должностного лица, указывая, что на момент поступления на военную службу по контракту дочь заявителя – С.М. вместе с ней не проживала, а перед поступлением в военный институт сын вместе с заявителем проживал на территории Республики Армения, где С. нуждающейся в жилом помещении не признавалась, просил судебные постановления отменить и принять по делу новое решение об отказе С. в удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия в связи с существенным нарушением норм материального права отменила судебные акты и приняла по делу новое решение об отказе С. в удовлетворении административного иска.

В обоснование Судебная коллегия привела следующие доводы.

Из материалов дела следует, что С. до декабря 2007 года проходила военную службу по контракту на территории Республики Армения, где нуждающейся в жилых помещениях не признавалась, после чего была переведена для дальнейшего прохождения военной службы на территорию Российской Федерации в воинскую часть, дислоцированную в г. Якутске, где ее семья из трех человек (она, ее супруг и дочь, 2002 года рождения) была обеспечена органом местного самоуправления жилым помещением по установленным нормам.

В сентябре 2004 года ее сын – С.А. поступил в пограничный кадетский корпус г. Пушкина Ленинградской области, а затем, в июле 2006 года, в Московский пограничный институт ФСБ России, после окончания которого в июле 2011 года он проходит военную службу по контракту.

Дочь заявителя, С.М., в июне 2007 года поступила в Российско-Армянский (Славянский) государственный университет, находящийся на территории Республики Армения, и проживала в г. Ереване. С июня 2014 года С.М. проживала вместе с мужем в г. Москве, а в октябре 2014 года поступила на военную службу по контракту.

В марте 2010 года С. обратилась в жилищную комиссию с заявлением о признании ее и детей – С.А. и С.М. нуждающимися в жилом помещении по избранному месту жительства после увольнения с военной службы в г. Москве или ближайшем Подмосковье. Решением жилищной комиссии от 24 мая 2010 г. она вместе с детьми была включена в список военнослужащих, изъявивших желание быть обеспеченными жильем в избранном месте жительства.

Впоследствии С. вместе с членами семьи решениями жилищной комиссии была признана нуждающейся в жилых помещениях в г. Железнодорожном Московской области, а затем – в обеспечении жилищной субсидией.

Решением жилищной комиссии от 18 февраля 2015 г. дети заявителя – С.А. и С.М. были сняты с учета нуждающихся в получении жилого помещения по избранному месту жительства в г. Железнодорожном Московской области на основании п. 6 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ.

Признавая это решение частично незаконным, суд первой инстанции исходил из того, что дочь заявителя сохранила право на жилое помещение, занимаемое ею до поступления на военную службу, в связи с чем на основании п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» не может быть снята с учета нуждающихся в жилых помещениях по месту жительства до поступления на военную службу. Аналогичную мотивировку суд апелляционной инстанции привел в обоснование незаконности решения жилищной комиссии в отношении обоих детей заявителя.

Однако такой вывод судов основан на неправильном толковании норм материального права и не соответствует обстоятельствам дела.

В соответствии с абзацем одиннадцатым п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» за военнослужащими, обеспечиваемыми служебными жилыми помещениями, на первые пять лет военной службы по контракту (не считая времени обучения в военных профессиональных образовательных организациях или военных образовательных организациях высшего образования) сохраняется право на жилые помещения, занимаемые ими до поступления на военную службу; они не могут быть сняты с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по месту жительства до призыва (поступления) на военную службу.

Содержание названной нормы закона указывает на то, что за такими военнослужащими на первые пять лет военной службы по контракту сохраняются те жилые помещения, в которых они проживали до поступления на военную службу по контракту либо до поступления в военно-учебные заведения. Такие военнослужащие не могут быть сняты с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях в том случае, если они до поступления на военную службу по контракту либо до поступления в военно-учебные заведения находились на жилищном учете.

Между тем в суде установлено, что С.А. на момент поступления в июле 2006 года в военно-учебное заведение, как и его мать, нуждающимся в жилом помещении признан не был, а С.М. при поступлении на военную службу по контракту в октябре 2014 года фактически проживала в населенном пункте, отличном от места военной службы заявителя.

При таких данных положения абзаца одиннадцатого п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» применению к возникшим правоотношениям не подлежали.

Кроме того, из материалов дела следует, что на момент принятия жилищной комиссией Управления решения о снятии детей заявителя с жилищного учета они проходили военную службу и проживали в местах, отличных от места службы и жительства С.

Это обстоятельство также имеет существенное значение для дела.

Согласно п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, имеющие общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и члены их семей вправе получить жилые помещения не по месту увольнения с военной службы.

Согласно ч. 1 ст. 31 ЖК РФ к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с ним его супруг, дети и родители данного собственника, а также другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане, если они вселены собственником в качестве членов его семьи.

Подобные положения применительно к членам семьи нанимателя жилого помещения по договорам социального найма и служебного жилого помещения содержатся в ст. 69 и 100 ЖК РФ.

Из изложенного следует, что обеспечение жилым помещением при перемене места жительства указанной категории граждан (как военнослужащих, так и членов их семей) осуществляется при их совместном проживании.

Поскольку дети заявителя совместно с ней на момент признания нуждающимися в жилом помещении в мае 2010 года не проживали, то к членам ее семьи в силу указанных норм не относятся, а поэтому права на реализацию жилищных прав совместно со своей матерью они не имеют.

По изложенным основаниям обучение С.А. и С.М. в образовательных организациях по очной форме обучения и недостижение ими 23 лет на момент постановки на жилищный учет в мае 2010 года не влияют на правильность оспариваемого решения жилищной комиссии.

Таким образом, решение жилищной комиссии от 18 февраля 2015 г. о снятии детей С. с учета нуждающихся в получении жилого помещения по избранному месту жительства в г. Железнодорожном

Московской области по основаниям, установленным п. 6 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ, основано на законе.

Определение № 211-КГ16-21

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

48. При решении вопроса о наложении дисциплинарного взыскания квалификационной коллегией не учтены существенные обстоятельства, имеющие значение для правильного решения вопроса относительно характера и степени тяжести дисциплинарного проступка, обстоятельств и последствий его совершения, степени нарушения прав, свобод и законных интересов граждан и законных интересов организаций.

Председатель Верховного Суда Республики Бурятия обратилась в квалификационную коллегию судей с представлением о привлечении мирового судьи судебного участка № 8 Октябрьского района г. Улан-Удэ Д. к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи в связи с совершением дисциплинарного проступка.

В представлении указано, что мировой судья Д. ненадлежаще относится к исполнению своих должностных обязанностей, нарушает требования закона и кодекса судейской этики, им совершены действия, умаляющие авторитет судебной власти и причинившие ущерб репутации судьи.

Квалификационная коллегия судей, установив наличие признаков дисциплинарного проступка, наложила на Д. дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи.

Отменяя решение квалификационной коллегии судей, Дисциплинарная коллегия в своем решении указала, что мировым судьей Д. действительно допускались нарушения сроков рассмотрения по некоторым гражданским делам, однако такие нарушения не носили системного характера, являлись единичными.

Выводы квалификационной коллегии судей о том, что мировым судьей Д. систематически грубо нарушались сроки рассмотрения гражданских дел, чинились препятствия в доступе к правосудию, убедительными признать нельзя, они сделаны на основании неполного исследования обстоятельств допущенных нарушений.

Квалификационной коллегией судей не изучались и не исследовались на заседании материалы дел, данные о которых изложены в представлении Председателя Верховного Суда Республики Бурятия.

Между тем при изучении в судебном заседании Дисциплинарной коллегии гражданских дел, приведенных в решении квалификационной коллегии судей, установлено, что нарушения сроков рассмотрения допущены не по всем делам, указанным в решении, а лишь по некоторым из них, причем нарушение сроков было незначительным, составляло несколько дней.

Указание в решении о том, что Д. чинились препятствия в доступе к правосудию, в частности, при рассмотрении гражданского дела по иску ОАО «ТГК-14» к С. и другим о взыскании задолженности за тепловую энергию, обоснованным признать нельзя. Один лишь факт отмены судом вышестоящей инстанции вынесенного мировым судьей определения об оставлении искового заявления по данному делу без движения не может свидетельствовать о создании препятствий в доступе к правосудию.

В решении квалификационной коллегии указано на волокиту при рассмотрении двух гражданских дел, которые находились в производстве мирового судьи соответственно 6 и 9 месяцев. Однако при исчислении сроков не было учтено, что по этим делам сначала были вынесены заочные судебные решения, они впоследствии были отменены, производство по делам возобновлялось, дела назначались к слушанию, в результате исковые заявления были оставлены без рассмотрения.

Как установлено, по ряду гражданских дел в протоколах судебных заседаний отмечено одно и то же время начала и окончания их рассмотрения, что нельзя признать допустимым, однако указание в протоколе неточного времени рассмотрения дела не свидетельствует о фальсификации мировым судьей процессуальных документов, как это расценено квалификационной коллегией судей. При этом следует отметить, что данных об отмене судебных решений по указанному основанию не имеется.

По некоторым гражданским делам и по делам об административных правонарушениях имели место случаи несвоевременного направления исполнительных документов, что свидетельствует о ненадлежащем контроле мирового судьи за работой сотрудников аппарата суда, однако такие случаи были единичными, не носили системного характера. В решении квалификационной коллегии судей приведено лишь несколько таких дел и материалов. При этом доводы Д. о том, что по ряду дел исполнительные документы направлялись своевременно, не опровергнуты.

В решении квалификационной коллегии судей правильно указано на то, что на судебном участке № 8 Октябрьского района г. Улан-Удэ своевременно не регистрировались и не рассматривались заявления

ОАО «Сбербанк России» о выдаче судебного приказа. Д., не отрицая указанных обстоятельств, пояснил, что это было обусловлено большим количеством таких заявлений, поступивших в 2015 и 2016 годах; с января по апрель 2016 года поступило 4139 таких заявлений, причем значительная часть заявлений была зарегистрирована и рассмотрена. В соответствии с его обращениями к председателю Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ заявления ОАО «Сбербанк России» перераспределялись на другие судебные участки в связи с большим количеством. Из приказов председателя Октябрьского района г. Улан-Удэ от 30 ноября 2015 г., от 23 мая 2016 г., приобщенных к материалам дела, следует, что от мирового судьи судебного участка № 8 на другие судебные участки передавались заявления ОАО «Сбербанк России» в связи с неравномерной нагрузкой и отсутствием физической возможности рассмотреть их в установленные сроки. Таким образом, доводы Д. о том, что нарушения, связанные с тем, что заявления ОАО «Сбербанк России» своевременно не регистрировались, обусловлены большой нагрузкой, связанной со значительным их количеством, являются обоснованными. При этом не опровергнуты его утверждения, что значительная часть заявлений была своевременно зарегистрирована и рассмотрена.

Вывод квалификационной коллегии судей о том, что мировой судья Д. незаконно изменил подсудность рассмотрения материала в отношении А. об административном правонарушении, передав материал другому мировому судье, обоснованным признать нельзя.

Квалификационная коллегия судей не наделена полномочиями по проверке законности и обоснованности судебного акта.

Судебный акт, не признанный незаконным и необоснованным судом вышестоящей инстанции, не является допустимым доказательством совершения судьей, принявшим этот акт, дисциплинарного проступка по мотиву нарушения им норм материального или процессуального права.

Определение мирового судьи Д. от 27 августа 2015 г. о передаче материала в отношении А. об административном правонарушении другому мировому судье судом вышестоящей инстанции не отменено, вступило в законную силу. Поэтому факт вынесения им указанного определения не может служить доказательством совершения дисциплинарного проступка по мотиву его незаконности и необоснованности.

Материал в отношении А., поступивший на судебный участок № 1 Заиграевского района Республики Бурятия в соответствии с указанным определением, впоследствии был утрачен.

Каких-либо данных о том, что Д. причастен к утрате этого материала, не имеется, не приведено их и в решении квалификационной коллегии судей.

Не имеется достаточных доказательств и того, что Д. умышленно удерживал у себя указанный материал до 3 ноября 2015 г.

В то же время Д. не принял мер к своевременной передаче этого материала на судебный участок № 1 Заиграевского района, он был направлен туда с нарушением установленного законом срока.

Таким образом, ряд нарушений, установленных квалификационной коллегией судей, свидетельствует о совершении Д. дисциплинарного проступка.

Однако из анализа нарушений следует, что мировым судьей Д. допускались случаи нарушений действующего законодательства, положений Инструкции по судебному делопроизводству, однако они были единичными, не носили системного характера. Наличие приведенных нарушений, не относящихся к грубым, не свидетельствует о пренебрежительном отношении судьи Д. к своим должностным обязанностям и о невозможности осуществления им полномочий судьи в дальнейшем.

Ранее Д. к дисциплинарной ответственности не привлекался. Учитывая изложенное, вывод квалификационной коллегии судей о том, что мировым судьей Д. совершен такой дисциплинарный проступок, который влечет применение исключительной меры воздействия в виде досрочного прекращения полномочий судьи, обоснованным признать нельзя.

Решение № ДК16-72

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. С какой даты происходит изменение арендной платы за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, в связи с изменением кадастровой стоимости земельного участка в результате проведения государственной кадастровой оценки по правилам Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности»?

ОТВЕТ. Согласно п. 3 ст. 39⁷ ЗК РФ, если иное не установлено названным кодексом или другими федеральными законами, порядок определения размера арендной платы за земельные участки,

находящиеся в государственной или муниципальной собственности и предоставленные в аренду без торгов, устанавливается:

1) Правительством Российской Федерации в отношении земельных участков, находящихся в федеральной собственности;

2) органом государственной власти субъекта Российской Федерации в отношении земельных участков, находящихся в собственности субъекта Российской Федерации, и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена;

3) органом местного самоуправления в отношении земельных участков, находящихся в муниципальной собственности.

Нормативные правовые акты, принятые указанными органами, могут устанавливать порядок изменения арендной платы за соответствующий земельный участок в связи с изменением его кадастровой стоимости в результате проведения государственной кадастровой оценки и утверждения результатов ее определения.

Например, согласно п. 9 Правил определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июля 2009 г. № 582, в связи с изменением кадастровой стоимости земельного участка арендная плата подлежит перерасчету по состоянию на 1 января года, следующего за годом, в котором произошло изменение кадастровой стоимости.

Учитывая изложенное, при определении даты изменения размера арендной платы судам следует руководствоваться положениями соответствующих нормативных правовых актов.

В случае если такие акты не содержат порядка изменения арендной платы в связи с изменением кадастровой стоимости в результате проведения государственной кадастровой оценки, судам следует иметь в виду следующее.

В соответствии со ст. 24²⁰ Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон об оценочной деятельности), а также исходя из разъяснений, содержащихся в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» сведения о кадастровой стоимости используются с даты их внесения в государственный кадастр недвижимости (с 1 января 2017 года – Единый государственный реестр недвижимости) за исключением случаев, предусмотренных абзацами четвертым-шестым ст. 24²⁰ Закона об оценочной деятельности. Проведение государственной кадастровой

оценки и утверждение результатов определения кадастровой стоимости к таким исключениям не относится.

Следовательно, в случае если нормативный правовой акт, регулирующий порядок определения арендной платы, не содержит порядка изменения арендной платы в связи с изменением кадастровой стоимости в результате проведения государственной кадастровой оценки по правилам Закона об оценочной деятельности, арендная плата за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, изменяется с даты внесения сведений об утвержденной кадастровой стоимости в государственный кадастр недвижимости (с 1 января 2017 года – Единый государственный реестр недвижимости).

ВОПРОС 2. Допустимо ли участие временного управляющего в рассмотрении дела, в котором должник являлся истцом или ответчиком, на стадии апелляционного производства, в случае, когда процедура наблюдения введена в отношении должника после принятия судом первой инстанции обжалуемого решения?

ОТВЕТ. По смыслу ст. 64 Закона о банкротстве в процедуре наблюдения руководитель организации-должника продолжает осуществлять свои функции под контролем временного управляющего.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 43 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» после даты введения процедуры наблюдения все имущественные споры, истом или ответчиком по которым является должник, должны рассматриваться в суде с участием временного управляющего в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований. Эта мера направлена на защиту интересов как самого должника, так и его кредиторов, так же как и запрет на принятие судом признания руководителем должника иска или его отказ от иска.

Принимая во внимание, что временный управляющий является лицом, участвующим в деле о банкротстве (ст. 34 Закона о банкротстве), его правовой статус (ст. 66 и 67 Закона о банкротстве) и положения п. 4 ст. 20³ Закона о банкротстве, согласно которым арбитражный управляющий при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, обязан действовать в интересах должника и его кредиторов, вступление временного управляющего в процесс на стадии апелляционного производства в случае, когда процедура наблюдения

введена после принятия решения судом первой инстанции, не является нарушением положений ч. 3 ст. 266 АПК РФ.

В такой ситуации допуск временного управляющего к участию в процессе осуществляется апелляционным судом без отмены решения суда первой инстанции и перехода к рассмотрению дела по правилам суда первой инстанции (ч. 3 ст. 266, ч. 6¹ ст. 268, п. 4 ст. 270 АПК РФ). Временный управляющий в таком случае наделяется правами и несет обязанности лица, участвующего в деле (ст. 41 АПК РФ).

ВОПРОС 3. На основании какой ставки определяется размер процентов, уплачиваемых за неправомерное удержание денежных средств, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате, в случае, когда в соответствии с законодательством о валютном регулировании и валютном контроле при осуществлении расчетов по обязательствам допускается использование иностранной валюты и денежное обязательство выражено в ней, а равно когда денежное обязательство подлежит оплате в рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте или в условных денежных единицах?

ОТВЕТ. В соответствии с п. 1 ст. 395 ГК РФ в случаях неправомерного удержания денежных средств, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате подлежат уплате проценты на сумму долга. Размер процентов определяется ключевой ставкой Банка России, действовавшей в соответствующие периоды. Эти правила применяются, если иной размер процентов не установлен законом или договором.

Указанный порядок расчета процентов подлежит применению в случаях, когда денежное обязательство выражено в рублях, поскольку ключевая ставка Банка России, являясь основным индикатором денежно-кредитной политики, устанавливается Центральным Банком Российской Федерации в процентном отношении и используется при расчетах в национальной валюте – рубль.

Вместе с тем в соответствии с законодательством о валютном регулировании и валютном контроле в определенных случаях денежное обязательство может быть выражено в иностранной валюте, может допускаться использование иностранной валюты при осуществлении расчетов по обязательствам. Также в самом денежном обязательстве может быть предусмотрено, что оно подлежит оплате в рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте или в условных денежных единицах (пп. 1, 2 ст. 317 ГК РФ).

Исходя из толкования ст. 309, 317 и 395 ГК РФ в их взаимосвязи при просрочке исполнения денежного обязательства, валютой долга которого является иностранная валюта, проценты за неправомерное удержание денежных средств, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате подлежат исчислению в иностранной валюте, поскольку целью уплаты указанных процентов является восстановление имущественного положения кредитора и компенсация неполученного им дохода от возможного использования денежных средств, не возвращенных в срок должником.

Принимая во внимание, что ключевая ставка Банка России представляет собой процентную ставку по операциям предоставления Банком России коммерческим банкам краткосрочных кредитов на аукционной основе, размер процентов, уплачиваемых за нарушение денежного обязательства, валютой долга которого является иностранная валюта, должен определяться с учетом аналогичных показателей и исчисляться исходя из средних процентных ставок в валюте долга.

Источниками информации о средних ставках по краткосрочным кредитам в иностранной валюте являются официальный сайт Банка России в сети «Интернет» и официальное издание Банка России «Вестник Банка России».

Если средняя ставка в соответствующей иностранной валюте за определенный период не опубликована, размер подлежащих взысканию процентов устанавливается исходя из самой поздней из опубликованных ставок по каждому из периодов просрочки.

Когда отсутствуют и такие публикации, сумма подлежащих взысканию процентов рассчитывается на основании справки одного из ведущих банков в месте нахождения кредитора, подтверждающей применяемую им среднюю ставку по краткосрочным валютным кредитам.

Процессуальные вопросы

ВОПРОС 4. Вправе ли судья принять к производству заявление о пересмотре вступившего в законную силу судебного акта в связи с установлением Европейским Судом по правам человека нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., если к заявлению не приложен неофициальный перевод на русский язык текста соответствующего постановления Европейского Суда по правам человека?

ОТВЕТ. Как следует из п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), п. 4

ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) и п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), основанием для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по новым обстоятельствам является установление Европейским Судом по правам человека (далее – также Европейский Суд, Суд) нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее – Конвенция) при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд.

Исходя из взаимосвязанных положений ст. 131 и 392 ГПК РФ, положений п. 2 ч. 3 ст. 347 КАС РФ, п. 1 ч. 4 ст. 313 АПК РФ к заявлению о пересмотре судебных актов по новым обстоятельствам должны быть приложены копии документов, подтверждающих новое обстоятельство.

Согласно правилу 76 Регламента Европейского Суда по правам человека в редакции по состоянию на 1 января 2016 г. все постановления Суда выносятся или на английском языке, или на французском языке, если только Суд не определит, что постановление выносится на обоих официальных языках Суда.

В соответствии с положениями ст. 9 ГПК РФ, ст. 12 КАС РФ и ст. 12 АПК РФ судопроизводство в судах Российской Федерации ведется на русском языке – государственном языке Российской Федерации.

В силу п. 4 Положения об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителе Министра юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 29 марта 1998 г. № 310, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместитель Министра юстиции Российской Федерации (далее – также Уполномоченный) обеспечивает взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления при исполнении ими постановлений Суда. С целью реализации указанного взаимодействия Уполномоченный направляет в заинтересованные ведомства, в том числе в Верховный Суд Российской Федерации, а также в областные и приравненные к ним суды тексты неофициальных переводов постановлений Европейского Суда.

Согласно абзацу второму п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»

Федерации» выполнение постановлений, касающихся Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных Конвенцией, и последствий этих нарушений для заявителя, а также меры общего характера, с тем чтобы предупредить повторение подобных нарушений. Суды в пределах своей компетенции должны действовать таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств государства, вытекающих из участия Российской Федерации в Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В силу ст. 46 Конвенции в толковании Европейского Суда меры частного (индивидуального) характера заключаются, в частности, в пересмотре при необходимости вступивших в законную силу судебных актов, принятых внутригосударственными судами.

Исходя из положений ст. 150 ГПК РФ, ст. 135 КАС РФ, ст. 135 АПК РФ при подготовке к рассмотрению заявления о пересмотре судебного акта по новым обстоятельствам судья может по ходатайству лица, обратившегося с таким заявлением, либо по собственной инициативе обратиться с запросом в аппарат Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации о предоставлении текста неофициального перевода на русский язык постановления Европейского Суда, установившего нарушение Российской Федерацией Конвенции и (или) Протоколов к ней.

Поэтому, если лицо, обратившееся с заявлением о пересмотре судебного акта в связи с установлением Европейским Судом нарушения Конвенции, не приложило текст неофициального перевода на русский язык постановления Европейского Суда, на которое имеется ссылка в заявлении, либо текст постановления приложен на одном из официальных языков Совета Европы, то, исходя из взаимосвязанных положений ст. 46 Конвенции в толковании Европейского Суда, обязывающих Российскую Федерацию пересмотреть при необходимости судебные акты, вынесенные судами Российской Федерации, и процессуальных положений, регулирующих процедуру подготовки дела к судебному разбирательству, судья принимает к производству заявление о пересмотре вступившего в законную силу судебного акта и – в случае отсутствия у него ранее направленного текста неофициального перевода на русский язык постановления Европейского Суда – обращается по ходатайству стороны или по собственной инициативе с запросом в аппарат Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя

Министра юстиции Российской Федерации о предоставлении текста перевода соответствующего постановления.

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3 – 33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административных правоотношений

Защита прав несовершеннолетних

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека¹ по жалобе № 47152/06 «Блохин против России» (вынесено 23 марта 2016 г., вступило в силу 23 мая 2016 г.), которым установлено нарушение пункта 1 и пункта 3 (подпункты «с» и «b») статьи 6, пункта 1 статьи 5,

¹ Далее также – Европейский Суд, Суд.

статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.² в связи с нарушением справедливости процесса в отношении несовершеннолетнего Блохина И.Б. при проведении проверки по сообщению о совершении им преступления и рассмотрении районным судом вопроса о его помещении в Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, незаконным содержанием заявителя и необеспечением ему надлежащей медицинской помощи в названном учреждении.

Заявитель жаловался на непредоставление ему необходимой медицинской помощи во время нахождения в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, а также на то, что условия его содержания были бесчеловечными в нарушение статьи 3 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что «...несовершеннолетний возраст заявителя и его состояние здоровья являются обстоятельствами, имеющими значения для оценки независимо от того, был ли достигнут минимальный уровень жестокости» (пункт 141 постановления).

Суд подчеркнул, что «...[п]оскольку дед заявителя привлекал внимание к состоянию здоровья заявителя в ходе судебного заседания, соответствующие органы государственной власти, ответственные за размещение заявителя в центре временного содержания, были поставлены в известность о его состоянии³» (пункт 145 постановления).

Европейский Суд установил, что «...даже если личное дело заявителя в центре временного содержания было уничтожено...имеются достаточные доказательства, что [В]ласти были осведомлены о состоянии здоровья заявителя в момент его помещения в центр временного содержания, а также о том, что он нуждался в лечении. Более того, тот факт, что он был госпитализирован на следующий день после освобождения и пробыл в психиатрической больнице почти три недели, свидетельствует о том, что лечение, необходимое при его состоянии, в центре временного содержания не проводилось. Заявитель, таким образом, представил Суду достаточно серьезное доказательство непредоставления ему необходимого лечения...[В]ластям не удалось доказать, что заявитель получал необходимое в его состоянии лечение во время нахождения в центре временного содержания, в котором он пребывал в течение тридцати суток без права покинуть его и находясь под полным контролем и ответственностью персонала центра. В

² Далее также – Конвенция.

³ Заявитель страдал от синдрома дефицита внимания и гиперактивности (далее также – СДВГ).

указанных обстоятельствах органы власти были обязаны гарантировать достоинство и благополучие заявителя, а также отвечали, в соответствии с Конвенцией, за получаемое им лечение» (пункт 146 постановления).

Соответственно, Европейский Суд пришел к выводу о том, что в настоящем постановлении было допущено нарушение статьи 3 Конвенции.

Заявитель также жаловался на то, что его содержание в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей нарушало пункт 1 статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд заключил, что «...помещение заявителя в центр временного содержания приравнивалось к лишению свободы, поскольку центр был закрытым и охранялся, лиц, содержащихся в нем, планово обыскивали при поступлении, личные вещи подлежали конфискации, а к лицам, содержащимся в нем, применялся дисциплинарный режим» (пункт 152 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...размещение не было предназначено для осуществления воспитательного надзора в значении подпункта «d» пункта 1 статьи 5, поскольку в соответствии с национальным законодательством центры временного содержания предназначаются для временного содержания несовершеннолетних в течение времени, пока ищется более подходящий вариант размещения, такой как возврат в семью или помещение в образовательное учреждение. Более того, в национальном праве не предусмотрена организация образовательной деятельности в центрах...[Ц]ентры временного содержания не предназначены для осуществления воспитательного надзора...содержание заявителя в центре не осуществлялось с «целью» образовательного надзора над ним, поскольку он был помещен туда «в исправительных целях» и в целях предотвращения совершения им новых правонарушений» (пункт 153 постановления).

Суд подчеркнул, что «...помещение заявителя в центр не могло «считаться обоснованно необходимым для предотвращения совершения им правонарушений» в значении подпункта «с» пункта 1 статьи 5, поскольку ни внутригосударственные органы власти, ни [В]ласти государства-ответчика не упомянули какое-либо конкретное правонарушение, от совершения которого необходимо было удержать заявителя. Более того, подпункт «с» пункта 1 статьи 5 требует, чтобы заключение, имеющее целью предотвратить совершение лицом правонарушения, было «произведено с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом», чего не было сделано в отношении заявителя, который был помещен в центр временного содержания на основании

судебного постановления, вынесенного в конце производства по его делу» (пункт 154 постановления).

Европейский Суд также отметил, что «...поскольку заявитель не был признан виновным в совершении правонарушения в силу недостижения установленного законом возраста наступления уголовной ответственности, его заключение не может расцениваться как «законное заключение под стражу лица, осужденного компетентным судом» (пункт 155 постановления).

Суд указал на то, что «...в контексте заключения несовершеннолетних слова «воспитательный надзор» не должны жестко приравниваться к понятиям школьного обучения: применительно к молодым людям, находящимся под надзором местных органов власти, воспитательный надзор должен включать множество аспектов реализации местными властями родительских прав в интересах и для защиты указанных лиц» (пункт 166 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...содержание под стражей для осуществления воспитательного надзора согласно подпункту «d» пункта 1 статьи 5 Конвенции должно проходить в надлежащем учреждении, имеющем ресурсы, соответствующие необходимым образовательно-воспитательным целям и требованиям безопасности. Тем не менее, помещение в подобное учреждение не обязательно должно быть безотлагательным. Подпункт «d» не исключает применения обеспечительной меры в качестве предварительного условия для режима контролируемого образовательно-воспитательного процесса, которая сама по себе не предполагает контролируемый образовательно-воспитательный процесс. Несмотря на это, в подобных обстоятельствах после применения временной обеспечительной меры следует в короткие сроки ввести режим контролируемого образовательно-воспитательного процесса в специально созданных условиях (открытого или закрытого образовательного учреждения) с использованием ресурсов, достаточных для данной цели» (пункт 167 постановления).

Суд также подчеркнул, что «...несовершеннолетнее лицо может быть помещено в подобный центр пока устанавливается его личность и место проживания, либо на период, необходимый для подготовки его перевода в закрытое образовательное учреждение, либо в случае побега⁴... Тем не менее, ни одна из указанных причин не относится к настоящему делу, поскольку помещение заявителя имело

⁴ Подпункты 2-4 пункта 2 статьи 22 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

«исправительные» цели...[Р]азличные причины помещения несовершеннолетних лиц в центр временного содержания, предусмотренные Законом о несовершеннолетних правонарушителях, свидетельствуют о том, что целью такого помещения является временное размещение до того, как будет найдено постоянное решение, а не для целей воспитательного надзора» (пункт 168 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что «...ни один из внутригосударственных судов, рассматривавших постановление о помещении в Центр, не указал, что целью такого размещения было образование. Наоборот, они ссылались на «исправительные цели», а также необходимость предотвращения совершения им новых правонарушений. При этом ни то, ни другое не является законным основанием, предусмотренным подпунктом «d» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Фактически Суд считает, что «исправительные цели» соотносятся с целями уголовного наказания, содержащимися в части 2 статьи 43 Уголовного кодекса, а также в части 2 статьи 87 того же Кодекса для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет...[П]омещение заявителя в центр временного содержания не соответствовало положениям подпункта «d» пункта 1 статьи 5 Конвенции...[Б]ыло допущено нарушение пункта 1 статьи 5» (пункты 171-172 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункты 1 и 3 статьи 6 Конвенции, на то, что разбирательства, касающиеся его помещения в центр временного содержания, были несправедливыми. В частности, он утверждал, что сотрудники милиции допрашивали его в отсутствие опекуна, адвоката или педагога, а также, что у него не было возможности провести перекрестный допрос свидетелей, дающих показания против него в ходе указанного разбирательства.

Власти Российской Федерации утверждали, что статья 6 Конвенции неприменима к разбирательствам в настоящем деле. Они настаивали на том, что жалобы должны быть рассмотрены в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд не согласился с утверждениями Властей о том, что жалобы должны быть рассмотрены в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции.

Он отметил, что «...поскольку разбирательства в отношении заявителя включали установление вины в совершении преступления, то жалобы заявителя должны быть рассмотрены в контексте более широких гарантий, закрепленных в статье 6 Конвенции, а не в пункте 4 статьи 5...[Суд] не согласен с утверждением [В]ластей, что ситуация заявителя должна рассматриваться так же, как ситуация психически

больных подсудимых. В случае с психически больными подсудимыми рассмотрение может привести к их помещению в закрытые учреждения для прохождения лечения и предотвращения совершения ими новых преступлений. В таком случае речь не идет о каких-либо элементах наказания или сдерживания, в отличие от случая заявителя.» (пункт 181 постановления).

Таким образом, Суд пришел к выводу, что «...производство в отношении заявителя являлось уголовным производством в значении статьи 6 Конвенции» (пункт 182 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...поскольку требования пункта 3 статьи 6 должны рассматриваться как частные аспекты права на справедливое судебное разбирательство, гарантированного пунктом 1, он часто рассматривает жалобы на основании обоих положений в их совокупности» (пункт 194 постановления).

Суд обратил внимание на то, что «...уголовное судебное разбирательство должно быть организовано таким образом, чтобы были учтены наилучшие интересы ребенка. Крайне важно, чтобы с ребенком, обвиненным в совершении правонарушения, обращались так, чтобы в полной мере учитывать его возраст, уровень зрелости, а также интеллектуальные и эмоциональные способности, и данные шаги должны предприниматься для того, чтобы понять смысл разбирательства и принять в нем участие... Право несовершеннолетнего подсудимого принимать эффективное участие в уголовном производстве по его делу требует, чтобы [В]ласти обращались с ним, в полной мере принимая во внимание его уязвимость и способности с первых этапов его участия в уголовном расследовании и, в частности, при допросе полицией. Власти должны принимать меры, чтобы по мере возможности избавить ребенка от чувства запуганности и подавленности и обеспечить максимально полное понимание им характера расследования, его последствий, в том числе, тяжести наказаний, к которым он может быть приговорен, а также понимание им права на защиту, в частности, права хранить молчание» (пункт 195 постановления).

Европейский Суд указал на то, что «...[в] свете статуса несовершеннолетнего, в случаях, когда ребенок попадает в сферу системы уголовной юстиции, его процессуальные права должны быть гарантированы, а его вина или невиновность установлены в соответствии с требованиями проведения надлежащей процедуры и принципа законности, с учетом специфики деяния, которое он предположительно совершил. Ни при каких условиях ребенок не может быть лишен важных процессуальных гарантий на том лишь основании, что разбирательства, которые могут привести к лишению его свободы, в соответствии с внутригосударственным правом считаются

защищающими его интересы как ребенка и несовершеннолетнего правонарушителя, а не имеющими целью наказать его. Более того, особая забота должна быть проявлена для обеспечения того, чтобы придание ребенку правового статуса несовершеннолетнего правонарушителя не переносило внимание на статус как таковой, с изучения конкретного преступления, в котором его обвиняют, и необходимости предоставлять доказательства его вины в условиях справедливости. Участие ребенка-правонарушителя в рамках системы уголовной юстиции исключительно с точки зрения его статуса несовершеннолетнего правонарушителя, у которого нет юридического определения, не может считаться совместимым с надлежащим судопроизводством и принципом законности» (пункт 196 постановления).

В отношении оказания правовой помощи на досудебных стадиях разбирательства Суд подчеркнул «...важность стадии расследования для подготовки разбирательства уголовного дела в суде, поскольку доказательства, полученные в ходе указанной стадии, определяют рамки, в которых будет рассматриваться правонарушение» (пункт 198 постановления).

Суд постановил, что «...единственной надлежащей компенсацией повышенной уязвимости обвиняемого на первоначальных этапах допроса полицией может быть помощь адвоката, задачей которого, среди прочего, является содействие в обеспечении соблюдения права обвиняемого не свидетельствовать против себя. Это право фактически предполагает, что сторона обвинения стремится доказать свою версию по уголовному делу против обвиняемого, прибегая к доказательствам, полученным путем подавления и принуждения вопреки воле обвиняемого. Также важно защищать обвиняемого от принуждения со стороны органов власти и вносить вклад в предотвращение неверного отправления правосудия и обеспечения равноправия сторон» (пункт 198 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...заявителю по настоящему делу было всего двенадцать лет, когда сотрудники милиции доставили его в отделение милиции и стали допрашивать. То есть он не достиг возраста наступления уголовной ответственности, установленного Уголовным кодексом (четырнадцать лет) применительно к преступлению, в котором он обвинялся, а именно, вымогательству...[Е]му было необходимо особое обращение и защита со стороны органов власти...[Л]юбые меры, направленные против него, должны были исходить из его наилучших интересов... [Н]ачиная с момента задержания сотрудниками милиции, ему должны быть гарантированы как минимум те же права и гарантии, что и взрослым.

Более того, тот факт, что заявитель страдал от СДВГ, психического и неврологическо-поведенческого расстройства...сделал его особенно уязвимым и нуждающимся в особой защите» (пункт 203 постановления).

Суд установил, что «...на признаниях заявителя имеется отметка о том, что его информировали о праве не свидетельствовать против себя. Тем не менее, документ не содержит указаний на то, что заявитель был информирован о своем праве на участие защитника или иного лица в допросе, или о том, что кто-либо из указанных лиц присутствовал при допросе» (пункт 205 постановления).

Суд посчитал, что «...заявитель должен был ощущать себя запуганным и беззащитным во время пребывания в отделении милиции в одиночестве, а также в ходе допроса в незнакомой обстановке. Он...отказался от своих признательных показаний сразу после того, как его дед пришел в отделение милиции, и заявил о своей невинности...[П]ризнательные показания, сделанные в отсутствие адвоката, были не только использованы против заявителя в ходе разбирательства по вопросу его помещения в центр временного содержания, но и фактически послужили основанием...для того, чтобы внутригосударственные суды установили наличие в его действиях признаков вымогательства, тем самым давая основание для помещения его в центр» (пункт 208 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...отсутствие правовой помощи в ходе допроса заявителя сотрудниками милиции непоправимо нарушило права заявителя на защиту и отрицательно сказалось на справедливости всего судебного разбирательства...Следовательно, было допущено нарушение подпункта «с» пункта 3 и пункта 1 статьи 6 Конвенции» (пункты 209-210 постановления).

В отношении права заявителя на вызов и допрос свидетелей Суд отметил, что «...хотя назначенный судом защитник присутствовал на слушании в целях представления интересов заявителя, неясно, в какой момент она была назначена и насколько активно она защищала права заявителя...Власти фактически не приложили никаких усилий для того, чтобы обеспечить присутствие [свидетеля и его матери в суде], хотя Закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» закрепляет возможность заслушать свидетельские показания, что подтверждается [В]ластями. С учетом того, что заявителю по результатам разбирательств грозило лишение свободы на срок тридцать суток...обеспечение справедливости разбирательства являлось первоочередной задачей районного суда» (пункт 214 постановления).

Суд заключил, что «...отсутствовали какие-либо факторы, уравновешивающие невозможность для заявителя допросить [свидетеля

и его мать] на любом из этапов разбирательства...[З]аявителю не была предоставлена возможность тщательно изучить полученные следователем показания свидетелей... [З]аявитель не имел и впоследствии не получил возможности задать им вопросы. Более того, поскольку показания свидетелей, полученные следователем, не были записаны на видео, ни заявитель, ни судья не могли видеть их поведение во время допроса и, соответственно, сформировать собственное мнение о достоверности их показаний...[П]рава заявителя на защиту, в частности, право оспаривать свидетельские показания и допрашивать свидетелей, были ограничены в степени, несовместимой с гарантиями, предоставленными пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции» (пункты 215-216 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...несовершеннолетние лица, чье когнитивное и эмоциональное развитие в любом случае требует особого внимания, и, в частности, малолетние дети, не достигшие возраста наступления уголовной ответственности, заслуживают поддержки и помощи для защиты их прав при применении к ним принудительных мер, даже если они применяются под видом воспитательных мер...[Д]ля защиты наилучших интересов и благополучия ребенка должны применяться надлежащие процессуальные гарантии, особенно когда речь идет о свободе ребенка. Иной подход поставит детей в менее выгодное положение, чем взрослых в той же ситуации. В данной связи детям-инвалидам могут потребоваться дополнительные гарантии для обеспечения достаточной защиты... [Э]то не означает, что дети должны проходить полноценное уголовное разбирательство, их права должны быть защищены и обеспечены в адаптированных к возрасту условиях, соответствующих международным стандартам, в частности, Конвенции о правах ребенка...[З]аявителю не было обеспечено справедливое судебное разбирательство в рамках производства, приведшего к его помещению в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей в нарушение пункта 1 и подпунктов «с» и «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции» (пункты 219-220 постановления).

Вопросы административного выдворения

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека⁵

⁵ Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее – Пакт) и

Сообщение: *И. против Канады*. Сообщение № 2327/2014. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 10 марта 2016 г.

Тема сообщения: выдворение в Бангладеш.

Вопрос существа: произвольное задержание; дискриминация; недопустимость принудительного возвращения; статус беженца; право на жизнь; пытки.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на пункт 12 своего [3]амечания общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта, в котором он указывает на обязательство государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозместимого вреда, такого как предусмотренный в статьях 6 и 7 Пакта. Комитет отметил..., что опасность должна существовать лично для человека⁶ и что существует высокий порог для представления серьезных оснований для определения существования реальной опасности причинения непоправимого вреда. Таким образом, должны быть приняты во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, включая общее положение дел в области прав человека в стране происхождения автора⁷. Комитет напоминает, что за рассмотрение фактов и доказательств по делу для определения такой опасности, как правило, отвечают органы государств-участников, если только не может быть установлено, что такая оценка носит произвольный характер, явно содержит ошибку или представляет собой отказ в правосудии⁸ (пункт 10.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что ей будет угрожать жестокое обращение или смерть в случае ее высылки в Бангладеш из-за угроз со стороны С., чей друг и двое братьев убили ее собственного

Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признаёт компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под её юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

⁶ См., в частности, сообщение № 2393/2014, *К. против Дании*, Соображения, принятые 16 июля 2015 г., пункт 7.3; и сообщение № 2272/2013, *П.Т. против Дании*, Соображения, принятые 1 апреля 2015 г., пункт 7.2.

⁷ См. *Х. против Дании*, пункт 9.2; и сообщение № 1833/2008, *Х. против Швеции*, Соображения, принятые 1 ноября 2011 г., пункт 5.18.

⁸ См., в частности, *К. против Дании*, пункт 7.4.

брата. Комитет также принимает к сведению замечания государства-участника о том, что автору не удалось убедить внутренние директивные органы в том, что она лично была объектом преследования или может им стать в случае ее возвращения в Бангладеш. Комитет...принимает к сведению замечание государства-участника о том, что в функции Комитета не входит пересмотр оценки достоверности, сделанной внутренними директивными органами (пункт 10.2 Соображений).

Комитет принимает к сведению тот факт, что власти государства-участника после рассмотрения доказательств и устных показаний, представленных автором в ее ходатайстве о предоставлении статуса беженца и ходатайстве о проведении оценки риска перед высылкой (далее – ОРПВ), а также доказательств, касающихся положения в области прав человека в Бангладеш, пришли к выводу, что автор не доказала, что ей будет угрожать опасность в случае ее возвращения в Бангладеш. Отдел по защите беженцев постановил, что ее сведения относительно угроз, предположительно сделанных ей и ее матери после убийства ее брата, не заслуживают доверия; что в заявлениях других лиц, представленных ей для подтверждения того, что ей угрожали, она не упоминается; что она не представила никаких доказательств в поддержку своих заявлений о том, что у преследователей, якобы убивших ее брата, имеются влиятельные связи в судебных органах и в политической сфере; что отсутствуют доказательства того, что какие-либо лица использовали свои связи для того, чтобы повлиять на результаты судебного разбирательства по делу об этом убийстве или на последовавшее обжалование решения суда; и что ее утверждение о том, что власти Бангладеш не могут или не желают защитить ее от предполагаемых угроз, не подкреплено доказательствами. Комитет...отмечает, что, в частности, автор утверждает, что ее супруг и дети скрываются, но при этом она не ответила на замечание государства-участника о том, что несколько членов ее семьи, в том числе ее супруг, четверо из их пятерых детей и многочисленные тети, дяди и двоюродные братья и сестры проживают в Бангладеш, и что нет информации о том, что кому-либо из них может быть причинен вред от предполагаемых убийц брата автора. Принимая к сведению доклады, на которые ссылается автор в связи с коррупцией в Бангладеш, Комитет отмечает замечание государства-участника о том, что его директивными органами было установлено, что коррупция в Бангладеш «процветает», но при этом был сделан вывод о том, что нет достоверных доказательств, подтверждающих наличие опасности, угрожающей лично автору. Комитет считает, что утверждения автора, представленные властям государства-участника, были тщательно изучены Отделом по защите

беженцев и сотрудником, занимающимся оценкой риска до высылки (пункт 10.4 Соображений).

Отмечая серьезность диагностированных у автора посттравматического стрессового расстройства, депрессии и тревожного состояния, Комитет считает, что само по себе состояние здоровья автора, с учетом обстоятельств данного дела, недостаточно для обоснования опасности, которая, как утверждает автор, грозит ей в случае ее высылки в Бангладеш⁹. Хотя автор утверждает, что она не имела надлежащей возможности оспорить существование решения Отдела по защите беженцев в Федеральном суде, она не приводит конкретного основания для ее ходатайства о разрешении на проведение судебного пересмотра и не комментирует замечание государства-участника о том, что такие ходатайства одобряются в тех случаях, когда имеются «достаточные основания» или «вопрос, требующий внимательного изучения»¹⁰ (пункт 10.5 Соображений).

Комитет отмечает, что автор не выявила никаких нарушений в процессе принятия решения или каких-либо факторов риска, которые не были надлежащим образом учтены властями государства-участника. Комитет считает, что, хотя автор не согласна с фактологическими выводами властей государства-участника, она не доказала, что они были произвольными или явно ошибочными или представляли собой отказ в правосудии. В свете вышеизложенного Комитет не может сделать вывод о том, что имеющаяся в его распоряжении информация свидетельствует о том, что есть серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения автору непоправимого вреда, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 6 и в статье 7 Пакта¹¹. Настоящее решение принимается без ущерба для итогов рассмотрения ходатайства автора о предоставлении постоянного вида на жительство по соображениям гуманности и сострадания (пункт 10.6 Соображений).

Выводы Комитета: высылка автора в Бангладеш не будет представлять собой нарушения ее прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 6 или статьей 7 Пакта (пункт 11 Соображений).

⁹ См. сообщение № 2049/2011, *З. против Австралии*, Соображения, принятые 18 июля 2014 г., пункты 9.4 и 9.5; *Линь против Австралии*, пункты 2.3 и 9.4; и сообщения № 1315/2004, *Сингх против Канады*, Решение о неприемлемости, принятое 30 марта 2006 г., примечание 1 и пункт 6.3; и № 1897/2009, *С.И.Л. против Австралии*, Решение о неприемлемости, принятое 24 июля 2013 г., пункт 8.4.

¹⁰ См. *Х. против Канады*, пункт 9.5.

¹¹ См. пункт 12 Замечания общего порядка № 31.

Сообщение: *Абдилафир Абубакар Али и Маюл Али Мохамад против Дании.* Сообщение № 2409/2014. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 29 марта 2016 г.

Тема сообщения: выдворение в Италию.

Вопрос существа: пытки, жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение авторов о том, что депортация их самих и их двоих несовершеннолетних детей в Италию в соответствии с содержащимся в Дублинском регламенте принципом «первой страны, предоставившей убежище» подвергнет их реальной опасности причинения непоправимого вреда в нарушение статьи 7 Пакта. Авторы основывают свои доводы, в частности, на том, как с ними на практике обращались после получения ими разрешения на проживание в Италии, а также на отмеченных в различных докладах общих условиях приема просителей убежища и беженцев, прибывающих в Италию (пункт 7.2 Соображений).

Комитет отмечает, что авторы в соответствии с их собственными неопровергнутыми утверждениями жили в приемном центре в период с июня 2011 года по январь 2012 года, когда им было предложено выехать без предоставления альтернативного жилья, одновременно с рождением их сына 21 декабря 2011 г. Впоследствии они жили на улицах и на вокзалах и питались тем, что предоставляли церкви. Таким образом, они остались без крыши над головой и без средств к существованию. Комитет...отмечает утверждения авторов о том, что их новорожденный сын не получил медицинской помощи, которая была ему необходима при рождении, несмотря на запросы, направленные в компетентные органы. Опасаясь того, что они будут не в состоянии обеспечить своего ребенка и найти гуманитарное решение их ситуации, авторы покинули Италию и направились в Данию, где в июне 2012 года они подали ходатайство о предоставлении убежища. Авторы – просители убежища с двумя несовершеннолетними детьми – в настоящее время находятся в крайне уязвимом положении (пункт 7.4 Соображений).

Комитет принимает к сведению представленные авторами доклады, в которых засвидетельствован дефицит мест в итальянских центрах приема просителей убежища и лиц, возвращаемых согласно Дублинскому регламенту. Комитет отмечает, в частности, утверждение авторов о том, что возвращаемые лица, которым уже была предоставлена форма защиты и которые воспользовались услугами приемных центров в Италии, как и они сами, на практике не имеют

права на проживание в центрах для просителей убежища¹² (пункт 7.5 Соображений).

Комитет принимает к сведению вывод Комиссии по рассмотрению апеллаций беженцев о том, что в рамках данного дела Италию следует рассматривать в качестве первой страны, предоставившей убежище, а также позицию государства-участника, согласно которой первая страна, предоставившая убежище, обязана обеспечивать просителям убежища осуществление основных прав человека, хотя она не обязана обеспечивать для таких лиц такие же социальные стандарты и условия жизни, как для граждан страны. Он...отмечает, что государство-участник сослалось на решение Европейского [С]уда по правам человека, в котором сказано, что, хотя положение в Италии характеризуется определенными недостатками, доказательств того, что «просителям убежища систематически не обеспечиваются поддержка и надлежащие условия», представлено не было¹³ (пункт 7.6 Соображений).

Комитет считает, что в выводе государства-участника не учтена должным образом представленная авторами информация, основанная на их собственном опыте, согласно которой, несмотря на выданное им разрешение на проживание в Италии, они столкнулись там с невыносимыми условиями жизни... Комитет отмечает, что государство-участник не объясняет, каким образом в случае возвращения в Италию полученные разрешения на проживание смогут реально защищать их самих и их двоих несовершеннолетних детей, один из которых нуждается в последующем наблюдении врачей, от исключительных трудностей и лишений, с которыми они уже сталкивались в Италии¹⁴ (пункт 7.7 Соображений).

[Г]осударства-участники должны придавать достаточное значение реальной и личной угрозе, которой лицо может подвергнуться в случае депортации¹⁵, и считает, что государство-участник было обязано провести более тщательную оценку той угрозы, которой лично авторы могли подвергнуться в Италии, а не полагаться на доклады общего характера и на предположение о том, что поскольку в прошлом им уже была предоставлена дополнительная защита, то значит, в принципе, они будут иметь право на дополнительную защиту и теперь. Комитет считает, что государство-участник не приняло во внимание должным

¹² См. www.asylumineurope.org/sites/default/files/report-download/aida_italy_thirdupdate_final_0.pdf.

¹³ См. *Самсам Мохаммед Хуссейн и др. против Нидерландов и Италии*, пункт 78.

¹⁴ См. сообщение № 2360/2014, *Варда Осман Йасин против Дании*, Соображения, принятые 22 июля 2015 г., пункт 8.8.

¹⁵ См., например, сообщение № 1763/2008, *Пиллаи против Канады*, Соображения, принятые 25 марта 2011 г., пункты 11.2 и 11.4.

образом особую уязвимость авторов, которые, несмотря на их право на дополнительную защиту, остаются без крыши над головой и не в состоянии обеспечить себя в отсутствие какой-либо помощи со стороны итальянских властей, включая медицинскую помощь, необходимую для их новорожденного сына. Оно также не запросило у итальянских властей надлежащих гарантий того, что авторы и их двое несовершеннолетних детей будут приняты в условиях, совместимых с их статусом просителей убежища, которые имеют право на временную защиту, и гарантиями по статье 7 Пакта; оно не обратилось к Италии с просьбой гарантировать: а) повторную выдачу или продление их разрешений на проживание¹⁶ и выдачу разрешений на проживание их детям, а также не депортировать их из Италии; и б) принять авторов и их детей в условиях, адаптированных к возрасту детей и уязвимому положению семьи, что позволило бы им остаться в Италии¹⁷ (пункт 7.8 Соображений).

Выводы Комитета: депортация авторов и их двоих детей в Италию будет представлять собой нарушение их прав, предусмотренных статьей 7 Пакта (пункт 8 Соображений).

Сообщение: *А и Б против Дании*. Сообщение № 2291/2013. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 13 июля 2016 г.

Тема сообщения: выдворение авторов в Пакистан.

Вопрос существа: опасность подвергнуться пыткам нарушение права на свободу религии в случае возвращения в страну происхождения; справедливое судебное разбирательство.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает во внимание заявление авторов о том, что в случае их высылки в Пакистан им будет грозить жестокое обращение или лишение жизни ввиду их принадлежности к общине ахмадитов; и что государственные власти в Пакистане не смогут защитить их от преследования, поскольку ахмадитская религия в соответствии с внутренним правом считается уголовным преступлением. Комитет...принимает во внимание замечания государства-участника, в частности, о том, что не существует свидетельств, позволяющих считать, что в Пакистане они были специально выбраны в качестве объекта угроз, и что решение Апелляционного совета по делам беженцев было вполне обоснованным и базировалось на всеобъемлющем и

¹⁶ Принимая во внимание утверждение авторов о том, что они потеряли свои разрешения на проживание.

¹⁷ См. сообщение № 2360/2014, *Варда Осман Йасин против Дании*, Соображения, принятые 22 июля 2015 г., пункт 8.9.

тщательном рассмотрении доказательств по данному делу и на текущей информации, касающейся положения ахмадитов в Пакистане (пункт 8.2 Соображений).

Комитет отмечает, что власти государства-участника, рассмотрев свидетельства, представленные авторами в их ходатайстве о предоставлении убежища, а также в ходе собеседований с ними и во время устных слушаний, пришли к тому заключению, что авторы не доказали, что по возвращении в Пакистан им лично будет грозить опасность причинения вреда. Комитет, в частности, отмечает, что Апелляционный совет по делам беженцев принял во внимание утверждение авторов на тот счет, что начиная с июня 2012 года они получали письма с угрозами и что примерно в то же время неизвестными лицами на стене их дома был начерчен крест. Совет заключил, что ситуация, с которой авторы могут столкнуться, является не настолько серьезной, чтобы свидетельствовать о вполне обоснованных опасениях подвергнуться преследованию со стороны властей или частных лиц вследствие религиозных убеждений авторов. Он отметил, что ахмадитов в Пакистане насчитывается от 2 до 4 миллионов и что пакистанское законодательство существенно ограничило их возможность исповедовать свою веру. Вследствие этого ахмадиты нередко подвергаются угрозам и злостному преследованию со стороны некоторых других групп. Однако Совет заключил, что авторы не обосновали свое утверждение на тот счет, что в Пакистане они столкнутся с конкретной и прямой для них опасностью преследования или жестокого обращения. Притеснения, которым подверглись авторы, имели «ограниченную степень серьезности», поскольку они получали угрозы только в течение ограниченного периода времени до их отъезда из Пакистана... [Т]акие анонимные угрозы имели характер, аналогичный характеру угроз, с которыми сталкиваются многие ахмадиты. Совет также принял во внимание заявление автора-женщины о том, что сыновья авторов все еще живут в том же доме в Лахоре, в котором жили авторы, продолжают работать в семейном бизнесе и не подвергаются злостному преследованию после отъезда авторов из Пакистана (пункт 8.4 Соображений).

Комитет...принимает во внимание заключения Совета относительно того, что, хотя ахмадиты в Пакистане нередко подвергаются угрозам и злостному преследованию со стороны других групп, оба автора заявляли в процессе внутреннего разбирательства, что никто им устно не угрожал и не было никаких личных подходов с угрозами. Комитет...принимает во внимание заявления авторов, содержащиеся в их ходатайстве о предоставлении убежища и в сообщении, согласно которым они в трех случаях были объектом

инцидентов в трех районах за пределами Лахора, но отмечает, что они не предоставили дополнительных подробностей об этих инцидентах ни Комитету, ни датским властям. Хотя авторы сообщения утверждают, что один из их сыновей был вынужден покинуть Пакистан, эта информация не была доведена до сведения датских властей, и авторы не предоставляют никакой дополнительной информации об обстоятельствах, связанных с отъездом их сына (пункт 8.5 Соображений).

Комитет считает, что авторы не отметили каких-либо нарушений в процессе принятия решений или какой-либо фактор риска, который власти государства-участника не приняли должным образом во внимание. Хотя авторы не согласны с заключениями властей государства-участника по фактической стороне дела, они не смогли доказать, что такие заключения были произвольными или откровенно ошибочными либо сводились к отказу в правосудии. В свете вышеизложенного Комитет не может сделать вывод о том, что представленная ему информация подтверждает, что в случае высылки авторов в Пакистан им будет грозить личная и реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему пункту 1 статьи 6 или статье 7 Пакта (пункт 8.6 Соображений).

Выводы Комитета: высылка авторов в Пакистан не будет являться нарушением их прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 6, статьями 7 или 18 Пакта (пункт 9 Соображений).

Комитет против пыток¹⁸

Сообщение: *Р.К. против Австралии*. Сообщение № 609/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 11 августа 2016 г.

Тема сообщения: выдворение в Шри-Ланку.

Вопрос существа: отказ от высылки; угроза применения пыток по возвращении в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета: [п]ри оценке этой опасности¹⁹ Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу

¹⁸ Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

обстоятельства согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Вместе с тем Комитет напоминает, что цель такой оценки состоит в том, чтобы установить, будет ли соответствующему лицу лично угрожать предсказуемая и реальная опасность быть подвергнутым пыткам в стране, в которую он или она подлежит возвращению. Из этого следует, что существование практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в какой-либо стране само по себе не является достаточным основанием полагать, что конкретному лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в эту страну; в подтверждение того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу, должны быть приведены дополнительные основания. Верно и обратное: отсутствие вопиющих и систематических нарушений прав человека не означает, что тому или иному лицу в тех или иных конкретных обстоятельствах не может угрожать применение пыток²⁰ (пункт 8.3 Решения).

Комитет ссылается на свое [З]амечание общего порядка № 1 (1997) по вопросу об осуществлении статьи 3 Конвенции, в соответствии с которым при оценке степени угрозы применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности (пункт 6), Комитет напоминает, что бремя доказывания обычно лежит на заявителе, который должен аргументированно изложить, что ему или ей угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность²¹. Хотя в соответствии с положениями своего [З]амечания общего порядка № 1 Комитет правомочен оценивать факты с учетом всех обстоятельств каждого конкретного дела, он в значительной степени опирается на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника (пункт 9)²² (пункт 8.4 Решения).

[Н]аличие постоянной практики грубых нарушений прав человека в стране происхождения лица само по себе не является достаточным

¹⁹ Комитет должен был оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что после возвращения в Шри-Ланку заявителю будет лично угрожать опасность применения пыток.

²⁰ См. сообщение № 550/2013, *С.К. и другие против Швеции*, Решение, принятое 8 мая 2015 г., пункт 7.3.

²¹ Сообщение № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, Решение, принятое 14 ноября 2003 г., пункт 7.3.

²² Сообщение № 356/2008, *Н.С. против Швейцарии*, Решение, принятое 6 мая 2010 г., пункт 7.3.

основанием для того, чтобы заключить, что какому-либо лицу лично угрожает опасность подвергнуться пыткам по возвращении в страну²³.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что он будет задержан и подвергнут пыткам в случае возвращения в Шри-Ланку как получивший отказ проситель убежища и по причине его связей или связей его родственников с ТОТИ. Комитет... отмечает утверждение государства-участника о том, что заявитель не смог обосновать *prima facie*²⁴ свое дело для целей приемлемости, поскольку он не представил заслуживающих доверия сведений и не обосновал заявление о существовании предсказуемой, реальной и личной опасности подвергнуться пыткам со стороны властей в случае его возвращения в Шри-Ланку. Государство-участник также заявило, что утверждения заявителя были тщательно рассмотрены компетентными национальными органами и судами в соответствии с внутренним законодательством и что было принято во внимание нынешнее положение в области прав человека в Шри-Ланке (пункт 8.5 Решения).

Комитет ссылается на свои заключительные замечания по объединенным третьему и четвертому периодическим докладам Шри-Ланки, в которых он выразил серьезную обеспокоенность в связи с сообщениями о том, что практика пыток и жестокого обращения со стороны государственных субъектов в Шри-Ланке, как военных, так и полиции, продолжается во многих частях страны и после завершения конфликта с «Тиграми освобождения Тамил-Ислама» (далее – ТОТИ) в мае 2009 года²⁵... Комитет ссылается на свои заключительные замечания по пятому периодическому докладу Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, в которых он обратил внимание на факты, свидетельствующие о том, что некоторые тамилы из Шри-Ланки стали жертвами пыток и жестокого обращения после их принудительной или добровольной высылки из государства-участника в Шри-Ланку²⁶. Комитет... ссылается на предварительные замечания и рекомендации Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, сделанные по итогам его официальной поездки в Шри-Ланку, проведенной совместно со Специальным докладчиком по вопросу о независимости судей и адвокатов с 29 апреля по 7 мая 2016

²³ См., например, сообщения № 426/2010, *Р.Д. против Швейцарии*, Решение от 8 ноября 2013 г., пункт 9.2; № 591/2014, *К. против Австралии*, Решение от 25 ноября 2015 г., пункт 10.11.

²⁴ На первый взгляд (лат.).

²⁵ См. САТ/С/LKA/CO/3-4, пункт 6.

²⁶ См. САТ/С/GBR/CO/5, пункт 20.

г., в которых было отмечено, что «пытки являются распространенной практикой» и что «действующие правовые рамки и отсутствие реформ в структурах вооруженных сил, полиции, прокуратуры и судебных органов сохраняют реальную опасность того, что практика применения пыток будет продолжаться²⁷». Комитет принимает к сведению также опубликованные неправительственные организации (далее – НПО) и заслуживающие доверия доклады относительно обращения шриланкийских властей с возвращенными в Шри-Ланку лицами²⁸. Комитет считает, что все вышеупомянутые доклады свидетельствуют о том, что жителям Шри-Ланки тамильского этнического происхождения, которые ранее имели личные или семейные связи с ТОТИ и которым предстоит принудительное возвращение в Шри-Ланку, может угрожать опасность применения пыток²⁹ (пункт 8.6 Решения).

В настоящем сообщении Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что один из его братьев был убит в 2001 году в связи с его предполагаемыми связями с ТОТИ и что сам заявитель подозревается в поддержке ТОТИ, поскольку он шил одежду для членов ТОТИ. В то же время Комитет отмечает, что заявитель не представил никаких конкретных сведений о роли его брата в ТОТИ и никаких сообщений о каких бы то ни было преследованиях, которым бы подвергались либо сам заявитель, либо его родственники в связи со связями его брата с ТОТИ, особенно с учетом того, что с начала конфликта армия Шри-Ланки базировалась на части их земельных владений. Комитет... отмечает, что с 2001 года, когда был убит его брат, заявитель прожил в Шри-Ланке восемь лет, прежде чем отправился в Индию из аэропорта, имея при себе действительный паспорт и визу. Кроме того, в материалах дела нет никакой информации о том, что заявитель когда-либо подвергался аресту, пыткам или преследованиям со стороны властей или что они разыскивали его до или после его отъезда в 2009 году.

²⁷См. предварительные Замечания и рекомендации Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, г-н Хуана Э. Мендеса, по итогам официального совместного визита в Шри-Ланку 29 апреля – 7 мая 2016 г. (Коломбо, 7 мая 2016 г.).

²⁸ See Freedom from Torture, *Tainted Peace: Torture in Sri Lanka since May 2009*, August 2015, available at

http://www.freedomfromtorture.org/sites/default/files/documents/sl_report_a4_-_final-f-b-web.pdf; and Yasmin Sooka, The Bar Human Rights Committee of England and Wales (BHRC) and The International Truth and Justice Project, Sri Lanka, *An Unfinished War, Torture and Sexual Violence in Sri Lanka 2009-2014*, March 2014, доступен http://www.barhumanrights.org.uk/sites/default/files/documents/news/an_unfinihsed_war._torture_and_sexual_violence_in_sri_lanka_2009-2014_0.pdf.

²⁹ См. сообщение № 628/2014, *Дж. Н. против Дании*, Решение, принятое 13 мая 2016 г., пункт 7.9.

Родственники заявителя по-прежнему проживают в своем семейном доме в Тринкомали, и заявитель не сообщал о каких-либо проблемах, с которыми они могли столкнуться после того, как он покинул страну. Заявитель не представил причин, по которым власти могли начать интересоваться его личностью спустя 15 лет после смерти его брата. В этой связи Комитет приходит к выводу о том, что заявитель не представил доказательств каких-либо связей с ТОТИ, которые могли бы привести к возникновению личной опасности применения в его отношении пыток в Шри-Ланке (пункт 8.7 Решения).

Комитет напоминает, что в соответствии со своим [3]амечанием общего порядка № 1 бремя аргументированного изложения дела лежит на заявителе (пункт 5). По мнению Комитета, в данном случае заявителю не удалось успешно справиться с этой задачей³⁰ (пункт 8.8 Решения).

Выводы Комитета: высылка заявителя в Шри-Ланку государством-участником не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 9 Решения).

Сообщение: *П.А. против Нидерландов.* Сообщение № 611/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 2 мая 2016 г.

Тема сообщения: выдворение в Казахстан.

Вопрос существа: угроза пыток по возвращению в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета: существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человек в стране само по себе не является достаточной причиной для определения того, что конкретному лицу будет угрожать опасность применения пыток по возвращении в эту страну³¹. С другой стороны, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что данное лицо не может стать жертвой пыток (пункт 8.2 Решения).

Ссылаясь на свое [3]амечание общего порядка № 1 (1977) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (*refoulement* и сообщения), Комитет вновь подтверждает, что опасность применения пыток должна оцениваться на основаниях, выходящих за рамки умозрительных построений или подозрений. Хотя такая опасность не должна отвечать критерию «высокой степени вероятности», она должна

³⁰См. сообщение № 429/2010, *Сивагнанаратнам против Дании*, Решение, принятое 11 ноября 2013 г., пункты 10.5–10.6.

³¹См. сообщение № 428/2010, *Калиниченко против Марокко*, Решение от 25 ноября 2011 г., пункт 15.3.

быть личной, существующей, предсказуемой и реальной (пункт 8.3 Решения).

Комитет напоминает свою правовую практику, в соответствии с которой опасность применения пыток должна оцениваться на основаниях помимо чисто умозрительных построений, и указывает, что, как правило, именно заявитель должен обосновывать свое дело³² (пункт 8.9 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению представленные заявителем медицинские доказательства, согласно которым у него был диагностирован посттравматический стрессовый синдром и он страдает тяжелой депрессией. Комитет принимает к сведению, что, по мнению заявителя, власти государства-участника не приняли во внимание представленные им подтверждающие медицинские доказательства при оценке его прошений о предоставлении убежища, пусть даже такие доказательства были представлены на более позднем этапе (пункт 8.4 Решения).

Комитет...исходит из того, что, даже если он согласится с утверждением, что заявитель в прошлом подвергался пыткам, вопрос состоит в том, угрожает ли ему до сих пор опасность применения пыток в Казахстане (пункт 8.5 Решения).

Комитет...отмечает, что, по мнению заявителя, государство-участник не приняло во внимание его особые обстоятельства, включая его этническую и религиозную принадлежность. Кроме того, по утверждениям заявителя, он опасается, что в случае его возвращения исламские экстремисты, которые уже завербовали одного из его сыновей, будут его преследовать и попытаются завербовать второго его сына. Заявитель считает, что сотрудники полиции и правоохранительных органов в целом, которые жестоко обращались с ним в прошлом, поступят с ним аналогичным образом в случае его возвращения в Казахстан (пункт 8.6 Решения).

Комитет отмечает, что заявитель всего лишь сообщил властям государства-участника, что боялся подвергнуться пыткам в случае возвращения в Казахстан, утверждая, что он подвергался пыткам в прошлом и он вновь станет объектом преследований. Комитет при этом отмечает, что государство-участник не оспаривает факты в изложении заявителя. Комитет подчеркивает, что государство-участник, не ставя под сомнение утверждения заявителя, вместо этого полагает, что он не

³²См. сообщения № 298/2006, *С.А.Р.М. и др. против Канады*, Решение от 18 мая 2007 г., пункт 8.10; № 256/2004, *М.З. против Швеции*, Решение от 12 мая 2006 г., пункт 9.3; № 214/2002, *М.А.К. против Германии*, Решение от 12 мая 2004 г., пункт 13.5; № 150/1999, *С.Л. против Швеции*, Решение от 11 мая 2001 г., пункт 6.3; и № 347/2008, *Н.Б.-М. против Швейцарии*, Решение от 14 ноября 2011 г., пункт 9.9.

доказал, что вновь станет объектом преследований в случае возвращения в Казахстан (пункт 8.7 Решения).

Комитет...принимает к сведению некоторые неопровержимые факты, в частности тот факт, что в Казахстане существует значительное русское меньшинство, особенно в северных районах страны; что заявитель, будучи христианином по рождению, признал, что является атеистом; и что заявитель не доказал, что его разыскивают власти Казахстана и что в случае возвращения он станет объектом преследований со стороны властей. Кроме того, заявитель не представил никаких разъяснений относительно его местонахождения в период с 2002 по 2012 год и не указал, сталкивался ли он в это время с какими-либо угрозами пыток или посягательствами. Комитет принимает к сведению, что определенные сообщения о преследованиях, которые упоминаются в сообщении, связаны с делами религиозных активистов, в то время как заявитель не проводил никакой общественной деятельности, за которую он мог бы быть подвергнут преследованиям (пункт 8.8 Решения).

С учетом всей представленной сторонами информации, в том числе об общем положении в области прав человека в Казахстане, Комитет считает, что заявитель не представил достаточных доказательств, позволяющих ему сделать вывод о том, что его высылка в Казахстан подвергнет его предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции (пункт 8.9 Решения).

Выводы Комитета: возвращение заявителя в Казахстан не будет представлять собой нарушение государством-участником статьи 3 Конвенции (пункт 9 Решения).

См. также *К.Б. против Российской Федерации*. Сообщение № 2193/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 10 марта 2016 г. Выдача в Кыргызстан; *В.Д. против Российской Федерации*. Сообщение № 2198/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 30 марта 2016 г. Выдача в Беларусь.

Условия содержания в местах лишения свободы

См. *Аннакурбан Аманулычев против Туркменистана*. Сообщение №2078/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 31 марта 2016 г.; *К.Б. против Российской Федерации*. Сообщение № 2193/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 10 марта 2016 г.

***Оказание (неоказание) надлежащей медицинской помощи
лишенным свободы лицам***

См. постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № **48023/06 «Васенин против России»**, а также постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № **47152/06 «Блохин против России»**.

См. также *Азимжан Аскарров против Кыргызстана*. Сообщение №2231/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 31 марта 2016 г.

***В сфере гражданского, административного судопроизводства,
а также судопроизводства в арбитражных судах Российской
Федерации***

***Участие лишенного свободы лица в судебном разбирательстве по
гражданскому делу***

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам №№ **38054/05, 38092/05, 2178/07, 21770/07, 4708/09, 46303/10, 70688/10, 30537/11 и 43594/11 «Барков и другие против России»** (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), которым установлено нарушение статьи 6 Конвенции в связи с несоблюдением судами принципа состязательности сторон ввиду необеспеченна личного участия заявителей, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, в судебных заседаниях по рассмотрению их гражданских исков.

Заявители жаловались на то, что их право на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное пунктом 1 статьи 6 Конвенции, было нарушено в связи с отклонением апелляционными судами их ходатайств о личном присутствии в зале суда.

Европейский Суд отметил, что «...заявителям не было дано разрешение на личное присутствие в зале суда по причине отсутствия какой-либо правовой нормы, делающей их присутствие обязательным... [О]тсутствие законодательства о присутствии заключенных на слушаниях не может являться достаточным основанием для лишения их права на личное присутствие в зале суда... Вопреки утверждению властей о том, что заявители могли бы эффективно представить объяснения по своим делам в судах, поскольку все они были

надлежащим образом проинформированы о дате проведения слушаний, одного лишь информирования заявителей о датах апелляционных слушаний было явно недостаточно в ситуации, когда текущее состояние национального законодательства в действительности не позволяло им лично присутствовать в зале суда» (пункт 19 постановления).

Суд установил, что «...[в] настоящих делах суды апелляционной инстанции не проверяли, требовал ли характер соответствующих гражданских споров дачи показаний лично заявителями, и имело ли их непосредственное присутствие в зале суда существенное значение для обеспечения справедливости судебного разбирательства в целом. Таким образом, апелляционный суд отказал заявителям в праве лично присутствовать на слушаниях вне зависимости от существа соответствующих разбирательства и не известил их о данном решении в достаточной мере заблаговременно» (пункт 20 постановления).

Суд также указал на то, что «...эффективное участие заявителей в апелляционных слушаниях также могло быть обеспечено путем процессуальных механизмов, таких как, например, средства видеосвязи или проведение выездного заседания... Апелляционные суды вообще не рассматривали данные варианты и приступили к слушанию соответствующих дел, по сути не информируя заявителей о возможных способах компенсировать их отсутствие в зале суда. В результате заявители не могли принять решение о дальнейшем плане защиты своих прав и были лишены возможности эффективно представить свои объяснения по делу в апелляционных судах в нарушение статьи 6 Конвенции» (пункт 21 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...отказав заявителям на основании недостатков национального законодательства в представлении возможности присутствовать на апелляционных слушаниях по гражданским делам, сторонами которого они являлись, и не став рассматривать соответствующие процессуальные механизмы, позволяющие обеспечить заслушивание доводов заявителей, национальные суды не выполнили свои обязательства по обеспечению соблюдения принципа справедливого судебного разбирательства, закрепленного в статье 6 Конвенции... Таким образом, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции» (пункты 22–23 постановления).

Отмена вступившего в законную силу судебного постановления

Практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступило постановление Европейского Суда, содержащее констатацию нарушения Российской Федерацией положений статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с нарушением принципа правовой определенности ввиду отмены в порядке надзора президиумами областных и приравненных к ним судов вынесенных в пользу заявителей и вступивших в силу судебных постановлений. Постановление по жалобам №№ 20750/04, 39413/07 и 39657/07 «Мирошников и другие против России» (вынесено и вступило в силу 27 сентября 2016 г.).

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Право лица не подвергаться жестокому обращению со стороны сотрудников правоохранительных органов. Право на эффективное расследование указанных случаев

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Аннакурбан Аманулычев против Туркменистана.* Сообщение № 2078/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 31 марта 2016 г.

Предмет сообщения: применение пыток; отказ в процессуальных гарантиях справедливого судебного разбирательства.

Вопрос существа: пытки, семейные права, права на частную жизнь, условия содержания под стражей, произвольный арест, содержание под стражей.

Правовые позиции Комитета: заключенным должно быть разрешено, под должным надзором, через регулярные промежутки времени и без постороннего вмешательства³³ переписываться с их семьями и друзьями, как того требуют Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), которые также предусматривают возможность общаться «посредством письменной переписки» (правило 58) (пункт 7.5 Соображений).

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 32, в котором он подчеркивает, что все судебные разбирательства по

³³ См. сообщение № 74/1980, *Эстрелья против Уругвая*, Соображения, принятые 29 марта 1983 г., пункт 9.2.

уголовным делам или же в каком-либо гражданском процессе в принципе должны проводиться устно и быть открытыми для публики и что публичность слушаний обеспечивает транспарентность судопроизводства и тем самым служит важной гарантией интересов отдельных лиц и общества в целом³⁴ (пункт 7.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению жалобы по статье 7 Пакта о том, что автор подвергался физическому и психологическому давлению с целью заставить его признаться в совершении преступления. Комитет отмечает, что эти утверждения не были опровергнуты государством-участником. Комитет напоминает о том, что государство-участник обязано оперативно и беспристрастно расследовать жалобу на жестокое обращение в нарушение статьи 7³⁵. В этих обстоятельствах Комитет принимает решение о необходимости придания утверждениям автора должного значения. Соответственно, Комитет заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по статье 7 Пакта (пункт 7.2 Соображений).

Комитет...принимает к сведению заявление автора о том, что было нарушено также его право, предусмотренное пунктом 1 статьи 9, поскольку в течение трех дней, с 17 по 21 июня 2006 г. его незаконно содержали под стражей в нарушение положений Уголовно-процессуального кодекса Туркменистана. До 21 июня 2006 г. он содержался под стражей, не имея возможности инициировать какую-либо судебную процедуру, с тем чтобы оспорить законность и добиться отмены решения о его задержании, при этом его родственники не были проинформированы о его местонахождении в нарушение его прав по статьям 53 и 100 Уголовно-процессуального кодекса. В отсутствие каких-либо разъяснений со стороны государства-участника Комитет постановляет с должным вниманием отнестись к утверждениям автора. Исходя из этого, Комитет приходит к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по пункту 1 статьи 9, Пакта (пункт 7.3 Соображений).

Что касается утверждения автора в отношении того, что, хотя слушания были официально объявлены открытыми, ни одному из его друзей или родственников или членов неправительственных организаций (далее – НПО) не было разрешено присутствовать в зале суда.... В данном деле автор утверждает, что его друзьям и родственникам, а также представителям общественности, включая, в

³⁴ См. там же, пункт 28.

³⁵ См. Замечание общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 14.

частности, членов НПО и представителей посольств, не было разрешено присутствовать на судебном слушании. В условиях отсутствия другой относящейся к делу информации от государства-участника Комитет полагает, что утверждения автора следует уделить должное внимание. Исходя из этого, Комитет приходит к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по [пункту 1 статьи 14] Пакта (пункт 7.4 Соображений).

Отмечая, что государство-участник конкретно не опровергло утверждений автора, касающихся нарушения его прав в течение первых двух лет его заключения, Комитет приходит к выводу о том, что факты, представленные автором, свидетельствуют о нарушении его прав согласно статье 17, пункт 1, Пакта (пункт 7.5 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статьи 7, пункта 1 статьи 9, пункта 1 статьи 14, пункта 1 статьи 17 Пакта (пункт 8 Соображений).

Сообщение: *Азимжан Аскарлов против Кыргызстана*. Сообщение №2231/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 31 марта 2016 г.

Предмет сообщения: применение пыток; отказ в процессуальных гарантиях справедливого судебного разбирательства.

Вопрос существа: пытки, семейные права, права на частную жизнь, условия содержания под стражей, произвольный арест, содержание под стражей.

Правовые позиции Комитета: уголовное расследование и последующее привлечение к ответственности представляют собой необходимые средства восстановления нарушенных прав человека, таких как права, защищаемые статьей 7 Пакта³⁶ (пункт 8.3 Соображений).

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 35 (2014) о свободе и безопасности личности, согласно которому арест по смыслу статьи 9 не обязательно должен быть связан с официальным арестом, как тот определяется в законодательстве государства. В соответствии с требованиями Пакта никто не может быть лишен свободы, иначе как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом (пункт 8.4 Соображений).

Комитет напоминает, что в соответствии с его давней юриспруденцией статья 14 Пакта гарантирует право обвиняемых

³⁶ См. Замечание общего порядка Комитета № 20 (1992) о запрещении пыток и жестокого обращения или наказания, пункт 14; а также его Замечание общего порядка № 31 (2004) о характере общих юридических обязательств, налагаемых на государства-участники Пакта, пункт 18.

вызывать и допрашивать свидетелей. Эта гарантия имеет важное значение для обеспечения действенной защиты обвиняемых и оказания им юридической помощи и, таким образом, гарантирует обвиняемому те же юридические правомочия вызывать и проводить допрос или перекрестный допрос любых свидетелей, которые имеются у обвинения³⁷ (пункт 8.6 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает во внимание утверждения автора, что в ряде случаев он был подвергнут пыткам и другому жестокому обращению. Комитет отмечает, что результаты судебно-медицинских освидетельствований, проведенных независимыми экспертами, согласуются с другими доказательствами, указывающими на то, что автор подвергался пыткам. Комитет... отмечает, что государство-участник, опросив более 100 свидетелей (большинство из них – сотрудники милиции, судебные работники и сотрудники прокуратуры), лишь заключает, что утверждения автора «не подтвердились». Комитет... [подчеркивает], что автор содержался в том же отделении милиции в Базар-Коргоне, где служил погибший сотрудник милиции³⁸, что влекло за собой повышенный риск жестокого обращения, но никаких особых мер безопасности для защиты автора принято не было. Комитет считает, что в обстоятельствах данного дела и, в частности, в свете того, что государство-участник не дало объяснений по поводу заметных следов жестокого обращения, которые неоднократно видели свидетели, утверждениям автора следует придавать соответствующий вес (пункт 8.2 Соображений).

По поводу обязательства государства-участника надлежащим образом расследовать утверждения автора о пытках... Комитет отмечает, что материалы дела не позволяют заключить, что расследование утверждений о пытках было проведено незамедлительным и действенным образом и были выявлены любые подозреваемые, несмотря на ряд инкриминирующих свидетельских показаний³⁹. В данном случае в расследовании, проведенном в 2013 году, хотя оно и было обширным, отсутствовал элемент беспристрастности, поскольку следователи, опросившие более 100 сотрудников правоохранительных органов, судью, секретарей суда и сотрудников прокуратуры, не опросили автора, защитников, правозащитников, которые имели свидание с автором в

³⁷ См. Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, пункт 39.

³⁸ Заявитель обвинялся в убийстве сотрудника милиции.

³⁹ Комитет также отмечает, что в объяснение утверждений автора о жестоком обращении государство-участник ссылается на заключение трех психиатров, что автор «лгун; заискивающий человек».

период его содержания под стражей, и его родственников. Комитет отмечает сообщение государства-участника, что им был проведен опрос автора. Однако оно не сообщило о результатах опроса и не представило его протокола. В обстоятельствах данного дела Комитет приходит к выводу, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по статье 7 Пакта, в отдельном прочтении и в сочетании с пунктом 3 статьи 2 (пункт 8.3 Соображений).

Комитет... отмечает утверждение автора согласно пункту 1 статьи 9 Пакта, что он был произвольно задержан с 15 по 16 июня 2010 г. Автор также утверждает, что цель задержания заключалась в том, чтобы сотрудники милиции могли пытать его. Государство-участник утверждает, что автор был сначала допрошен только как свидетель и был официально арестован 16 июня. [П]ри этом государство-участник категорически отрицает, что оно задержало автора в ту ночь, несмотря на многочисленные свидетельские показания об обратном и тот факт, что члены его семьи не смогли установить его местонахождение (пункт 8.4 Соображений).

Комитет... принимает к сведению утверждение автора о том, что условия его содержания под стражей, особенно в Базар-Коргонском отделении милиции, были бесчеловечными, в нарушение статьи 10 Пакта. Автор также жалуется на условия содержания после его осуждения, включая отсутствие надлежащего доступа к медицинской помощи. Комитет отмечает, что государство-участник обязано соблюдать определенные минимальные нормы содержания под стражей, которые включают предоставление медицинской помощи и лечения для больных заключенных в соответствии с правилом 24 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правил Нельсона Манделы). Из изложения дела автором и из нескольких материалов, представленных независимыми экспертами, которые имеются в деле, ясно следует, что он не смог получить надлежащего медицинского лечения серьезных заболеваний, от которых он страдал. Учитывая тот факт, само государство-участник признало проблему переполненности, и, принимая во внимание подробное описание автором состояния его здоровья и отсутствия доступа к надлежащей медицинской помощи, Комитет делает вывод о том, что государство-участник нарушило права автора в соответствии с [пунктом 1] стать[и] 10 Пакта (пункт 8.5 Соображений).

Комитет отмечает утверждения автора, что суд над ним характеризовался рядом нарушений, таких как нарушение порядка и насилие со стороны присутствовавших в зале суда. Автор... утверждает, что он не мог вызвать свидетелей от своего имени, не мог подвергнуть перекрестному допросу свидетелей обвинения в первый день судебного

разбирательства, когда его адвокат отсутствовал, и не мог допрашивать свидетелей на заседаниях Верховного суда... Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что свидетели не имели отношения к данным событиям, а в протоколах судебных заседаний не упоминается о просьбе адвоката вызвать каких-либо дополнительных свидетелей. Комитет отмечает, однако, что остается бесспорным, что адвокат автора не мог допросить свидетелей в первый день судебных заседаний, 2 сентября 2010 г., и что автор не смог вызвать или провести перекрестный допрос свидетелей в Верховном суде. Комитет делает вывод о том, что государство-участник нарушило права автора в соответствии со статьей 14, подпункт е) пункта 3, Пакта (пункт 8.6 Соображений).

Комитет, исследует те утверждения автора, что было нарушено его право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты. Комитет отмечает утверждения автора, что милиция и прокурор отказались разрешить ему встретиться с адвокатом наедине и удержали информацию, необходимую для подготовки его защиты. Кроме того, автор утверждает, что несколько раз родственники погибшего сотрудника милиции подвергали его адвоката физическим посягательствам в помещениях отделения милиции и в прокуратуре и что милиция и работники местной прокуратуры не вмешивались, создавая общее чувство страха, которое несовместимо с надлежащим исполнением функций адвоката защиты. Кроме того, имеются не оспаривавшиеся доказательства того, что в первый день судебных заседаний 2 сентября 2010 г. адвокат автора не присутствовал на заседании, не будучи уведомлен о нем в должное время, в то время как суд заслушал показания 16 свидетелей обвинения. В этих обстоятельствах Комитет заключает, что представленные факты свидетельствуют о нарушении прав автора по статье 14, подпункт б) пункта 3, Пакта (пункт 8.7 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении прав автора по статье 7, в отдельном прочтении и в сочетании с пунктом 3 статьи 2, пунктом 1 статьи 9, пунктом 1 статьи 10, подпунктами б) и е) пункта 3 статьи 14 Пакта (пункт 9 Соображений).

Комитет против пыток

Сообщение: *Тауфик Элайба против Туниса.* Сообщение № 551/2013. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 6 мая 2016 г.

Тема сообщения: пытки и жестокое обращение со стороны государственных органов.

Вопрос существа: пытки; жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание; меры по недопущению актов пыток; систематический надзор за содержанием под стражей и обращением с заключенными; обязанность государства-участника обеспечить, чтобы компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование; право на подачу жалоб; право на возмещение; запрет на использование в ходе судебного разбирательства показаний, полученных под пытками.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает государству-участнику о его обязательстве по статье 12 Конвенции⁴⁰, согласно которому при наличии достаточных оснований полагать, что имело место применение пытки, должно проводиться *ex officio*⁴¹ быстрое и беспристрастное расследование⁴². Такое расследование должно быть оперативным, беспристрастным и эффективным, при этом оперативность имеет важное значение, поскольку это позволяет прекратить применение к жертве таких действий, а также по той причине, что, за исключением случаев причинения долговременных или тяжких повреждений вследствие применения вышеупомянутых методов, физические следы пыток, и прежде всего следы жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, как правило, исчезают спустя короткое время⁴³. Кроме того, уголовное расследование должно иметь своей целью как определение характера и обстоятельств предполагаемых деяний, так и установление личности любого лица, которое могло быть причастно к ним⁴⁴ (пункт 7.7 Решения).

[П]оложение [статьи 14 Конвенции] не только признает право на справедливую и адекватную компенсацию, но и налагает на государства-участники обязательство обеспечивать, чтобы жертва пыток получала соответствующее возмещение⁴⁵. Комитет считает, что

⁴⁰ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. (далее – Конвенция).

⁴¹ По служебному положению (лат.).

⁴² См. сообщения № 514/2012, *Нийонзима против Бурунди*, Решение, принятое 21 ноября 2014 г., пункт 8.4; и № 500/2012, *Рамирес Мартинес и др. против Мексики*, Решение, принятое 4 августа 2015 г., пункт 17.7.

⁴³ См. сообщение № 495/2012, *Е.З. против Казахстана*, Решение, принятое 28 ноября 2014 г., пункт 13.2.

⁴⁴ См. сообщения № 580/2014, *Ф.К. против Дании*, Решение, принятое 23 ноября 2015 г., пункт 7.7; и № 161/2000, *Дземайль и др. против Югославии*, Решение, принятое 21 ноября 2002 г., пункт 9.4.

⁴⁵ См. сообщение № 291/2006, *Саадья Али против Туниса*, Решение, принятое

возмещение должно охватывать всю совокупность причиненного жертве ущерба и включать, среди прочих мер, реституцию, компенсацию и реабилитацию жертвы, а также меры, гарантирующие невозможность повторения нарушений, с обязательным учетом обстоятельств каждого дела⁴⁶ (пункт 7.7 Решения).

[О]бщая направленность положений статьи 15 Конвенции обусловлена абсолютным запретом пыток и поэтому предполагает обязательство каждого государства-участника проверять, не были ли заявления, используемые при любом разбирательстве, находящемся в его компетенции, получены с применением пыток⁴⁷ (пункт 7.8 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что государство-участник не смогло принять все эффективные меры для предупреждения пыток и жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения во время его допроса в отделении национальной гвардии в Эль-Ауине в сентябре 2009 года... Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что в течение шести дней сотрудники национальной гвардии сильно били его по лицу; почти по 5 минут били его резиновыми дубинками по подошвам ног; надевали ему на голову мотоциклетный шлем и около 15 минут били бейсбольной битой; привязывали его запястья и щиколотки к большому зафиксированному на стене колесу и раскручивали его сначала в одну, потом в другую сторону, пока он не терял сознание; направляли струю газа на гениталии; пытали его электрическими разрядами; били его по пальцам разными предметами; и вырвали ему ноготь большого пальца ноги... Комитет отмечает, что, по словам заявителя, он шесть суток содержался под стражей без связи с внешним миром; из еды ему ежедневно давали только один бутерброд и раз в день разрешали пользоваться туалетом; в течение всего периода содержания под стражей ему не предоставили никакой медицинской помощи, несмотря на то, что на животе у него была открытая рана, полученная в результате применения силы в ходе задержания; в перерывах между допросами и пытками он оставался привязанным к стулу; когда он просил ознакомиться с протоколами, его избивали, кроме того, один из сотрудников подделал дату в протоколе о его задержании, прежде чем подписать его (пункт 7.3 Решения).

[Г]осударство-участник не опровергло ни одно из этих утверждений, и указывает, что заявитель во время его осмотра при

21 ноября 2008 г., пункт 15.8.

⁴⁶ См. *Саадья Али против Туниса*, пункт 15.8; и *Нийонзима против Бурунди*, пункт 8.6.

⁴⁷ См. *Нийонзима против Бурунди*, пункт 8.7; и сообщение № 419/2010, *Ктити против Марокко*, Решение, принятое 26 мая 2011 г., пункт 8.8.

приеме в тюрьму указал, что подвергался актам насилия в течение 10 дней до заключения под стражу. Комитет... отмечает, что заявитель представил заключение врача тюрьмы Морнагия от 23 марта 2012 г., в котором указано, что заявитель при приеме в пенитенциарное учреждение сообщил о том, что в течение 10 дней, предшествующих его тюремному заключению, подвергался насилию; что в ходе осмотра были также выявлены отек тканей с явно выраженной болью большого пальца левой ноги и подошвенная дерматозия; и что рентген показал перелом большого пальца левой ноги. Комитет... принимает к сведению утверждения заявителя о большом количестве физических и психологических последствий пыток, которые подтверждаются представленными медицинскими заключениями. Комитет... отмечает, что государство-участник, принимая во внимание состояние здоровья заявителя, не назначило медицинскую экспертизу по итогам первоначального осмотра в тюрьме Морнагия 12 сентября 2009 г. и не представило никаких комментариев по поводу утверждений заявителя о том, что он тогда сообщил врачу о жестоком обращении, которому был подвергнут. В этих обстоятельствах Комитет заключает, что факты, как они изложены заявителем, представляют собой пытки и жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и что государство-участник нарушило свои обязательства по статьям 1, 2, пункт 1, и 16 Конвенции. Что касается статьи 11, Комитет считает, что информация, представленная государством-участником о его усилиях по предупреждению пыток и борьбе с ними, носит общий характер и не свидетельствуют о наличии конкретных мер, направленных на предотвращение актов насилия, совершаемых сотрудниками полиции, и обеспечение того, чтобы арестованные, задержанные или лишенные свободы лица не подвергались актам пыток со стороны властей или при их попустительстве⁴⁸. Таким образом, Комитет считает, что государство-участник несет ответственность за нарушение статьи 11 Конвенции (пункт 7.4 Решения).

Относительно предполагаемых нарушений статей 12 и 13 Конвенции в связи с отсутствием оперативного, независимого и эффективного расследования со стороны государства-участника в отношении утверждений о пытках Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что во время дачи показаний следователям он сообщал о пытках, но те не приняли никаких мер в этой связи. Комитет отмечает, что один из адвокатов заявителя сообщил следователю в сентябре 2009 года о жестоком обращении, жертвой

⁴⁸ См. сообщение № 456/2011, *Колменарес и др. против Боливарианской Республики Венесуэла*, Решение, принятое 15 мая 2015 г., пункт 6.7.

которого стал его подзащитный во время допросов, и что следователь не принял во внимание эти утверждения, несмотря на явные следы пыток на теле заявителя. Комитет... отмечает показания другого адвоката, который утверждает, что он сам обращал внимание следователя на факты жестокого обращения с его подзащитным, и принимает к сведению жалобу на пытки, поданную от имени заявителя 26 сентября 2009 г. Комитет... отмечает, что, по словам заявителя, в 2011 году прокурор проинформировал его о том, что жалоба на пытки, поданная его адвокатом 26 сентября 2009 г., была передана следователю 12 июня 2009 г., т.е. до ареста заявителя. Комитет отмечает, что в своих замечаниях государство-участник утверждает, что по факту пыток было возбуждено расследование, но не уточняет даты его начала и не приводит какой-либо информации ни о ходе производства по этому делу, ни о возбуждении преследования против лиц, предположительно виновных в совершении актов пыток и жестокого обращения, хотя после указанных событий прошло уже более шести лет. Комитет... отмечает, что, согласно решению суда первой инстанции Туниса заявитель признался в совершении действий, в которых он обвинялся (пункт 7.5 Решения).

Принимая во внимание время, прошедшее после того, как заявитель пытался добиться возобновления разбирательства в национальных судах, и отсутствие достаточной информации, представленной государством-участником о последующих мерах в связи с жалобой заявителя, Комитет считает, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 12 Конвенции. Не выполнив это обязательство, государство-участник не выполнило и обязательство по статье 13 Конвенции, в соответствии с которой оно обязано было обеспечить заявителю право на предъявление жалобы компетентным властям, которые должны надлежащим образом отреагировать на нее и провести быстрое и беспристрастное расследование⁴⁹ (пункт 7.6 Решения).

Комитет отмечает отсутствие расследования актов пыток и отсутствие каких-либо мер по реабилитации после неправомерного обращения, на которое жалуется заявитель и результатом которого, в частности, стали перелом большого пальца, боли в спине, перелом челюсти, нарушения слуха и психологические травмы. В связи с этим Комитет считает, что заявитель был лишен права на возмещение и компенсацию в соответствии со статьей 14 Конвенции (пункт 7.7 Решения).

⁴⁹ См. *Нийонзима против Бурунди*, пункт 8.5.

Комитет отмечает, что, по словам заявителя, государство-участник нарушило свои обязательства по статье 15 Конвенции, поскольку заявитель был осужден на основании признаний, полученных под пыткой. В этой связи Комитет отмечает, что, по мнению заявителя, признание, которое он подписал под пыткой, использовалось в качестве основания для его содержания под стражей на протяжении более шести лет. Комитет отмечает, что государство-участник не опровергло эти утверждения и не включило в его замечания, направленные в Комитет, подробную информацию по этому вопросу... Комитет считает, что государство-участник было обязано проверить утверждения заявителя о том, что он дал признательные показания под пытками и что в силу того, что оно не провело такой проверки и использовало полученные заявления в ходе рассмотрения уголовного дела, возбужденного против автора, государство-участник нарушило свои обязательства по статье 15 Конвенции⁵⁰ (пункт 7.8 Решения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении статей 1 и 2... и статей 11–16 Конвенции (пункт 7.9 Решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № **64752/09 «Манжос против России»** (вынесено 24 мая 2016 г., вступило в силу 24 августа 2016 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с Манжосом П.В. со стороны сотрудников отдела внутренних дел и необеспечением эффективного расследования по данному факту.

Заявитель утверждал, ссылаясь на статьи 3 Конвенции, что сотрудники милиции жестоко с ним обращались и что эффективного расследования по его жалобе на жестокое обращение проведено не было.

Европейский Суд напомнил, что «...[р]асследование серьезных обвинений в жестоким обращении должно быть своевременным и тщательным. Власти должны всегда со всей серьезностью пытаться выяснить обстоятельства произошедшего, и не должны полагаться на поспешные и необоснованные выводы для того, чтобы прекратить расследование либо вынести решение. Они должны принимать все разумные и доступные им меры для получения доказательств по делу,

⁵⁰ См. *Нийонзима против Бурунди*, пункт 8.7.

включая, *inter alia*⁵¹, свидетельские показания и данные судебной экспертизы. Любой недостаток расследования, который подрывает его способность установить причину нанесения телесных повреждений или личности виновных, может привести к нарушению этого стандарта» (пункт 34 постановления).

Суд установил, что «... 19 марта 2008 года заявитель обратился в районный следственный отдел с жалобой на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции... Данный вопрос был должным образом представлен на рассмотрение соответствующих органов в то время, когда от них можно было ожидать проведения расследования рассматриваемых обстоятельств... Заявитель подкрепил свою жалобу медицинскими документами... Требование заявителя, таким образом, являлось «небезосновательным», и национальные власти были обязаны провести эффективное расследование, удовлетворяющее... требованиям статьи 3 Конвенции... [В] период с 23 марта 2008 года по 13 августа 2009 года национальные власти провели несколько этапов «доследственной проверки» по жалобе заявителя в соответствии со статьей 144 УПК РФ... В этот период, который длился почти семнадцать месяцев, национальными властями было принято пять постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции в связи с отсутствием признаков преступления. Все эти постановления были впоследствии отменены надзорным органом как необоснованные и было дано распоряжение о проведении дополнительных доследственных проверок... [Р]айонный следственный отдел 23 марта 2011 года возбудил уголовное производство по части 3 статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, только после того, как жалоба заявителя была коммуницирована российским властям в феврале 2011 года, то есть примерно через три года после предполагаемого факта жестокого обращения» (пункты 35–38 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...[с]ам факт отказа следственных органов возбудить уголовное дело по обоснованным жалобам на жестокое обращение во время нахождения под контролем сотрудников милиции служит доказательством несоблюдения государством своего обязательства по проведению эффективного расследования, предусмотренной статьей 3 [Конвенции]» (пункт 39 постановления).

Суд отметил, что «...сведения, которые районный следственный отдел счел достаточными для возбуждения 23 марта 2011 года уголовного дела, имелись в распоряжении отдела сразу после факта

⁵¹ Между прочим (лат.).

жестокое обращение с заявителем. Соответственно, трехлетнюю отсрочку начала расследования уголовного дела по жалобе заявителя ничем нельзя объяснить...[С]толь длительная задержка не могла не оказать негативного влияния на ход расследования, помешав следственным органам собрать доказательства жестокого обращения...[Р]асследование, которое последовало после возбуждения уголовного дела 23 марта 2011 года по жалобам заявителя на жестокое обращение, было впоследствии приостановлено 25 июля 2011 года в связи с невозможностью установить личности предполагаемых преступников, и до сих пор является незавершенным» (пункты 40–41 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...расследование все еще не закончено, но на настоящий момент в связи с длительностью производства и серьезностью рассматриваемых вопросов, Суд не считает, что заявитель должен был ждать завершения расследования для подачи жалобы в Европейский Суд, так как завершение этого производства никаким образом не компенсировало бы общую задержку» (пункт 42 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...значительная задержка в возбуждении уголовного дела и начале полноценного уголовного расследования небезосновательного утверждения заявителя о жестоком обращении с ним в отделении милиции, обнаруживающим признаки уголовного преступления, а также последующее ведение уголовного производства, которое остается незавершенным почти через восемь лет после событий, в отношении которых подана жалоба, свидетельствуют о несоблюдении властями своего обязательства по проведению эффективного расследования по жалобам заявителя на жестокое обращение...Следовательно, было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте» (пункты 43–44 постановления).

В отношении предполагаемого жестокого обращения с заявителем Европейский Суд заключил, что «...ни органы власти на национальном уровне, ни власти в рамках производства в Европейском Суде не представили убедительных объяснений происхождения повреждений на теле заявителя... [В]ласти не установили должным образом, что повреждения на теле заявителя были причинены в результате других действий, не того жестокого обращения, которому он подвергся в [органах внутренних дел]...Соответственно...ответственность за нарушение материального аспекта статьи 3 Конвенции в связи с бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, которому подвергся заявитель, находясь в [органах внутренних дел,] несет государство» (пункты 51–52 постановления).

Постановление по жалобе № 8049/07 «Некрасов против России» (вынесено 17 мая 2016 г., вступило в силу 17 октября 2016 г.), которым, в том числе, установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением прокуратурой эффективного расследования по заявлению Некрасова С.А. о предполагаемом жестоком обращении с ним со стороны сотрудников органов внутренних дел. Установлено также нарушение подпункта «с» пункта 1 и пункта 3 статьи 5 Конвенции – в связи с незаконным и чрезмерно длительным содержанием заявителя под стражей в период ознакомления с материалами уголовного дела после истечения предельного срока, установленного для применения данной меры пресечения.

Заявитель жаловался на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции в нарушение статьи 3 Конвенции.

Европейский Суд установил, что заявитель, а также его адвокат обращались к следователю с ходатайствами о проведении судебно-медицинской экспертизы для подтверждения нанесенных ему травм. Наличие упомянутых травм было подтверждено медицинским освидетельствованием заявителя в помещении Отдела по борьбе с организованной преступностью и медицинским освидетельствованием, проведенным на следующий день после его прибытия в следственный изолятор (пункт 85 постановления).

Суд отметил, что «...внутригосударственные органы власти провели «доследственную проверку» в отношении поданного заявителем заявления в соответствии со статьей 144 УПК... В... период, составивший приблизительно два с половиной года, внутригосударственными органами власти было вынесено не менее семи постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции или иных лиц в связи с отсутствием доказательств того, что преступление имело место. Все эти постановления, за исключением последнего, были отменены надзирающим прокурором, с назначением дополнительных доследственных проверок. В результате отказа в возбуждении уголовного дела национальные следственные органы, таким образом, так и не провели предварительное расследование по предположению заявителя о жестоком обращении, то есть полноценное уголовное расследование, в ходе которого проводится полный перечень следственных действий, таких как допрос, очная ставка и опознание» (пункт 86 постановления).

Европейский Суд пришел к заключению, что «...отказ в возбуждении уголовного дела на основании правдоподобных заявлений,

сделанных заявителем, о том, что ему были нанесены серьезные травмы в результате предполагаемого жестокого обращения...свидетельствовал о неспособности провести эффективное расследование, как предусмотрено статьей 3 Конвенции...[Соответственно] имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте» (пункты 88-89 постановления).

В отношении предполагаемого жестокого обращения с заявителем Суд указал на то, что «...[з]аявитель утверждал, что лица, похитившие его...и подвергавшие его жестокому обращению...были сотрудниками милиции» (пункт 94 постановления).

Однако Суд отметил, что для него представляется невозможным установить вне разумного сомнения, что заявитель подвергался жестокому обращению со стороны сотрудников милиции, ввиду отсутствия правдоподобных доказательств в поддержку этого заявления (пункт 95 постановления).

Таким образом, Европейский Суд констатировал отсутствие нарушения статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте.

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 1 и подпункт (b) пункта 3 статьи 6 Конвенции, на то, что уголовное производство в отношении него было несправедливым в связи с тем, что ему не была предоставлена возможность изучить материалы дела в полном объеме, в том числе аудио- и видеокассеты и вещественные доказательства, до передачи дела в суд первой инстанции.

Европейский Суд установил, что «...после прекращения предварительного следствия...стороне защиты, в том числе заявителю и его адвокату, был предоставлен доступ к материалам дела в полном объеме...[В]последствии, в ходе судебного разбирательства, стороне защиты было предоставлено дополнительное время для завершения изучения материалов дела...[С]тороне защиты было предоставлено, в общей сложности, шесть месяцев и пятнадцать дней для изучения сорока девяти томов, пятнадцати аудио- и видеокассет и вещественных доказательств, содержащихся в материалах дела» (пункт 113 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...заявитель и его адвокат имели возможность ознакомиться с материалами дела и подготовить защиту заявителя...[В]ремя, выделенное органами власти стороне защиты для изучения материалов дела, как таковое, не было недостаточным... права заявителя, закрепленные пунктом 1 и подпунктом «b» пункта 3 статьи 6 Конвенции, не были нарушены в этом отношении...Таким образом, в настоящем деле не имеет места

нарушение указанных положений Конвенции» (пункты 114–115 постановления).

Заявитель, ссылаясь на пункт 3 и подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, также жаловался на то, что его содержание под стражей в определенный период времени являлось незаконным и необоснованным.

Ввиду того, что Власти Российской Федерации признали все вышеназванные жалобы заявителя, Европейский Суд констатировал нарушение соответствующих требований пункта 3 и подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

См. также *В.К. против Российской Федерации*. Сообщение № 2411/2014. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 30 марта 2016 г.

Вопросы выдачи

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *К.Б. против Российской Федерации*. Сообщение № 2193/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 10 марта 2016 г.

Тема сообщения: выдача в Кыргызстан и чрезмерное применение силы при задержании.

Вопрос существа: риск пыток и жестокого обращения; чрезмерное применение силы.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на пункт 12 своего [3]амечания общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта, в котором он обращает внимание на обязательство государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозместимого вреда, такого как предусмотрено в статьях 6 и 7 Пакта. Комитет ... указывает, что такой риск должен носить личный характер¹⁰, и тут имеется высокий порог для того, чтобы иметь существенные основания установить наличие реального риска невозместимого вреда⁵². При проведении такой оценки надо учитывать

⁵² См., например, сообщения № 2007/2010, *Х. против Дании*, Соображения, принятые 26 марта 2014 г., пункт 9.2; № 1833/2008, *Х. против Швеции*, Соображения, принятые 1 ноября 2011 г., пункт 5.18.

все соответствующие факты и обстоятельства, включая общее положение в стране происхождения автора с правами человека. Комитет... напоминает свои решения о том, что следует придавать значительный вес оценке, проведенной государством-участником⁵³, и что, как правило, именно органы государств-участников Пакта должны рассматривать и оценивать факты и доказательства с целью установить наличие такого риска, если только не будет сочтено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равносильна очевидной ошибке или отказу в правосудии⁵⁴ (пункт 10.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: утверждения автора о том, что в случае экстрадиции в Кыргызстан он будет подвергнут пыткам, были рассмотрены Федеральной миграционной службой государства-участника в ходе разбирательств по поводу убежища и российскими судами в ходе разбирательств по поводу экстрадиции, которые сочли неосновательными его утверждения о том, что он столкнется в Кыргызстане с реальным, предсказуемым и личным риском подвергнуться пыткам. Комитет... отмечает, что большинство доказательств, представленных автором, касаются не его конкретного случая, а общей ситуации в Кыргызстане с правами человека. В этой связи, как отмечает Комитет, автор утверждает, что в марте 2010 года он подвергся в Кыргызстане пыткам и в результате проходил медицинское лечение в Грозном. Автор представил Комитету копию выписки из его медицинской карты относительно его лечения в Грозном, которая была выдана 31 декабря 2011 г., т.е. спустя почти два года после предполагаемого жестокого обращения в Кыргызстане в марте 2010 года. Комитет отмечает, однако, что, согласно этой выписке, автор проходил лечение в амбулаторном медицинском заведении в Грозном с 20 по 31 марта 2010 г., тогда как, согласно решению московского Управления Федеральной миграционной службы от 26 марта 2012 г., автор приехал в Москву 24 марта 2010 г. Вдобавок Комитет отмечает, что, согласно копиям разных апелляций автора, поданных властям государства-участника, автор не представлял властям эту выписку.... [А]втор не предоставил ни властям государства-участника, ни Комитету каких бы то ни было сведений о жестоком обращении, перенесенном в марте 2010 года, т.е. тут нет никакой информации относительно метода пыток, контекста или предполагаемых исполнителей (как то: их имя и число). Комитет

⁵³ См., например, сообщения № 1957/2010, *Линь против Австралии*, Соображения, принятые 21 марта 2013 г., пункт 9.3; № 2344/2014, *Е.П. и Ф.П. против Дании*, Соображения, принятые 2 ноября 2015 г., пункт 8.4.

⁵⁴ См., например, сообщение № 2344/2014, *Е.П. и Ф.П. против Дании*, Соображения, принятые 2 ноября 2015 г., пункт 8.4.

отмечает, что таких сведений не содержит и жалоба брата автора президенту Чечни от 17 апреля 2012 г. Он также отмечает, что в своем ходатайстве об убежище от 21 декабря 2011 г. автор заявил, что он покинул Кыргызстан в марте 2010 г. из-за этнических трений...; он не утверждал, что подвергался пыткам. Вдобавок Комитет отмечает отсутствие каких-либо доказательств, которые подтверждали бы, что решения ведомств государства-участника носили явно произвольный характер в отношении утверждений автора. В свете вышеизложенного Комитет не может заключить, что имеющаяся у него информация показывает, что экстрадиция автора в Кыргызстан подвергала бы его реальному риску обращения вопреки статье 7 Пакт⁵⁵ (пункт 10.4 Соображений).

Выводы Комитета: экстрадиция автора до рассмотрения его сообщения в Комитете противоречит просьбе Комитета относительно временных мер защиты по настоящему делу, вскрывая нарушение Российской Федерацией своих обязательств по статье 1 Факультативного протокола⁵⁶ (пункт 11 Соображений).

Государство-участник несет обязанность избегать нарушений статьи 1 Факультативного протокола в будущем и удовлетворять просьбы Комитета относительно временных мер⁵⁷ (пункт 12 Соображений).

Сообщение: *В.Д. против Российской Федерации.* Сообщение № 2198/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 30 марта 2016 г.

Тема сообщения: выдача в Беларусь.

Вопрос существа: неисчерпание внутренних средств правовой защиты; недостаточное обоснование жалоб.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свою практику⁵⁸, согласно которой подача заявлений о пересмотре в порядке

⁵⁵ См., например, сообщение № 2192/2012, *Н.С. против Российской Федерации*, Соображения, принятые 27 марта 2015 г., пункт 10.4.

⁵⁶ Там же, пункт 11.

⁵⁷ Там же, пункт 12.

⁵⁸ См. сообщения: № 836/1998, *Гелазускас против Литвы*, Соображения от 17 марта 2003 г., пункт 7.4; № 1851/2008, *Секерко против Беларуси*, Соображения от 28 октября 2013 г., пункт 8.3; № 1919-1920/2009, *Процко и Толчин против Беларуси*, Соображения от 1 ноября 2013 г., пункт 6.5; № 1784/2008, *Шумилин против Беларуси*, Соображения от 23 июля 2012 г., пункт 8.3; № 1814/2008, *П.Л. против Беларуси*, решение от 26 июля 2011 г., пункт 6.2; № 2021/2010, *Е.Ж. против Казахстана*, решение от 1 апреля 2015 г., пункт 7.3; № 1873/2009, *Алексеев против Российской Федерации*, Соображения от 25 октября 2013 г., пункт 8.4; № 2041/2011, *Дорофеев против Российской Федерации*, Соображения от 11 июля 2014 г.,

надзора судебных постановлений, которые уже вступили в силу и зависят от решений судьи, принимаемых им по собственному усмотрению, является чрезвычайным средством правовой защиты, и что государству-участнику надлежит показать наличие разумных шансов на то, что подача заявления при подобных обстоятельствах дела действительно явится средством правовой защиты⁵⁹ (пункт 5.3 Соображений).

Комитет ссылается на свое [З]амечание общего порядка № 31 (2004 год) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта, в котором он упоминает обязательство государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозместимого вреда, такого, как предусмотренный в статьях 6 и 7 Пакта⁶⁰. Комитет также указывал, что такая опасность должна быть личной⁶¹ и что существует высокий порог для представления серьезных оснований для определения существования реальной опасности причинения непоправимого вреда⁶². При оценке существующей опасности должны быть приняты во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, включая общее положение в области прав человека в стране происхождения автора⁶³. Комитет далее ссылается на свои решения, согласно которым значительный вес должен придаваться проведенной государством-

пункт 9.6; и № 2141/2012, *Костенко против Российской Федерации*, Соображения от 23 октября 2015 г., пункт 6.3.

⁵⁹ См., например, *Дорофеев против Российской Федерации*, пункт 9.6; *Гелазускас против Литвы*, пункт 7.4; *П.Л. против Беларуси*, пункт 6.2; сообщение № 1785/2008, *Олешкевич против Беларуси*, Соображения от 18 марта 2013 г., пункт 7.3; *Шумилин против Беларуси*, пункт 8.3; сообщения № 1839/2008, *Комаровский против Беларуси*, Соображения от 25 октября 2013 г., пункт 8.3; № 1903/2009, *Юбко против Беларуси*, Соображения от 17 марта 2014 г., пункт 8.3; № 1929/2010, *Лозенко против Беларуси*, Соображения от 24 октября 2014 г., пункт 6.3; и *Костенко против Российской Федерации*, пункт 6.3.

⁶⁰ См. Замечание общего порядка № 31, пункт 12.

⁶¹ См., например, сообщения № 2007/2010, *Х. против Дании*, Соображения от 26 марта 2014 г., пункт 9.2; № 282/2005, *С.П.А. против Канады*, решение от 7 ноября 2006 г.; № 333/2007, *Т.И. против Канады*, решение от 15 ноября 2010 г.; № 344/2008, *А.М.А. против Швейцарии*, решение от 12 ноября 2010 г.; и № 692/1996, *А.Р.Х. против Австралии*, Соображения от 28 июля 1997 г., пункт 6.6.

⁶² См., например, *Х. против Дании*, пункт 9.2; и № 1833/2008, *Х. против Швеции*, Соображения от 1 ноября 2011 г., пункт 5.18.

⁶³ Там же.

участником оценке⁶⁴, а рассмотрение или оценка фактов и доказательств для определения такой опасности, как правило, должны проводиться органами государств - участников Пакта, если только не будет установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равносильна отказу в правосудии⁶⁵ (пункт 5.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что государство-участник оспорило приемлемость сообщения по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты, поскольку автор не использовал все имеющиеся средства защиты, так как не подал надзорной жалобы в Верховный [С]уд Российской Федерации по процедуре надзорного производства. Комитет отмечает, что апелляция автора на решение Московского областного суда уже была отклонена Верховным [С]удом... При этом государство-участник не указало, имели ли место случаи успешного применения процедуры пересмотра в порядке надзора в отношении дел об экстрадиции и каково количество подобных случаев. С учетом этих обстоятельств Комитет считает, что рассмотрение данного сообщения не противоречит положениям пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола (пункт 5.3 Соображений).

Комитет...отмечает утверждение автора о том, что экстрадиция в Беларусь явится нарушением его прав, предусмотренных, среди прочего, статьей 7 Пакта. В частности, автор заявляет, что в случае возвращения ему грозит опасность подвергнуться пыткам и жестокому обращению (пункт 5.4 Соображений).

Комитет отмечает, что автор не привел убедительных доказательств какого-либо нарушения, допущенного в процессе принятия решений, а также достаточных пояснений по вопросу о том, почему решения властей государства-участника носят явно произвольный или заведомо ошибочный характер либо являются равносильными отказу в правосудии... Комитет отмечает, что представленные его вниманию материалы не позволяют ему сделать вывод о том, что рассмотрение властями государства-участника, в том числе его судебными органами, утверждения автора относительно его опасений и рисков, связанных с его возвращением в Беларусь, страдает какими-либо из подобных изъянов (пункт 5.5 Соображений).

Комитет считает, что в рассказе автора имеются расхождения, подрывающие доверие к его жалобе на то, что в случае возвращения в Беларусь ему будет грозить опасность применения жестокого обращения

⁶⁴ См., например, сообщения № 1957/2010, *Ц.Х. против Австралии*, Соображения от 21 марта 2013 г., пункт 9.3; и № 2344/2014, *Е.П. и Ф.П. против Дании*, Соображения от 2 ноября 2015 г., пункт 8.4.

⁶⁵ См., например, *Е.П. и Ф.П. против Дании*, пункт 8.4.

со стороны властей. Автор не представил каких-либо существенных доказательств в обоснование этого утверждения. В частности, он не изложил каких-либо деталей по вопросу об отсутствии надлежащей медицинской помощи или о предположительно бесчеловечных и унижающих достоинство условиях содержания в тюрьме, которым он якобы будет подвергнут. В ходе процедур, связанных с его экстрадицией и ходатайством об убежище, автор утверждал, что он преследуется властями Беларуси по причине своих политических и религиозных убеждений, а также социального статуса. При этом он не представил никаких подробностей своего преследования по указанным признакам... Комитет отмечает, что в процессе рассмотрения его ходатайства об убежище автор отказался привести какие-либо подробности своей политической деятельности. Более того, несмотря на его предполагаемое преследование в Беларуси, автор подал ходатайство о предоставлении убежища лишь в сентябре 2011 года, т.е. через десять лет после прибытия в государство-участник в сентябре 2001 года. С другой стороны, в период 2001–2011 годов автор мог свободно посещать своих родственников, врачей и других лиц, проживающих в Беларуси, не испытывая никаких проблем в отношениях с белорусскими властями (пункт 5.6 Соображений).

[В] связи с остальными заявлениями автора о том, что в случае его экстрадиции в Беларусь государство-участник также нарушит его права, предусмотренные статьями 14, 15 и 17 Пакта, Комитет отмечает, что автор не представил достаточных деталей и аргументов в обоснование своих заявлений согласно упомянутым положениям Пакта (пункт 5.7 Соображений).

Выводы Комитета: автору не удалось в достаточной степени обосновать свои утверждения для целей приемлемости, к, соответственно, объявляет данное сообщение неприемлемым по смыслу статьи 2 Факультативного протокола (пункт 5.8 Соображений).

***Право лица на свободу и личную неприкосновенность
(пункты 3, 4 и 5 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и
основных свобод 1950 г.)***

В Верховный Суд Российской Федерации поступили постановления Европейского Суда, содержащие констатацию нарушения положений пунктов 3, 4 и 5 статьи 5 Конвенции в связи с необоснованно длительным содержанием под стражей заявителей, а также в связи с ненадлежащим рассмотрением судами жалоб заявителей на постановления о заключении под стражу и отсутствием у них возможности получения компенсации за допущенные нарушения.

Постановления Европейского Суда по жалобам №№ 46871/07, 55534/07, 7503/09, 62699/10 и 56828/11 «Ушаков и другие против России» (вынесено и вступило в силу 22 сентября 2016 г.) и №№ 44786/11, 1884/12, 9837/12, 32631/12, 37187/13, 9612/14, 28543/15, 37353/15, 43931/15 «Бекузаров и другие против России» (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.).

Право на справедливое судебное разбирательство

Практика договорных органов ООН

Практика Комитета по правам человека

Сообщение: *В.К. против Российской Федерации*. Сообщение № 2411/2014. Решение принято Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 30 марта 2016 г.

Тема сообщения: пытки; справедливое судебное разбирательство; обратная сила уголовного закона.

Вопрос существа: пытки; условия содержания под стражей; справедливое судебное разбирательство; справедливое судебное разбирательство – свидетели; обратная сила уголовного закона.

Правовые позиции Комитета: [Т]олкование национального законодательства в принципе относится к компетенции судов государств-участников, если только приговор не является явно произвольным или равнозначным отказу в правосудии⁶⁶ (пункт 6.5 Решения).

«[П]онятие «справедливое судебное разбирательство» следует в контексте пункта 1 статьи 14 Пакта толковать как положение, устанавливающее определенный ряд таких требований, как обеспечение равных возможностей сторон, соблюдение принципа состязательности судебного процесса, исключение *ex officio reformatio in pejus*⁶⁷ и осуществление судопроизводства в краткие сроки. Таким образом, материалы данного дела целесообразно рассматривать с учетом этих критериев»⁶⁸ (пункт 6.10 Решения).

⁶⁶ См., например, сообщение № 1342/2005, *Гаврилин против Беларуси*, Соображения, принятые 28 марта 2007 г.

⁶⁷ Изменение к худшему.

⁶⁸ См. сообщение № 207/1986, *Ив Морель против Франции*, Соображения, принятые 28 июля 1989 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что в 2008 году автор подал жалобу в Европейский [С]уд по правам человека. Он отмечает, что при присоединении к Факультативному протоколу государство-участник сделало заявление⁶⁹, в котором оно пояснило, что исходит из того, что «Комитет не будет рассматривать какие бы то ни было сообщения до тех пор, пока не удостоверится, что данный вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования». Комитет отмечает, что в апреле 2010 года Европейский [С]уд признал жалобу автора неприемлемой. Поскольку данный вопрос в настоящее время не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования, Комитет считает возможным рассмотреть сообщение автора на основании подпункта а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола (пункт 6.2 Решения).

Комитет принимает к сведению замечание государства-участника о том, что автор не делал в национальных судах утверждений о жестоком обращении по смыслу статьи 7 Пакта. Комитет отмечает утверждения автора о том, что он неоднократно жаловался в краевую прокуратуру на обращение с ним во время содержания под стражей в ходе предварительного следствия и что он сделал соответствующее заявление в суде первой инстанции. Вместе с тем Комитет не усматривает в материалах дела документов, подтверждающих утверждение автора о том, что он заявил в суде первой инстанции об обращении в нарушение статьи 7, пункта 1 статьи 10 и подпункта а) пункта 2 статьи 10 Пакта; автор не представил в поддержку своего утверждения медицинских справок за период содержания под стражей в ходе предварительного следствия, копий жалоб или апелляционных жалоб. В связи с отсутствием в деле какой-либо другой информации в этом отношении Комитет считает, что автор недостаточно обосновал свою жалобу для целей приемлемости в соответствии со статьей 7, пунктом 1 статьи 10 и подпунктом а) пункта 2 статьи 10 Пакта, и

⁶⁹ Заявление гласит: «Союз Советских Социалистических Республик в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола признает компетенцию Комитета по правам человека принимать и рассматривать сообщения от лиц, находящихся под юрисдикцией Союза Советских Социалистических Республик, касающиеся ситуаций или фактов, возникших после вступления в силу настоящего Протокола для СССР. Советский Союз исходит также из того, что Комитет не будет рассматривать какие бы то ни было сообщения до тех пор, пока не удостоверится, что данный вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования и что данное лицо исчерпало все доступные внутренние средства правовой защиты».

заключает, что сообщение является неприемлемым на основании статьи 2 Факультативного протокола (пункт 6.3 Решения).

Что касается жалобы автора на основании пункта 1 статьи 14 Пакта в связи с тем, что председательствующий запретила вести аудиозапись судебного заседания и изъяла записи, сделанные адвокатом и родственниками автора, а также что касается его утверждения о нарушении принципа равенства перед законом, которое предположительно имело место при назначении ему наказания, то Комитет отмечает, что автор не представил никакой информации в обоснование своих утверждений, и соответственно считает сообщение в этой части недостаточно обоснованным и неприемлемым на основании статьи 2 Факультативного протокола (пункт 6.4 Решения).

В отношении жалобы автора на основании пункта 1 статьи 14 Пакта в связи с тем, что приговор в его отношении был чрезмерно суровым и что при назначении наказания не были учтены его личные и семейные обстоятельства, Комитет отмечает, что эта жалоба касается толкования национального законодательства... Комитет считает, что в представленных автором материалах не содержится никаких элементов, позволяющих сделать вывод о явно произвольном характере оценки. Соответственно, Комитет считает сообщение автора в этой части недостаточно обоснованным и неприемлемым на основании статьи 2 Факультативного протокола (пункт 6.5 Решения).

В связи с жалобами автора по пункту 1 статьи 14 и подпункту е) пункта 3 статьи 14 [Пакта] относительно исследования фактических обстоятельств дела, предвзятого, как утверждается, отношения председательствующего, отказа в проведении повторной экспертизы и допроса свидетелей, то Комитет напоминает, что по общему правилу оценка фактов и доказательств по тому или иному делу относится к компетенции судов государств-участников, за исключением случаев, когда может быть установлено, что такая оценка была явно произвольной или равнозначна отказу в правосудии или что суд не исполнил свою обязанность в отношении независимости и беспристрастности⁷⁰. Комитет отмечает довод государства-участника (который автор не оспаривал) о том, что автор и его адвокат имели возможность допросить свидетелей в судебном заседании, но этой возможностью не воспользовались. Комитет... принимает к сведению довод государства-участника о том, что председательствующий отказала в назначении повторных экспертиз с учетом позиций участников судебного разбирательства, при этом подробные мотивы отказа были

⁷⁰ См., например, сообщение № 1894/2009, *Г.Й. против Литвы*, Соображения, принятые 25 марта 2014 г.

указаны в протоколе заседания.... [К]ак явствует из представления государства-участника, председательствующий неоднократно инструктировала коллегию присяжных заседателей о том, что они не должны учитывать определенную информацию и доказательства. Комитет отмечает, что приведенные выше доводы автор не оспаривал. В свете имеющейся в деле информации Комитет считает, что в данном случае автор не доказал, что в ходе судебного разбирательства имели место «предвзятость» или несоблюдение принципа «процессуального равенства сторон», свидетельствующие о произвольности оценки доказательств или равнозначные отказу в правосудии. Таким образом, Комитет считает, что свою жалобу по пункту 1 статьи 14 и подпункту е) пункта 3 статьи 14 для целей приемлемости автор обосновал недостаточно. Соответственно, Комитет признает сообщение в этой части неприемлемым на основании статьи 2 Факультативного протокола (пункт 6.6 Решения).

В отношении утверждения автора о нарушении его прав по подпункту d) пункта 3 статьи 14, поскольку он был осужден за дачу заведомо ложных показаний, в то время как в соответствии со статьей 51 Конституции лицо, допрошенное в качестве свидетеля по делу о преступлении, в котором оно само участвовало, не несет ответственности за дачу заведомо ложных показаний, Комитет отмечает, что 19 ноября 2008 г. Верховный [С]уд [Российской Федерации] отменил приговор в отношении автора в части осуждения по части 2 статьи 307 Уголовного кодекса. С учетом этих обстоятельств Комитет приходит к выводу о том, что автор не может утверждать, что он является жертвой нарушения подпункта d) пункта 3 статьи 14. Соответственно, сообщение в этой части неприемлемо на основании статьи 1 Факультативного протокола (пункт 6.8 Решения).

Что касается оставшейся части жалобы автора на основании пункта 1 статьи 15 Пакта относительно квалификации судами его действий как терроризма, то Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что национальные суды применили статью 205 Уголовного кодекса в устаревшей редакции, поскольку она предусматривает более мягкое наказание по сравнению с тем, которое было бы назначено в соответствии с новой редакцией статьи. Комитет принимает к сведению постановление № 1⁷¹ Верховного [С]уда [Российской Федерации] и отмечает, что суды государства-участника должны были ретроактивно изменить приговор в отношении автора в

⁷¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

соответствии с разъяснениями, данными в этом постановлении. Вместе с тем Комитет отмечает, что, поскольку полномочиями давать правовую оценку действиям автора обладают именно национальные суды, неизвестно, было ли бы в результате пересмотра приговора в соответствии с постановлением № 1 назначено более мягкое наказание, чем то, которое было назначено автору на основании устаревшей редакции статьи 205 Уголовного кодекса, действовавшей на момент совершения преступлений. В свете вышесказанного Комитет считает, что автор недостаточно обосновал свое утверждение о нарушении его прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 15 Пакта. Соответственно, Комитет признает сообщение в этой части неприемлемым на основании статьи 2 Факультативного протокола (пункт 6.9 Решения).

Что касается утверждений автора о том, что суд в надзорной инстанции ухудшил его положение, увеличив срок лишения свободы по сравнению со сроком, который был назначен судом первой инстанции, то Комитет отмечает, что в связи с этой частью жалобы возникают вопросы по пункту 1 статьи 14 Пакта... Комитет отмечает, что данная жалоба касается толкования национального законодательства и способа, использованного для назначения окончательного наказания в случае наличия нескольких пунктов обвинения. Комитет принимает к сведению также представление автора о том, что суд отменил приговор в отношении автора по части 2 статьи 307 Уголовного кодекса и в то же время увеличил срок лишения свободы, первоначально назначенный судом первой инстанции, по части 3 статьи 306 по части 2 статьи 167 и по части 1 статьи 222 Кодекса, тем самым назначив автору более суровое наказание. Вместе с тем Комитет отмечает, что толкование национального законодательства в принципе относится к компетенции судов государств-участников, если только оно не является явно произвольным или равнозначным отказу в правосудии. На основании материалов дела Комитет не может сделать вывод о том, что Верховный [С]уд [Российской Федерации] назначил окончательный срок лишения свободы произвольно или в результате неправильного применения закона или что такое назначение наказания равнозначно отказу в правосудии. Комитет не может признать, что постановленный Верховным [С]удом [Российской Федерации] приговор является более суровым по сравнению с первоначальным приговором в отношении автора или что принцип состязательности судебного процесса или требование об исключении *ex officio reformatio in pejus* не были соблюдены. Соответственно, Комитет считает сообщение автора в данной части недостаточно обоснованным и неприемлемым на основании статьи 2 Факультативного протокола (пункт 6.10 Решения).

Выводы комитета: а) признать сообщение неприемлемым на основании статей 1, 2 и 5 Факультативного протокола; б) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору сообщения (пункт 7 Решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам №№ 46796/06, 13260/10 и 52082/10 «Мамонтов и др. против России» (вынесено и вступило в силу 21 июня 2016 г.), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с осуждением заявителей за преступления, спровоцированные сотрудниками органов внутренних дел.

Заявители жаловались на то, что были несправедливо осуждены за преступления, связанные с приобретением наркотических средств, к совершению которых их спровоцировали сотрудники милиции... [О]ни жаловались на отсутствие надлежащего рассмотрения их жалоб на провокацию в ходе внутригосударственных судебных разбирательств в нарушение статьи 6 Конвенции.

В отношении наличия статуса жертвы у заявителей Суд отметил, что «...заявители, осужденные за сбыт наркотиков, чьи уголовные дела позже были повторно рассмотрены национальными судами, не перестали быть жертвами предполагаемого нарушения Конвенции, поскольку пересмотр их уголовных дел был неэффективным и не соответствовал требованиям статьи 6 Конвенции и соответствующего прецедентного права Суда» (пункт 11 постановления).

Касаемо жалоб одного из заявителей Суд указал на то, что «...[в]нутригосударственные суды в настоящем деле не рассмотрели доводы, лежащие в основе жалоб заявителей относительно провокации... [О]ни были не в состоянии оценить, имело ли место нарушение прав по статье 6 Конвенции в ходе проведения соответствующих мероприятий. Таким образом, хотя результат пересмотра дела заявителя был в его пользу, он не соответствовал стандартам, разработанным в ходе прецедентной практики Суда в свете статьи 6 Конвенции» (пункт 13 постановления).

Суд также подчеркнул, что «...отсутствие в российской правовой системе ясной и предсказуемой процедуры санкционирования контрольных закупок является структурной проблемой, которая подвергает заявителей произволу со стороны правоохранительных органов и не позволяет национальным судам осуществлять эффективный пересмотр жалоб на провокации... [Соответственно] было

допущено нарушение статьи 6 Конвенции» (пункты 18–19 постановления).

Заявители также жаловались, ссылаясь на нарушение подпункта (d) пункта 3 статьи 6 Конвенции, на то, что не имели возможности допросить свидетелей, которые давали показания против них.

Европейский Суд отметил, что «...право допрашивать свидетелей, чьи показания могли бы иметь отношение к оценке жалобы на провокацию, является одной из гарантий от злоупотребления властью при проведении операций под прикрытием» (пункт 21 постановления).

Однако, учитывая свои выводы, относящиеся к нарушению статьи 6 Конвенции, Суд посчитал, что не было необходимости рассматривать, имело ли место в данном деле нарушение подпункта (d) пункта 3 статьи 6 Конвенции.

См. также постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам №№ 22486/05, 40959/05, 18279/07, 61921/08, 3960/09, 7716/09, 5608/09, 10192/09, 13746/09, 28951/09 и 52614/09 «Ульянов и другие против России» (вынесено и вступило в силу 9 февраля 2016 г.), которым также установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с осуждением заявителей за преступления, спровоцированные сотрудниками органов внутренних дел. Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе №8049/07 «Некрасов против России» (вынесено 17 мая 2016 г., вступило в силу 17 октября 2016 г.), в котором отклонены жалобы заявителя на нарушение пункта 1 и подпункт «б» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с якобы имевшим место непредоставлением Некрасову С.А. и его адвокату достаточного времени для ознакомления с материалами уголовного дела.

См. также *Азимжан Аскарлов против Кыргызстана*. Сообщение № 2231/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека 31 марта 2016 г.; *Тауфик Элайба. против Туниса*. Сообщение № 551/2013. Решение принято Комитетом по правам 6 мая 2016 г.

Применение принудительных мер медицинского характера

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 48023/06 «Васенин против России» (вынесено 21 июня 2016 г., вступило в силу 17 октября 2016 г.), которым отклонены жалобы Васенина Е.И. на предполагаемое необеспечение заявителю качественной медицинской помощи и заражение его туберкулезом и гепатитом С в период его содержания в следственном изоляторе.

Вместе с тем, установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции – в связи с тем, что после вынесения постановления районного суда о применении к Васенину Е.И. принудительной меры медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре заявитель продолжал необоснованно содержаться под стражей в следственном изоляторе.

Установлено также нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции – в связи с проведением районным судом судебного заседания по уголовному делу Васенина Е.И. в его отсутствие, а также пункта 1 статьи 6 во взаимосвязи с подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции – в связи с необеспечением заявителю качественной юридической помощи в ходе процесса.

Заявитель жаловался в соответствии со статьей 3 Конвенции на то, что он был заражен туберкулезом и гепатитом при содержании под стражей, и что администрация пенитенциарного учреждения не приняла меры для защиты его здоровья и благополучия, не предоставив ему надлежащей медицинской помощи в отношении его психического и физического состояния.

Европейский Суд отметил, что «...лишение свободы само по себе не является несовместимым с состоянием здоровья заявителя, содержание заявителя под стражей в учреждениях, не подходящих для содержания под стражей душевнобольных, в отсутствие ежедневного надзора за его состоянием, приводит к возникновению вопроса в соответствии с Конвенцией» (пункт 98 постановления).

Суд установил, что «...в соответствии с медицинским заключением...несмотря на то, что заявитель страдал тяжелым психическим расстройством - шизофренией - не имелось настоящей необходимости в срочном медикаментозном лечении...Заявитель не демонстрировал симптомов, которые требовали бы психиатрической помощи. Ничто не указывало на влияние заболевания на поведение заявителя. У него не было конфликтов с сокамерниками или администрацией, и он не демонстрировал суицидальных тенденций» (пункт 101 постановления).

Приняв во внимание тот факт, что заявитель не переносил физических или моральных страданий или воздействия дополнительных

отягчающих факторов, связанных с физическими условиями его содержания под стражей, Суд не смог прийти к выводу, что «...предварительное содержание заявителя под стражей в обычном пенитенциарном учреждении достигло минимального уровня жестокости, предусмотренного статьей 3 Конвенции...[П]оследующее содержание заявителя под стражей и лечение в психиатрическом учреждении, по-видимому, не является ошибочным» (пункт 101 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...[п]ринимая во внимание полную медицинскую карту заявителя и позитивный результат лечения, в особенности, тот факт, что туберкулез заявителя был оперативно и эффективно излечен, и его гепатит находился под контролем, а также то, что с тех пор у заявителя не было рецидива...органы власти приняли все меры, необходимые для защиты его физического благополучия...Соответственно...не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции» (пункты 102-103 постановления).

Заявитель жаловался, что его содержание под стражей являлось несовместимым с требованиями пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд установил, что «...после того, как было установлено, что заявитель совершил преступление...районный суд вынес постановление о помещении заявителя в психиатрическую больницу с целью принудительного лечения его психического расстройства. В то же время суд постановил, что заявитель должен оставаться под стражей до его поступления в психиатрическую больницу. Постановление вступило в законную силу...и было исполнено двадцать девять дней спустя» (пункт 111 постановления).

Суд отметил, что «...районный суд обладал полномочиями для того, чтобы санкционировать лишение заявителя свободы, принимая во внимания выводы о том, что заявитель совершил вмененные ему преступления, и, несмотря на то, что заявитель не мог быть привлечен к уголовной ответственности по причине его психического заболевания, тот факт, что он представлял опасность для себя и окружающих, и, следовательно, подлежал помещению в психиатрическое учреждение» (пункт 114 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что «...должна быть связь между обоснованием санкционированного лишения свободы и местом и условиями содержания под стражей. В принципе, «содержание под стражей» лица в качестве душевнобольного является «законным» с точки зрения параграфа 1 подпункта (е), в случае такого содержания в больнице, клинике или другом соответствующем учреждении» (пункт 116 постановления).

Приняв во внимание тот факт, что заявитель содержался под стражей в обычной камере для нескольких заключенных и не проходил лечения с целью улучшения или сохранения его психического состояния, Суд заключил, что «...его камера не может рассматриваться в качестве «учреждения, подходящего для содержания под стражей душевнобольных» (пункт 117 постановления).

Суд подчеркнул, что «...внутригосударственным органам власти может потребоваться определенное время для выбора наиболее подходящей клиники для осужденного заявителя, страдающего психическим расстройством, и что определенное неравенство между доступной и требуемой вместимостью клиник является неизбежным...[К]онкурирующие интересы должны быть соответствующим образом уравновешены...[С]тремясь к такому равновесию, необходимо придавать определенную значимость праву заявителя на свободу, принимая во внимание, что значительная задержка при принятии заявителя в клинику и, таким образом, задержка начала лечения может негативно повлиять на ход лечения, и, в некоторых случаях, на перспективы успешного лечения» (пункт 118 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...[в] настоящем деле Власти не предоставили объяснений задержки принятия заявителя в психиатрическое учреждение. В отсутствие такого объяснения... [не]было достигнуто равновесие между конкурирующими интересами...заключение заявителя под стражу не являлось произвольным. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункт 119 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 1 и подпункт (с) пункта 3 статьи 6 Конвенции, на то, что судебное разбирательство по его делу являлось несправедливым, и что сторона защиты находилась в менее выгодном положении, чем сторона обвинения. Он утверждал, что был не в состоянии защищать себя лично, что не имел доступа к материалам дела, и что юридическая помощь, предоставленная ему Властями, являлась явно неэффективной. Наконец, он утверждал, что был лишен доступа к обжалованию.

В отношении личного присутствия заявителя на судебном слушании, Суд отметил, что «...несмотря на присутствие заявителя на предварительном судебном слушании...судебное разбирательство было проведено в его отсутствие...Власти не обеспечили его явку в суд, утверждая, что российское законодательство не требует его присутствия по причине его психического состояния. Таким образом, заявителю не была предоставлена возможность участия в судебных разбирательствах

в его отношении и представления возражений по его делу лично. Он также был лишен других процессуальных прав, включая право на изучение материалов дела» (пункт 138 постановления).

Суд подчеркнул, что «...право быть услышанным занимает такое важное место в демократическом обществе и имеет такое фундаментальное значение для защиты человека от произвола со стороны органов государственной власти, что сам факт психического заболевания, а также признание человека недееспособным не может автоматически привести к исключению данного права в целом. Именно слабость психически больного подсудимого обусл[о]вливает возросшую необходимость в защите его прав...[В]ласти должны эффективным образом проявить необходимое усердие для обеспечения права обвиняемого присутствовать в суде и действовать особенно осторожно в случае ущемления такого права для того, чтобы не ставить психически больных подсудимых в более невыгодные условия по сравнению с другими подсудимыми, которые пользуются таким правом» (пункт 139 постановления).

Суд также отметил, что в настоящем деле «...ничто не указывает на то, что суд первой и кассационной инстанции, которые рассматривали дело...надлежащим образом оценили способность заявителя к эффективному участию в судебных разбирательствах в его отношении...Неспособность заявителя лично участвовать в судебном разбирательстве, как представляется, вытекает не из серьезности его психического состояния, а ввиду отсутствия правовых норм в национальном законодательстве, которые бы признавали его право на присутствие в судебном заседании даже в ограниченном числе ситуаций» (пункт 139 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...[с] учетом угрозы, которая существовала относительно прав заявителя, при справедливом рассмотрении дела суды не могли вынести решение без наблюдения за поведением заявителя и непосредственной оценки представленных им доказательств...[П]рисутствие адвоката стороны защиты и законного опекуна заявителя не могло компенсировать невозможность для заявителя изложить доводы по своему делу непосредственно в суде...[С]удебное разбирательство, проведенное в отсутствие заявителя, не соответствовало требованиям справедливости, предусмотренным пунктом 1 статьи 6 Конвенции» (пункты 140–141 постановления).

Относительно эффективности оказанной правовой помощи заявителю Суд указал на то, что «...хотя эффективность юридической помощи не требует проактивного подхода со стороны адвоката, и качество юридических услуг не может быть измерено количеством жалоб или возражений, поданных адвокатом в суд, явное пассивное

поведение может, как минимум, привести к серьезным сомнениям в эффективности защиты. Это особенно верно в случае, когда обвиняемый настоятельно оспаривает обвинения и доказательства или не в состоянии посетить судебное разбирательство и обеспечить свою защиту лично» (пункт 142 постановления).

Суд отметил, что «...сторона защиты являлась фактически пассивной в ходе судебного разбирательства. Ни адвокат, ни назначенный законный опекун не ходатайствовали перед судом о проверке аргумента заявителя о том, что он находился под стражей на Украине во время совершения одного из преступлений, хотя этот аргумент был упомянут заявителем в его замечаниях... Еще один недостаток состоит в том, что сторона защиты не оспорила приемлемость доказательств, включая показания, данные заявителем против себя после задержания, несмотря на тот факт, что заявитель сам оспаривал обвинения, настаивая на своем алиби и указывая, что он дал показания против себя в результате жестокого обращения со стороны милиции» (пункт 143 постановления).

Суд также подчеркнул, что «...юридическая помощь, предоставленная заявителю в ходе судебных разбирательств, являлась крайне слабой. Адвокат и законный опекун заявителя...не действовали в интересах заявителя. Вместо защиты прав и интересов заявителя они поддерживали позицию стороны обвинения, в отношении существенных пунктов, таких как причастность заявителя к преступлениям, а также в отношении различных важных процессуальных вопросов, таких как присутствие заявителя на суде. Таким образом, их действия подрывали защиту заявителя....[Н]едостатки юридических услуг, предоставленных заявителю, стали особо выраженными и наносящими вред, учитывая, что заявитель не мог исправить или каким-либо образом уменьшить негативное воздействие предоставленных ему юридических услуг на его шансы быть признанным невиновным» (пункт 144 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...российские суды должны были вмешаться и либо назначить адвоката, либо отложить проведение слушания до тех пор, пока интересы заявителя не будут надлежащим образом представлены...[К]ачество юридической помощи, предоставленной заявителю в настоящем деле, не соответствовало требованиям пункта 1 и подпункта (с) пункта 3 статьи 6 Конвенции» (пункт 146-147 постановления).

Постановление по жалобе № 42858/06 «Вершинин против России» (вынесено и вступило в силу 20 сентября 2016 г.), которым установлено нарушение положений пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с применением к Вершинину Л.В. по постановлению городского суда

принудительной меры медицинского характера в виде лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа.

Суд отметил, что «...физическая свобода лица является фундаментальным правом, защищающим физическую безопасность лица.... Хотя пункт 1 статьи 5 Конвенции предусматривает перечень исключений, которые могут быть использованы для ограничения этого права (подпункты с «а» по «f» пункта 1 статьи 5), такие исключения должны толковаться в узком смысле и ни при каких обстоятельствах не могут допускать незаконное лишение свободы» (пункт 22 постановления).

В постановлении по делу «*Винтерверп против Нидерландов*»... Суд установил три минимальных условия, которые должны быть удовлетворены для того, чтобы «лишение свободы душевнобольного» было законным по смыслу подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции: за исключением чрезвычайных случаев, должно быть достоверно показано, что соответствующее лицо действительно является душевнобольным, то есть, что компетентный орган установил наличие психического расстройства на основании объективных медицинских доказательств; психическое расстройство должно быть такого характера или степени, которые оправдывали бы принудительное лишение свободы; законность продолжающегося лишения свободы зависит от продолжающегося наличия такого расстройства (пункт 24 постановления).

Суд пришел к выводу об отсутствии необходимости подробно рассматривать, было ли соблюдено первое или третье условие, установленные в деле «*Винтерверп против Нидерландов*», поскольку внутригосударственные органы власти не доказали со всей очевидностью, что характер или степень заболевания заявителя требовали принудительного лишения свободы (пункт 25 постановления).

Как следовало из заключений судебно-медицинской экспертизы и соответствующего судебного решения, заключение о том, что заявитель представляет собой опасность для общества, и рекомендация недобровольной госпитализации были основаны на стремительном формировании у заявителя навязчивых идей, которые иногда достигают уровня бреда, «нелепых формулировок» его жалоб, попытках «найти истину», противоречии во мнениях, раздвоении личности, отсутствии критического отношения к своему эмоциональному состоянию и т.д. Хотя Суд признал, что эти аспекты психического здоровья и поведения могли оправдывать необходимость определенной формы специализированного лечения, они убедительно не демонстрируют, что заявитель представлял

какую-либо опасность, и что характер или степень его психического заболевания требовали принудительного лишения свободы (пункт 26 постановления).

Суд заключил, что «...внутригосударственные органы власти не выполнили требований Конвенции при вынесении решения о недобровольной госпитализации заявителя. Соответственно, в настоящем деле было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункты 27–28 постановления).

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, находятся по адресу:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальный перевод текстов постановлений (решений) Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

**Управление систематизации законодательства и
анализа судебной практики**